

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Воссоздать Храм Христа Спасителя!

"Когда храм будет закончен, от коммунизма в России не останется и следа".

В. Звездинцев

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина...

Условия подписки на 1991 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм
В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

Не в силе Бог, а в правде! – Александр Невский

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (1401)

Май-июнь 1991

Год издания XLVII

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

Фридрих Незнанский. Ельцин о кризисе и реформах (3)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Владимир Звегинцев. Наш трудный путь к Храму (8). – **Валерий Сендеров.** Глядя в зеркало (14). – **Юрий Макаев.** Подарки замедленного действия (17)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

И. Вентова. "Дьявол" наживается. Последствия Чернобыля через 5 лет (20). – **Алевтина Дарина.** Кричите о нас, мама! (23). – **И. Смулов.** И вот они – дома... (26). – **Владимир Батшев.** На жизнь – денег нет (29)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Глеб Анищенко. "А вот демократию должны спасти мы сами" (31)

КУЛЬТУРА

Ив. Толстой. Эмиграция и мы. Часть II (36)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Петр Фадеев. Так ли всё хорошо? (40). – **Владимир Савельев.** Другие формы и методы репрессий (42)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

"Мы обязаны думать не только о сегодняшнем дне России". Интервью с народным депутатом РСФСР **Виктором Аксютинцем** (45). – "КПСС вновь вышла из окопов". Интервью с французским советологом **Франсуаза Тома** (52). – **Роман Редлих.** Многопартийность в пеленках. Часть II (56)

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

Б. Трифионов. Химеры и реальность (66). – **Д. Балашов.** Опять западничество? (69)

Фото на обложке – из альбома "Разрушенные и оскверненные храмы" (изд. "Посев", 1980 г.)

В основе нового устройства общества мы видим прежде всего отказ от всякого утопизма, от любой попытки строительства "земного рая" при помощи государственной власти. Счастье – предмет частных забот. Задача же политики – оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше ее.

В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а сотрудничество и солидарность, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов

Ельцин о кризисе и реформах

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Уже и Михаил Горбачев признал: страну разбил паралич власти, в клочья рвет ее экономический кризис. Век тоталитаризма кончился. Развал советской коммунистической системы – основное историческое содержание наших дней. Нынешний зажим – признак агонии власти. Ситуация, известная со слов создателя издыхающей нынче системы:

"Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов" (Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 47).

Но для того, чтобы довести до конца демонтаж коммунистического строя, недостаточно одного лишь отрицания коммунизма или даже борьбы с остатками и последствиями партийно-бюрократической системы. Необходимо, чтобы в обществе зрело согласие о том, куда идти.

Что идет на смену тоталитаризму? Наступил ли период разрегулирования старой системы и утверждения авторитарно управляемой полудемократии? Или же у нас вот-вот заработает развивающаяся демократия? Достигнуто ли в обществе согласие: куда идти? Есть ли стержень новой власти? Вопросы эти невольно появлялись по мере ознакомления с докладом Б. Н. Ельцина на третьем (внеочередном) Российском съезде ("Известия", 30. 03. 1991).

Свою речь Ельцин начал с признания: Россия переживает один из сложнейших и драматических моментов своей истории. Еще будет возможность разобраться, сказал он, почему богатая природными ресурсами страна, динамично развивавшаяся в начале века, на его исходе оказалась на грани пропасти, почему многомиллионный народ с величайшей культурой, богатейшими традициями ощущает сегодня духовный кризис и дефицит веры. И все же потенциал обновления России далеко не исчерпан. Крах наступит только тогда, когда господствующим настроением в обществе станет всеобщая апатия, равнодушие или слепая агрессивность.

Именно система, считает Борис Ельцин, привела к тому, что по качеству жизни человека Россия плетется в хвосте обоза мировой цивилизации. Экономическая система коренным образом связана у нас с политической и потому неэффективна. Мы плохо живем не потому, что мало или плохо работаем. Главная причина хронической нищеты в том, что экономическая система в принципе игнорирует человека. Он до сих пор не может обеспечить себе и своей семье элементарных жизненных условий. Жилье, продукты, одежда – все это стало хронически неразрешимой проблемой. В нашей экономике все поставлено с ног на голову: сырье необычайно дешево, а потребительские товары и услуги очень дороги. Ежегодно сотни тысяч гектаров пашни выводится из сельскохозяйственного пользования, но получить землю тем, кто может и хочет ее обрабатывать, очень трудно. У государства

нет средств на самое необходимое для детей и стариков, но при этом десятки миллиардов закапываются в землю в виде абсурдных гигантских каналов, растут горы ценных отходов, стоят огромные мертвые коробки новых цехов. И все это – "по плану"!

Многие годы мощная политическая система обеспечивала существование уродливой экономики и выполняла важнейшие функции тотального контроля за всеми сколько-нибудь значительными процессами в стране: от деятельности оборонных предприятий до личной жизни. Уничтожив мощные естественные стимулы, побуждающие человека к активной деятельности, она создала изощренные механизмы, заменяющие их. Личная заинтересованность заменена приказами, директивами и страхом. Все это не могло не привести страну к стагнации, а в дальнейшем к упадку.

Ельцин прав, когда говорит, что монополия догматов "марксистско-ленинского учения" отодвинула нашу страну от новейших научных концепций: современных теорий рыночного хозяйства, правового государства, гуманистических теорий культуры. Большую часть XX века интеллектуальная жизнь советского общества находилась под жестоким диктатом теоретических положений столетней давности, обьявленных священными. Все это привело к огромным потерям.

Основным институтом системы, безусловно, является КПСС. И хотя ее численность уменьшилась с 20 до 15 млн., она все еще пытается господствовать в политической жизни страны, действуя на началах строгого централизма, который худо-бедно обеспечивает политический контроль над многими звеньями общества, а также распространение и дублирование исходящих из единого центра команд.

Но по сути КПСС – лишь вывеска, прикрывающая "партию начальников", правящую номенклатуру, действующую незаконными тайными методами. Именно в номенклатуре, новом тайном господствующем социальном слое, скрыта основная пружина, генофонд советской системы. Эта "партия начальников" обладает монополией в сферах политики, экономики, информации и права. Цель деятельности этих монополий – сохранить свою сущность в неприкосновенности и не допустить кардинальных реформ, которые неминуемо приведут к потере номенклатурой своей власти над обществом и государством.

Номенклатура управляет страной посредством организованных ею сил: трех политико-управляющих структур. Первой структурой является конгломерат различных ведомств. В него входят КГБ, армия, военно-промышленный комплекс, ведомства иностранных дел и внешней торговли, организованная наука – Академия наук СССР. Вторая политико-управляющая структура – партийный аппарат. И третья центральная структура – менеджерский корпус по управлению народным хозяйством: кабинет министров, Госплан, Госснаб, министерства и комитеты. В последнее время все заметнее смычка партаппарата с военно-промышленным комплексом, КГБ, армией и МВД. Эти структуры, объединенные властью президента, являющегося одновременно лидером правящей партии, держат руку (или пытаются держать) на кнопках и рычагах управления государством.

Пост генсека превратился в ключевую властную позицию советской политической системы. В нынешних условиях лидер КПСС сконцентрировал в своих руках всю полноту власти, совмещая свой пост с

должностью президента страны. С нашей точки зрения, М. Горбачев не президент страны (он избран не всенародными выборами, а "агрессивно-послушным большинством" в парламенте), а президент номенклатуры. Генсек ЦК КПСС стал президентом СССР, чтобы укрепить пошатнувшуюся партийную власть номенклатуры.

Еще одним характерным признаком системы является аппарат. В нашей стране функционирует партийно-государственный аппарат, целиком состоящий из номенклатуры. Он не подконтролен обществу и превратился в самодовлеющую силу, занятую лишь проблемами самокормления и сохранения власти.

В стране создана невиданная в мировой практике машина принуждения и потенциального подавления, возглавляемая КГБ. Она стала постоянным инструментом государственной политики, непрерывно совершенствовалась, отлаживалась и росла. Эта дьявольская машина то отходит вглубь, то выходит на авансцену. Сейчас КГБ – на острие борьбы с антикоммунистическими и антисоциалистическими партиями и общественными движениями, в том числе с НТС.

Идеологический монополизм. В течение десятилетий последовательно осуществлялась монополизация марксистско-ленинской идеологии. Вернее всего нужно назвать данный механизм институтом *принудительного единомыслия*. Главным его назначением было не сохранение чистоты догм, а поддержание идеологической дисциплины. Целый ряд административно-политических инстанций был изобретен лишь для того, чтобы обеспечить несвободу информации.

В политической практике правящей партии мы видим существование двух принципиально не совпадающих слоев. Один – внешний, носит декоративный и маскировочный характер. Другой – внутренний, предназначенный для аппарата. Он-то и отражает подлинную идеологию. Если внешний предназначался для массового потребления и агитации, то внутренний – для реальной аппаратной политики.

И главное: в нашей стране существует тотальная зависимость человека от власти. Курс КПСС на всеобщее фактическое огосударствление хозяйственной и социальной жизни создал положение, при котором почти все человеческие потребности – получение работы, образования, жилья, медицинской помощи и т. д. – оказались под монопольным контролем власти. Основной производитель всех благ в обществе – государство. Распределитель – номенклатура.

Как видит Б. Ельцин выход из этой ситуации? Он считает, что народу нужно вернуть экономические и политические права и свободы. Предстоит возродить во многом утраченные национальные культуры народов России, обеспечить восстановление многоплановых связей с российским зарубежьем. Создать условия для возвращения России в систему мирового рынка и мировой культуры. Следует ликвидировать уродливую систему господства многочисленных министерств, обеспечить решительный приоритет отраслям, работающим на потребление. Предстоит преодолеть последствия тяжелейших экологических катастроф, предотвратить новый экологический ущерб, по-прежнему угрожающий многим территориям России.

Идеологические догмы как и прежде довлеют над экономическими законами. С накопленной силой нависли угрозы гиперинфляции, массового обнищания и даже голода.

По мнению Ельцина, в стране обозначились два противоположных политических курса. Первый – это курс на осуществление стратегии глубоких преобразований во всех сферах жизни; демонтаж политической и идеологической монополии одной партии, развитие институтов демократии; создание и укрепление эффективных механизмов социальной защиты человека, проведение социальной политики, направленной на раскрепощение активности человека, его инициативы и творчества; курс на проведение открытой внешней политики.

Но ярко проявляется и другой, противоположный по характеру политический курс – это не что иное, как возвращение политики, которая проводилась до апреля 1985 года и нанесла огромный ущерб России. Этот курс способен лишь обеспечить безрадостное сегодняшнее существование или его ухудшение.

Программа Ельцина реалистична. Он предложил обеспечить жизнеспособность рубля, стабилизировать покупательную способность денег путем резкого ужесточения финансовой политики. Незамедлительно сформировать новые рыночные структуры, обеспечивающие снабжение материальными ресурсами как свободные секторы экономики, так и тех, кто особо нуждается в поддержке вследствие быстрого развала хозяйственных связей – военно-промышленный комплекс, сложные отрасли производства. Предоставить реальную хозяйственную самостоятельность предприятиям, активно развернуть на законодательной основе разгосударствление и приватизацию.

Ельцин считает, что принципиально важно иметь концепцию согласованной, гибкой политики цен. Переход к свободным ценам должен осуществляться поэтапно с учетом складывающейся на рынке ситуации, но в достаточно короткий срок. Он осознает, что такая программа ныне не может быть реализована "действующими политическими структурами". Ее отличительная особенность в том, что "она органически включает в себя решительное изменение организации центральной и республиканской системы политической власти и управления". Это – необходимое условие осуществления реформы.

Какие же политические силы в состоянии провести реформы? На этот вопрос Ельцин отвечает так: необходимо немедленно начать диалог всех политических сил и профессиональных объединений всех республик на принципах "круглого стола". Формирование широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений.

Следует официально отказаться от применения силы, в том числе военной, как средства политической борьбы. Необходимо развитие системы прямого народного волеизъявления, реализация решений союзного и республиканского референдумов. Нужны: реальная департизация органов прокуратуры, юстиции, КГБ, армии, государственного аппарата; запрет на совмещение партийных должностей с руководящими должностями в органах власти и управления, в том числе и для президента страны. Ельцин призывает отменить все неконституционные решения союзных и республиканских органов, ущемляющие политические, экономические, социальные и личные права и свободы граждан. Предлагает создать эффективную систему гарантий их обеспечения. Должны быть созданы условия для реализации конституцион-

ного права граждан на достоверную информацию, для независимости средств массовой информации.

Ельцин предложил пакет мер чрезвычайного характера, ориентированных на получение результатов в сжатые сроки: максимально быстро удовлетворить просьбы граждан по наделению их землей, снять все ограничения на свободу торговли сельхозпродуктами, поощрять создание торгово-закупочных кооперативов, частных предприятий по торговле и доставке сельхозпродукции в города.

Ставит он и вопрос о реальном обеспечении политического плюрализма, о гарантиях многопартийности. Что ж, идея "круглого стола" заслуживает особого внимания. (К сожалению, Борис Николаевич не расшифровал этой идеи, не высказался конкретно, какие политические силы он хотел бы видеть за "круглым столом".) Тема же многопартийности важна, потому что пока КПСС у власти, ни хлеба, ни свободы в России не будет. Пока КПСС у власти, национального освобождения не будет. Только власть, облеченная доверием народа, может провести земельную реформу и другие жизненно необходимые преобразования. Всенародные выборы – единственно нормальный путь в будущее для всех людей и всех народов нашей страны.

В нынешних условиях неопределенности и разброда на все здоровые силы общества ложится задача созидания. Новые общественные структуры, объединенные идеей "круглого стола", могут заложить основу будущего управления страной, прежде всего земского самоуправления (в городе, районе, области). На эти структуры можно будет опереться в момент крушения власти КПСС и отстроить как подлинно народное самоуправление, так и политическую силу, способную вывести нашу страну из катастрофы.

На политической арене должны возникнуть партии, отражающие интересы рабочих (видимо, не одна), крестьянская партия, партия мелких хозяев, кооператоров, ассоциации, сплотившие творческую интеллигенцию, а также менеджеров, состоящих ныне на услужении номенклатуры из КПСС. Некоторые такие партии уже возникли. Лидеры этих партий и должны, с нашей точки зрения, сесть за стол переговоров. А переговоры, если они будут исходить из идеи, что задача государства – не командовать обществом, а служить ему, могут привести к сбалансированности интересов всех слоев общества, к созданию коалиционного правительства на уровне союзного государства.

Двигаться из нынешнего состояния в будущее мы должны, закладывая уже сегодня основы завтрашнего общества, поощряя самоорганизацию гражданского общества, отвоевывая у коммунистической власти свое социальное пространство. Идею эту, довольно четко выраженную в докладе Б. Н. Ельцина, можно только приветствовать.

"Политика Ельцина направлена на то, чтобы спасти народ, Россию, страну от той катастрофы, к которой подвели ее властвующие силы за 73 года советской власти. – Так считает народный депутат СССР Алексей Емельянов. – Отсюда весь его радикализм – в совершенствовании политической системы, в переходе к рыночной экономике, в земельной реформе. Сила Ельцина в политике, нацеленной в будущее" ("Литературная газета", 27. 03. 1991).

Очень бы хотелось, чтобы народный депутат Емельянов не ошибся.

Наш трудный путь к Храму

Владимир ЗВЕГИНЦЕВ

Прочитал от корки до корки два журнала "Посев", дал почитать другим в экипаже, ознакомились с программой НТС, обсуждали, спорили. После этого у меня, да, по-моему, и у остальных, осталось чувство острого сожаления о том, что не читал этого раньше, не предполагал, что существует подлинно демократический союз с четкой, научно обоснованной программой, с гуманными и честными методами ее осуществления.

Некоторые, однако, высказывают опасение, что за чтение и распространение такой литературы по головке не погладят. Раньше – всего каких-нибудь 4 года назад, могли посадить, но сейчас... Сейчас нередко с трибуны Верховного Совета слышны порой высказывания, близкие по духу НТС, правда, гораздо более экстремистские по форме. И все же НТС – это запретно, во всяком случае, как сейчас модно говорить, "не санкционировано". Наверное, потому, что это – концепция, организация, программа, а не просто политическая болтовня. А значит, его идеи имеют шанс овладеть массами и стать реальной политической силой.

Контрнаступление фундаменталистов

Последнее время, однако, наши опасения приобретают более реальную основу. Под громкие разговоры о необходимости и далее углублять демократические процессы идет лихорадочное свертывание гласности, президент подписывает указ о патрулировании улиц городов войсковыми и милицеейскими патрулями, жестко бойкотируются попытки республик реализовать свой суверенитет. Местная реакция, воодушевленная признаками "закручивания гаек сверху" и карточной системой, перешла в решительное контрнаступление на неукрепленные и редкие форпосты провинциальной демократии.

Трудно представить, что армейские патрули на улицах вместе с вооруженными автоматами и дубинками милиционерами, пусть даже при поддержке танков и бронетранспортеров, будут эффективны в борьбе с квартирными кражами и рэкетом, проституцией и наркомагией, вообще с организованной преступностью, проникшей в самые верхние этажи общества; зато они будут весьма эффективны для разгона "несанкционированных" митингов и демонстраций, пресечения забастовок, расстрела попыток мирным путем реализовать право народов выйти из Союза, как это уже показали события в Литве.

Вот конкретный пример. В связи с подготовкой к предстоящему референдуму пришла радиограмма от министра рыбной промышлен-

ности т. Котляра, в которой он решительно призывает всех коммунистов отрасли, а также весь плавсостав проголосовать за сохранение Союза, призыв этот продублирован и региональным начальством отрасли. Радиogramма обращена к командирам судов. Капитаны, как правило, – члены КПСС. В условиях строгого единоначалия, определенного судовым уставом, когда капитану принадлежит решающее слово, нетрудно предположить результаты такого голосования. Вот вам и свободное волеизъявление.

Что касается меня, то мне непонятна сама необходимость проведения этого референдума. Это все равно, что спрашивать бездумного – "Где жить лучше: в отдельном коттедже или многоквартирном доме?". Правда, ни того, ни другого ему в ближайшем будущем не светит, но ответить он должен.

Скорее всего, это очередной политический трюк, проведя который Горбачев и поддерживающая его в этом верхушка партийной, административной и военной номенклатуры получают конституционное и – вроде бы – одобренное народом право на дальнейшую эскалацию тоталитарных тенденций, на этот раз – под лозунгом борьбы с сепаратизмом и неконституционным радикализмом. Президент, продолжающий утверждать себя коммунистом-ленинцем и клятвенно заявлять о своей приверженности социалистическому выбору (а мы видим, что этот "выбор" уже поставил страну на грань реального голода и широкомасштабной гражданской войны), вероятно знает, что его курс не пользуется поддержкой большинства населения страны, и решает теперь опираться на армию, КГБ и МВД в реализации своих коммунистических целей. Складывается впечатление, что "социалистический выбор" в интерпретации Горбачева – это сохранение любыми средствами, включая и военные, власти партийной, хозяйственной и армейской бюрократии – под "крышей" Советов и других "демократических" органов с "легендой" борцов за перестройку. Все основные средства производства, колоссальные общесоюзные ресурсы, финансы, армия, репрессивный аппарат остаются неизменной собственностью все той же бюрократии, которая при этом условии согласна перейти в экономике на "контролируемый", а точнее рэкетируемый ею общесоюзный рынок. А может, логичнее вынести на всесоюзный референдум вопрос о самом "социалистическом выборе"? Тогда, я уверен, вопрос о сохранении Союза не имел бы такой остроты, либо вообще бы не стоял, ведь сепаратистские движения в республиках подстегивает в первую очередь "социалистический выбор" центра.

Не было четких целей

По-моему, неправильно, как это происходит сейчас на Западе, отождествлять М. Горбачева и "перестройку". Горбачев, хотел он этого или нет, вынужден был начать процесс политических перемен, которые в то время, когда он их начинал, могли идти только в сторону либерализации режима. Они нужны были ему, чтобы выжить как политическому деятелю, завоевать популярность как государственному

лидеру. При этом демократизация не являлась и не могла являться истинной его целью, она лишь сопутствовала процессу частичной либерализации, до тех пор, пока оба процесса не вышли у него из-под контроля. Ради того, чтобы укрепить свою власть и добиться популярности, он сначала делает партию заложницей "перестройки", не перестраивая, однако, ни самую КПСС, не отказываясь от ее претензий на всесоюзные коммунистические эксперименты. Затем, чувствуя, что поддержка дискредитированного партийного аппарата слабеет, он делает Верховный Совет СССР заложником своего президентства. Теперь же предпринимается попытка путем референдума сделать весь советский народ заложником "социалистического выбора" и чрезвычайных полномочий президента.

Процесс демократических преобразований, связанных с именем Горбачева, теперь, опять же независимо от его воли, невзирая на то, хочет он этого или нет, будет повернут вспять. Чтобы выжить как политический деятель в условиях разрухи, к которой привела страну та самая перестройка именно в силу ее волюнтаристского характера, отсутствия четких целей и нежелания радикальных перемен, ему не остается иного выбора, как постараться перейти к авторитарной, опирающейся на военных, власти.

Но боюсь, что и это окажется ему не по силам. В стране появились новые политические силы, новые лидеры, авторитет же президента не приведет к сплочению нации, более того, он обострит политическую борьбу, в которой будут, вероятно, свои жертвы. Главной же жертвой может стать сам президент, который, будучи увлечен борьбой с оппозицией, не заметит, как и мы, удара в спину от своих товарищей по партии, от коммунистических фундаменталистов, которые ничего ему не простили. Затем все это можно будет выдать за экстремизм оппозиции и расправиться с ней. Не хотелось бы верить, что так получится!.. За годы перестройки появилась народная примета: если в стране появляется какой-то слух, а затем он опровергается официальным представителем от правительства, то через некоторое время он сбывается в наихудшем варианте. На днях представитель от КГБ по радио опровергал слух о готовящемся военном перевороте... Может, хоть в этот раз примета не сработает?

Каким путем должна идти помощь?

"История повторяется дважды, – говорил Маркс. – Первый раз – в виде трагедии, второй раз – в виде фарса". Сейчас, кажется, наступает время фарса. Мы не сможем осуществить прорыв в будущее, не подведя решительной черты под прошлым. Сюда входит публичное, именное осуждение, а также наказание сталинских палачей, отказ от идолопоклонничества и культа ленинизма, национализация имущества КПСС, безоговорочный отказ от попыток экспериментов по реализации коммунистической идеи.

В этой связи я хочу сослаться на опубликованное в № 4 за 1990 год письмо Э. Шаля "Предать земле останки Ленина". Мне кажется, в нем

автор очень точно устанавливает общественно-нравственный императив, который ощущает сейчас каждый думающий человек. Я солидарен с автором по вопросу оказания экономической и гуманитарной помощи, в которой наш народ так нуждается. Если раньше, каких-нибудь 2-3 года назад, мы могли смело сравнивать наш уровень жизни с некоторыми слаборазвитыми странами третьего мира, то теперь в стране победившего социализма и развивающейся демократии, с новыми астрономическими ценами, галопирующей инфляцией, карточной системой, дефицитом самого необходимого, отсутствием свободы передвижения, обширными зонами экологического бедствия и кровавыми межнациональными конфликтами – советский человек уже точно живет хуже всех в мире.

В этой ситуации, несмотря на ни с чем не сравнимое, генетическое терпение русских, социальный взрыв неизбежен. Чтобы его предотвратить, нужно хотя бы как-то облегчить существование десятков, а может быть, и сотен миллионов советских людей, поэтому помощь нужна.

Однако нужно, чтобы везде, где это возможно, помощь шла непосредственно к народу, минуя государственные структуры Союза. Она не должна латать "Тришкин кафтан" госбюджета и разворовываться государственными чиновниками.

Представляется правильным предоставлять ее через коммерческие и инновационные банки, кооперативным объединениям, ассоциациям фермеров и арендаторов, прогрессивным профсоюзам. На эти средства, предоставляемые под низкие проценты, в короткий срок могут быть закуплены за рубежом и собраны, сданы "под ключ" небольшие современные предприятия пищевой индустрии, современные хранилища. Хорошо, если бы они еще смогли работать хотя бы первое время, консультируемые западными менеджерами на условиях западного, а не советского, с его непомерными налогами, предпринимательства. Предприятия эти должны создать сеть собственных магазинов по продаже своей продукции населению. Это и будут первые остротки нормально функционирующей рыночной экономики в Союзе.

Гуманитарная помощь должна оказываться и по линии обучения, в первую очередь экономическим наукам, наших специалистов. А еще, пожалуй, лучше организовать обучение в школах бизнеса за рубежом большого количества русских студентов.

И конечно же, значительная часть гуманитарной помощи должна идти через Церковь. Сейчас Православная Церковь, другие христианские конфессии, так же, как и другие вероисповедания, получили наконец право вести миссионерскую, благотворительную и просветительскую деятельность. Поэтому, на мой взгляд, использовать Церковь как независимый канал предоставления помощи советскому народу совершенно необходимо. Любые средства – будь то продукты питания, медикаменты, деньги или литература – через Церковь быстрее дойдут до народа и будут использованы с большей эффективностью. Церкви, конечно, потребуется оказать некоторую помощь в создании соответствующей инфраструктуры.

Воссоздание Храма

Помимо неотложных мер по выходу из экономического кризиса, наш народ нуждается в духовно-созидающем действии, которое бы выводило его из того глубокого морального тупика, в котором он находится. Этим действием может стать всенародная акция по воссозданию храма Христа Спасителя в Москве. Подчеркиваю, что веду речь именно о в о с с о з д а н и и, а не просто восстановлении старого храма, хотя и идею восстановления храма считаю благородной и заслуживающей поддержки. Но здесь – принципиальное различие. Восстанавливая старый храм, вернее изготавливая его репродукцию, мы, в самом лучшем случае, сумеем построить его ухудшенную копию. Разрушенный храм был прекрасен, уникален, неповторим. В его неповторимости и заключена вся трагедия его потери. Пытаясь создать репродукцию храма, мы тем самым снижаем его народную значимость до исторической реликвии или архитектурно-живописного шедевра.

В этом случае у людей, посещающих храм, неминуемо возникало бы чувство, что всё это ненастоящее, хорошо выполненная подделка, интересная лишь как образец реставрационного искусства, более или менее точно дающая представление о том, подлинном храме. Мне кажется, истинное предназначение храма несравненно выше. Храм – это место слияния душ у Престола Господня. В нем происходит синтез духовности прошлого и настоящего, устремленной к Богу – в будущее.

Мысль же моя состоит в том, что нам необходимо построить новый Народный Храм Христа. Так же, как и старый, он должен быть построен на народные деньги. Так же, как и в прошлом веке, нужно объявить всерусский конкурс на лучший проект храма. Его итоги, после всенародного обсуждения, будут подведены Поместным Собором и утверждены Патриархом. Это может быть здание, выполненное в канонических традициях церковного зодчества, или результат поиска новых, неосвоенных форм храмовой архитектуры, неважно. Главное, чтобы он был отмечен печатью мастерства и вдохновения и был достоин своего великого предшественника. Работа по воссозданию храма должна сосредоточить лучшие художнические, архитектурные, строительные и научные силы как России, так и русского зарубежья. Как и его предшественник, храм должен стать Пантеоном Отечественной Славы, в котором будут увековечены имена воинов-героев не только I Отечественной, но и Великой Отечественной войн, а также I Мировой, Японской, Финской и Афганской войн, Белого Патриотического Сопротивления. Этот храм будет мемориалом Великой Национальной Трагедии, где будут высечены имена жертв красного террора, сталинских репрессий, замученных за веру, а также великих сынов России, похороненных на чужбине. Этот храм должен стать грандиозным и прекрасным сооружением, величественным Народным Собором, национальным символом веры. Роспись храма должна быть предоставлена лучшим художникам на конкурсной основе.

Огромная работа, для всех: деятелей Церкви и просто верующих, архитекторов, строителей, художников, искусствоведов, реставраторов, историков, ученых, которая может делаться, несмотря и даже вопреки нынешним экономическим трудностям и политической смуте. Храм должен стать воплощением гения великого народа, прошедшего через великие испытания к Богу.

Эта работа, проделанная таким образом, даст нам возможность осознать, что "мы – можем!". Мы тоже можем создавать великое и прекрасное, а значит и жить достойно – по-человечески, по-христиански. Когда храм будет закончен, от коммунизма в России не останется и следа. Его "призрак" навсегда успокоится на "свалке истории". И только имена на скорбных плитах в пределах Собора будут напоминать о его бесчисленных жертвах.

*

Р. С. Уважаемая редакция! Прошу вас по возможности снисходительно отнестись к стилистическим неточностям, ошибкам и помаркам, которые вы, вероятно, обнаружите в моем письме. В море, где мы работаем, а это пятидесятые южные широты, не очень хорошо доходит последняя информация и нет справочной литературы. Единственно, что могу привести в свое оправдание, это то, что я до последнего момента (то есть до этого короткого захода в Блафф) не решался писать вам, но затем вдруг подумал, что хорошо было бы как-то поучаствовать в той благородной работе, которую вы проводите, тем более что сейчас у меня есть некоторая сумма в конвертируемой валюте и свобода переписки. Потом мне пришло в голову, что в этом письме я смогу через ваш журнал ознакомить людей с идеей воссоздания Храма Христа Спасителя в Москве, а она мне очень дорога.

Чтобы хоть как-то поучаствовать в создании тех ценностей, за которые радеет "Посев", я решил перечислить свой месячный заработок в валюте (прибл. 100 ам. долл.) в ваш Фонд.

Тихий Океан, март

От редакции. Хотя присланный нам материал Владимира Звегинцева написан в форме письма в редакцию, мы решили публиковать его в виде статьи, так как автор затрагивает в ней целый ряд серьезных, комплексных проблем. Мы позволили себе лишь сделать подзаголовки к этим записям из "новозеландских глубин".

Уже не в первый раз наши авторы полемизируют с письмом Э. Шаль, опубликованном в "Посеве" № 4 за 1990 год. Очевидно, редакции следовало указать, что автор того письма – журналистка Элла Шаль, "этническая" немка, недавно переехавшая из казахстанских степей Советского Союза в Германию. Тем не менее, она близко к сердцу принимает беды своей настоящей родины и настаивает на необходимости экономической и гуманитарной помощи Запада. Вопреки мнению некоторых наших авторов из страны, мы предложения Э. Шаль разделяли и разделяем. Вопрос в том, кто должен эту помощь распределять. Мы согласны с точкой зрения В. Звегинцева о формах и методах распределения гуманитарной помощи. Те, кто посылают в нашу страну продовольственные и прочие посылки, должны правильно выбирать объекты этой помощи.

Глядя в зеркало

Валерий СЕНДЕРОВ

Странные видения не докучают нам, и звездные сны давно уже не тревожат покой. Нелепо даже и посетовать, что оскудела земля пророками. "Пророк не имеет чести в своем отечестве" (Ин. 4.44), – тотчас напомнят тебе. "Слово Господне было редко в те дни, видения не часты" (Цар. 3), – снисходительно добавит собеседник. "Не стало закона, и пророки не сподобляются видений от Господа" (Плач 2.9), – сказано за шестьсот лет до Пришествия.

Так, конечно. Пленялись люди лжепророками и просто и не заметили самой Истины – всё так. Но минуло 20 веков по Р. Х... "Пророки давно надоели!" – зазвучал вдохновенный гимн кухонного свободомыслия. Победило свободомыслие, пошла вразнос перестройка... "Пена на губах", "Интеллигент против пророка"! – зазывает под голубую обложку малогабаритный прогрессивный журнал.

Не стоило бы об очевидностях и писать, если бы не забавная подмена понятий. Кличкой "пророк" клеймят не юродивых, не тех, чей язык заплетается от преизбытка нахлынувшего Духа. На них современный человек и внимания не обратит, разве пальцем у лба покрутит. Но кто трезво и четко анализирует окружающее, на основании этого ясно видит на годы, на десятилетия вперед, – им-то как раз и лепят бубнового туза.

В век разума и атома – почему ж так?

Статья "Наши плюралисты" написана А. И. Солженицыным в 1982 году. Она так и построена: писатель рассматривает современное сознание, говорит о его неизбежных последствиях. Структура "Образованщины" (тематически близкой работы) иная. Луч "Вех", беспощадно высветливший русскую интеллигенцию начала столетия, Солженицын направляет на дипломированную часть послекатастрофного общества.

Время ускоряется, период "Наших плюралистов" стал уже не столь близким прошлым. И кажется естественным воспользоваться методом Солженицына, со статьёй в руках поглядеть: что происходит сегодня? Сбылись ли выстраданные, аргументированные прогнозы?

"Сталинское варварство – прямое продолжение варварства России" – "Преемственность рабства" – "Русский мессианизм под псевдонимом марксизма" – "Лики мессианства"...

Господа, опомнитесь!

Без перемен. Попросим прощения у автора статьи, мы изменили ее текст. Две цитаты из четырех не из "Наших плюралистов" – из современных открытий. Различить их предоставляем читателю в качестве упражнения.

Впрочем, для нашего читателя всё современно: никому не интересные на Западе "классики" нашли новый рынок сбыта для своих откровений, их активно перепечатают советские журналы.

Между тем, простая научная добросовестность должна бы, кажется, удерживать от таких (ничем не дополненных) публикаций. Годы, порою десятилетия минули со времени предсказаний. И что же, сбылись они? Различные общественные силы сейчас проявляют себя в стране, ослабевший перестроечный коммунизм не может помешать этому. И как, проявилась тяжкая историческая наследственность? Показали себя россияне (иначе ведь и быть не могло!) ненавистниками демократии, шовинистами? Гора ценного материала не могла же не накопиться. Может, просто по лени молчат о ней, довольствуются вчерашними мудростями?

Не лень и не молчат, жадно ловят хоть что-нибудь подходящее. Возникла "Память" – и не заметили знатоки России, что ей (и только ей тогда!) власти предоставили помещения для собраний. "Во-о-т он, русский фашизм!" – торжествующе запестрело на полосах. Да с цифрами, с точными прогнозами: через два-три года замаршируют по улицам штурмовики! Годы прошли, числовые выкладки из статей исчезли. О достойном России фашистском будущем пишут – как же без этого? Но теперь загадочно пишут, интуитивно, апеллируя к "впечатлениям" и "ощущениям". А общественная активность людей, многотысячные митинги (провокации разбиваются об их спокойствие и выдержанность)? рабочее движение? – ну, на каких концептуальных полках найти знатокам место для таких мелочей...

«Сколько среди них специалистов-гуманитаристов – но почему ж нам не выдвигают конкретных социальных предложений? – да разумными давно бы нас убедили! ...да расшифруйте же конкретно: к а к у ю демократию вы рекомендуете для будущей России? Сказать "вообще как на Западе" – ничего не сказать: в Америке ли, Швейцарии или Франции – всё приноровлено к д а н н о й стране, а не "вообще"».

О демократии всё как и было, добавить нечего. К а к а я? – не слышать за многословием о "демократии вообще". Может, и были какие-то крохи (сейчас за всеми публикациями не уследишь), но утонули в бумажном море, и в малой степени не став реальностью общественного бытия. ("Конституция" Межрегиональной депутатской группы – исключение, подкрепленное авторитетом судьбы и ума А. Д. Сахарова.) Конструктивные группы в Верховном Совете России начинаются с нуля, "наработки", на которые они могли бы опереться, отсутствуют.

Социальные предложения, однако, есть. Теоретики потрудились таки над обоснованием необходимости необошевистской диктатуры, о спасительности (военно-коммунистической) "авторитарности" написано немало. Но при историкоподобном изложении персональными восхвалениями не обойтись, нужны предшественники. И их нашли, изыскав первичные добродетели у деятелей славной брежневской эпохи. (Об интересном феномене прогрессивного мышления мы уже писали, см. "Посев" № 3, 1989 г.) Здесь – очевидная связь времен, четкая состыковка с плюралистами, описанными Солженицыным.

Не испорти проклятый народ и естественная логика экономики перестроечных игр, продолжились бы они в наперед заданных рамках – и очень пригодились бы тогда подобные настроения.

"Ни о д н и о г о реального предложения, кроме "всеобщих прав человека".

*.....
...друге отвалились завтра партийная бюрократия – эти к у л ь т у р н ы е с и л ы тоже выйдут на поверхность – и не о народных нуждах, не о земле, не о вымирании мы услышим их тысячекратный рев, не об ответственности и обязанностях каждого, а о правах, правах..."*

Уж эта характеристика плюралистов казалась вечной. И ведь были же и несомненные нравственные плюсы в постоянном, упорном, от политической конъюнктуры не зависящем настоянии на "правах, правах" – Правах Человека.

"Казалась... были..." Странно – но приходится об этом писать в прошедшем времени.

Сейчас о правах... забыли. Забыли на практике, в делании. Политзаключенные – "лакмусовая бумажка" правозащитных проблем в нашей стране. Необходимость их защиты, требование освобождений – эти нравственные азы были прочным фундаментом движения за права человека, они надежно объединяли разномыслящих. Плюралисты получили толику власти в республиках – ее с лихвой хватило бы, чтобы настоять на полном решении проблемы – добиться освобождения остающихся в лагерях и психотюрьмах. Но молчат правозащитники – не спешат и власти. О людях не п о м н я т.

Да и "тысячекратного рева" о правах уже нет, больше – о демократии "вообще", или вовсе о спецпонятиях – "гласности" и "перестройке" (лишь недавно об этом примолкли, после решительной атаки власти: собственные выдумки вырвались из-под ее контроля).

В начале этого года создан Демократический Конгресс – "коалиция независимых партий и движений социал-демократической, либеральной, общедемократической и национально-демократической ориентации". Что ж, коалиция как коалиция. Много сейчас такого, за всем не уследить. И запомнилась она лишь по одной детали.

Среди целей Демконгресса предполагалось назвать "защиту прав человека, от кого бы ни исходили их нарушения". Формулировку сняли – заранее, благоразумно сообразив, что некоторым дорвавшимся до власти демократам она придется не по душе. Восемнадцать "партий" и движений на это пошли, и без затруднений. (Представители лишь трех групп подписать декларацию отказались.)

Так смолкает смущенно рев – перед новым общественным мнением.

"Тем опаснее станет для нас Февраль в будущем, если его не вспоминать в прошлом. И тем легче будет забросать Россию в ее новый роковой час – пустословием. Вам – не надо вспоминать? А нам – надо! – ибо мы не хотим повторения в России этого бушующего кабака, за 8 месяцев развалившего страну.

*.....
...разгромят наши останки в еще одном Феврале, в еще одном развале."*

Писатель считал, что вспомнить о Феврале – значит, с неизбежностью, мысленно вернуться к "бушующему кабаку, за 8 месяцев развалившему страну", значит – "не захотеть повторения". На деле вышло не так, о Феврале вспомнили, чтобы... многотысячными шествиями восславить "Великую Бескровную"!

Впрочем, это уже – новости прошлого года. Сейчас наступление режима просветлило умы, да и новые общественные силы вышли из оцепенения. "Плюралистический" период нашего развития, надо полагать, позади.

Люди однако те же, сегодняшней интеллигенции выпало участвовать в строительстве России – другой в стране нет. Много изменилось за последние полгода – первые месяцы начавшейся, наконец, перестройки общества. Но вытрезвление от пилуль дичающей власти – слабая гарантия подлинных, внутренних перемен.

Потому и предложили мы бросить взгляд в зеркало солженицынской статьи. Такой острой, резкой и беспощадной – казалось всего восемь лет тому назад...

Москва, апрель

Подарки замедленного действия

Юрий МАКАЕВ

Мне иногда жаль западного человека. Сколько уж проблем свалилось на его голову с тех пор, как в Советском Союзе началась перестройка. Раньше он знал: СССР – империя зла, с этой империей надо бороться. К этой империи рядовые люди на Западе мало имели отношения, а потому жили себе тихо и спокойно. И вдруг, начиная с 1985 года, все возрастающим потоком на них хлынула информация о "новой" России. И информация такого рода, какую можно сравнить разве что с тем, о чем в приснопамятные годы застоя советские средства массовой информации говорили о странах Африки: о тамошней нищете, о голоде на "черном континенте" и так далее. Картины потрясающие ужасные, хотя и не всегда правдивые.

И вот, что называется, дожили: мы, наконец, догнали Африку! Нас жалеют даже школьники, собирающие нам на свои скромные карманные деньги подарки. Иногда создается впечатление, что всей шумихой в западных газетах по поводу трудностей в СССР руководит чья-то твердая рука. Характер публикаций однозначен: все плохо, а станет еще хуже.

Могу представить, что чувствует западный гражданин, когда знает, что вот, где-то рядом (не где-то в отсталой Африке) люди так страдают. Он начинает терять сон и аппетит. Приходя в магазин, расположенный напротив его дома, испытывает страшные муки совести: у не-

го все есть, он может все купить, а там, в России, люди голодают, им нечего есть и одевать... Об этом не раз писали мне мои друзья, жители западных государств.

Поначалу такая информация была забавной. Но со временем, по мере того, как она теряла свою экзотичность, стала несколько надоедать. Своего пика шумиха достигла осенью и зимой 1990/91 года. Западному человеку стало вдруг просто страшно – и тогда началась кампания помощи, массового отправления посылок с продуктами питания, одеждой, игрушками и многим, многим другим. Заговорили вдруг о возможной гражданской войне в Стране Советов. Возник страх, стремление хоть чем-то ее предотвратить. Таковы, как мне кажется, истоки той кампании помощи, которая развернулась в Западной Европе.

Огромное им всем спасибо! Но важно понять, что не в этом состоит проблема. Положение в стране пока еще не настолько плохо, чтобы начался массовый голод. А вот то, что подобная помощь является лишь подпиткой черного рынка, здесь никто и не скрывает. На сегодняшний день "договорняки" (новый термин, обозначающий магазины, скупающие товары у населения и продающие их по более высоким ценам в дальнейшем) просто завалены товарами, извлеченными из этих самых посылок. Основной поток этой помощи все равно проходит мимо рук, действительно нуждающихся в ней.

Во время телемарафона "Возрождение Петербурга" выступавшая Галина Вишневская, известнейшая оперная певица, супруга Мстислава Ростроповича, рассказывала, как ее поражали сцены, когда здоровые сильные мужики разгружают посылки, собранные на деньги немецких, французских, английских детей. Она восклицала: "Мужчины! Неужели же вы сами не можете прокормить свою семью?!" Конечно, не в "мужчинах" дело. До сих пор в стране даже самый напряженный мужской труд не позволял жить так, чтобы не испытывать особой нужды.

Советская система активно разваливается, и в этой ситуации большинство людей чувствует себя весьма неуютно, их будущее очень и очень неопределенно. Активно происходит смена власти, которая медленно, но верно переходит в руки толстосумов, а зачастую просто мошенников. Всех потрясла информация телепередачи "600 секунд", рассказывавшая о том, как посылки, направлявшиеся на адрес одной из школ города на Неве, разобрали депутаты Ленсовета. Нынешняя власть, в Петербурге по крайней мере, не многим лучше прежней. Думается, что многим из нынешних руководителей хотелось бы заморозить то положение вещей, которое существует сейчас. В мутной воде им легче ловить свою рыбку. Доходит до смешного. На сегодня уже официально объявлено о необходимости контроля со стороны "компетентных органов" затем, чтобы гуманитарная помощь все-таки достигала тех, кто действительно в ней нуждается. Впрочем, это, судя по всему, бесполезно. Ведь потенциальными спекулянтами сейчас стали практически все жители страны, другое дело, что не все обладают возможностями для этого. А всех, как известно, не перестреляешь. Изменить же что-то в корне – пока не получается. Все то, что делает

правительство, напоминает игру в неправильные кубики, которые, как ни складывай, все равно разваливаются.

Итак, чем же становится подобная помощь? Благом? Злом? Не хочу никого обидеть, но скорее вторым. Самое страшное действие, которое она оказывает на людей, — она их развращает. Все больше и больше людей надеются только на иностранного дядю, а то и вовсе стремятся поскорее смыться, чтобы сразу попасть на все готовенькое. По самым скромным подсчетам, 5-7 миллионов человек только и ждут, когда откроют границы с тем, чтобы покинуть свою страну. Запад поощряет иждивенчество людей, которые и без того толком не умеют работать. Так что подобная "бездарная" помощь может привести к последствиям, противоположным задуманным. Журналистика не может существовать без сенсаций, а трудности в Советском Союзе — это еще и огромная сенсация, мимо которой ни одно серьезное издание пройти не может. Во многом это действительно так. Но есть и множество других черт, не замечать которые часто очень выгодно.

Ученые, экономисты твердят о том, что не это нужно сейчас России и другим республикам, не это нужно Петербургу, на который направлен основной поток "гостинцев". Их не то чтобы не слушают, — их просто не замечают. Здесь, в Союзе, во всяком случае. Последний год в стране отмечен давно невиданным урожаем зерновых. Но значительная часть его осталась так и невостребованной. В первую очередь из-за того, что не было реальных средств, чтобы его перевезти и переработать. Уровень закупок хлеба за рубежом ничуть не уменьшился. Та же самая история с картофелем. Дошло до того, что правительство Германии подарило Советскому Союзу почти миллион тонн картофеля, собранного на полях бывшей ГДР. Потому-то специалисты и говорят о необходимости срочных капиталовложений в сельскохозяйственную инфраструктуру, в перерабатывающую промышленность, что, конечно же, много сложнее, нежели подобная одноразовая помощь. Но если эти капиталовложения не произвести, то необходимость подобных единовременных инъекций будет возрастать. А карман западного налогоплательщика не безразмерен, такое когда-то должно надоесть. И не дай Бог повторения подобной помощи в следующем году! Это будет означать крах и полный развал. Нетрудно найти людей, которым это выгодно. И на Западе (ежегодно огромные валютные ресурсы затрачиваются на закупку продовольствия), и здесь, у нас.

Так что стоит задуматься, если мы действительно хотим возрождения страны, а не только свободы криков на политические темы. И я очень надеюсь, что западный человек поймет нас, если когда-нибудь мы будем пользоваться не любой помощью без разбора, а будем, не теряя чувства собственного достоинства, принимать только то, что нам действительно необходимо.

Скажем им огромное спасибо за прекрасные подарки к Рождеству и Новому Году, за то сочувствие, которое рождается в их сердцах. Но не будем создавать из этого культа. Хочется надеяться, что и сами мы кое на что способны.

Петербург, март

"Дьявол" наживается

Последствия Чернобыля через пять лет

И. ВЕНТОВА

Сегодня на улицах наших городов почти не встретишь улыбок на лицах прохожих. Проблемы, проблемы, которые всё труднее становится решать в условиях нарастания кризиса. Астрологи с телевизионных экранов предсказывают в мае начало "полета над пропастью", — как они образно именуют пик кризисного состояния страны.

Для тысяч моих незащищенных, униженных, больных и нищих сограждан этот "полет" давно уже начался, а для многих — уже и закончился. Полтора миллиона детей-сирот находится в казарменных детских учреждениях, а усыновить ребенка практически невозможно(1); более 60.000 пожилых людей старше 60 лет покончили жизнь самоубийством только в одном 1989 году(2).

А теперь о Чернобыльской трагедии и пострадавших от радиации — ведь сегодня их насчитывается более двух миллионов человек. А сколько же их в действительности?

26 апреля исполняется 5 лет со взрыва четвертого блока Чернобыльской АЭС. Выброс радиоактивных веществ при этом эквивалентен 90 бомбам, сброшенным на Хиросиму. Катастрофу таких масштабов не знала история человечества.

В преддверии этого трагического юбилея Госкомитет по ликвидации последствий аварии наконец выработал, совместно с ведущими японскими специалистами, основные направления будущего сотрудничества(3). Попросту говоря, наше правительство, спустя пять лет, готово принять давно предлагавшуюся помощь, которая была высокомерно и безответственно отвергнута в 1986 году, из-за чего многие граждане поплатились своим здоровьем и даже жизнями.

В статье "Деньги для Чернобыля", опубликованной в одном из октябрьских номеров газеты "Известия" за 1989 год, приводится сообщение ТАСС, сделанное 6 мая 1986 г.:

"ТАСС уполномочено сообщить, что Советское правительство выражает искреннюю признательность всем, кто... предложил содействие и помощь. В настоящее время основные возникающие потребности по ликвидации последствий аварии удовлетворяются собственными возможностями".

Да, возможности нашего правительства оказались поистине удивительными! Оно посчитало вполне допустимым изъять деньги (65.853.136 руб. 60 коп.) с благотворительного Чернобыльского счета №

Автор статьи — член Совета регионального отделения движения "Союз Чернобыль", кандидат физико-математических наук

904 – не только для оплаты своих расходов, но и для компенсации потерь Министерства атомной энергетики, связанных с выходом из строя четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС. Все это было сделано в спешном порядке еще в декабре 1986 и марте 1987 года.

Сейчас же остро встает вопрос: где найти средства на ликвидацию страшных последствий? Теперь эти последствия признаются руководством, поскольку скрыть их уже невозможно. До сих пор в зоне заражения радионуклидами с плотностью более 1 кюри/км² проживают почти 2,5 миллиона человек. С трудом изыскиваются средства даже на переселение 12 тысяч человек, проживающих на загрязненных площадях с плотностью более 40 кюри/км²⁽⁴⁾.

Выступая 5 апреля 1990 г. в Женеве, народный депутат СССР и СССР Ю. Щербак сообщил, что 1,5 миллиона человек получили значительную дозу радиационного облучения. В результате этого только на Украине в десять раз возросла заболеваемость раком щитовидной железы, лейкозом, иммунодефицитом.

Где же взять деньги – на лечение, а не на так называемое "оздоровление" ликвидаторов – людей, практически голыми руками разгребавших графит в тридцатикилометровой зоне. Как стало известно, их насчитывается не менее 600.000 человек, а по последним сообщениям цифра эта приближается к миллиону. Как лечить от острых лейкозов детей, которым до 1989 года ставили диагнозы типа ОРЗ?

Только в одном Ленинграде в операции по трансплантации костного мозга (стоимость которой 100.000–130.000 долларов) нуждается не менее 2000 человек. А производится таких операций пока не более 20 в год. Нет специального медицинского оборудования, нет в необходимом количестве медикаментов, систем переливания крови и т. д.(5).

Что же можно сказать в таком случае о Гомельской, Житомирской, Брянской и других "загрязненных" областях Белоруссии, Украины и России?

В конце 1989 года лица, пострадавшие в результате Чернобыльской аварии, создали Всесоюзное добровольное движение "Союз Чернобыль" – для отстаивания своих прав на лечение, пенсии, права доступа к истинной информации о полученных дозах и решения других социальных проблем.

"Мы до сих пор ничего не знаем о Чернобыле" – так озаглавил свою статью журналист И. Сидоров в 1990 года, спустя 4 года после аварии(6). Из интервью с людьми, прошедшими через Зону, мы узнаём, что все приказы в Зоне – негласные, что в прессу идет "вычищенная", ложная информация, что люди страдают новым неизвестным ранее заболеванием – радионаркоманией.

Ликвидация последствий катастрофы происходит настолько безответственно, что существует реальная угроза заражения радионуклидами грунтовых вод. Это, в свою очередь, может сказаться и на питьевой воде в многомиллионном Киеве. Последний вопрос поднимался на одном из заседаний Верховного Совета Украины весной 1990 года.

Так что рассчитывать на то, что все тяжкие последствия выявлены или просчитаны наперед и учтены, не приходится.

В вышеупомянутом заявлении Ю. Шербака названа сумма в сотни миллиардов долларов, которая необходима для решения проблем Чернобыля и пострадавших. С этим трудно не согласиться. Однако встает вопрос – где взять такие огромные средства и как их направить на решение чернобыльских проблем?

Очевидно, что путем благотворительности таких средств собрать не удастся. Попытки региональных отделений "Союза Чернобыль" самим зарабатывать деньги, создавая "малые предприятия", не облагаемые налогом, также не позволяют рассчитывать на решение проблем переселения, лечения, предоставления пожизненных пенсий как самим пострадавшим, так и их детям. Слишком велики последствия катастрофы не только в пространстве (загрязнено более 624 квадратных километров), но и во времени – не только сегодня, но и завтра, и через сто, и более лет.

Политика правительства также не оставляет надежд на действительную компенсацию нанесенного людям ущерба, тем более в условиях нарастающего кризиса как политического, так и экономического.

Тем не менее, эта проблема может быть в значительной степени решена за счет средств, которые поступают в нашу страну за аренду или продажу земельных участков Зоны зарубежным организациям, заинтересованным в проведении долговременных научно-исследовательских работ. Такие контракты, как сообщалось в феврале 1991 года, Министерство атомной энергетики уже заключает, однако деньги поступают на нужды самого Минатомэнерго.

Сложившаяся ситуация, при которой деньги из Зоны пытается выкачать Минатомэнерго, а пострадавшие вынуждены прибегать к благотворительности, – аморальна. Она аморальна вдвойне, если учесть, что Чернобыльская катастрофа – это не просто ошибка операторов. Как сказал академик А. П. Александров, это был «чудовищный эксперимент, санкционированный организацией "Донэнерго"» (входившей в Минэнерго). Регламент этого эксперимента 12 раз (!) нарушал инструкцию по эксплуатации АЭС. **Одиннадцать часов Чернобыльская АЭС работала с отключенной системой автоматического охлаждения реактора**, при этом вентили были закрыты так, что невозможно было включить систему защиты. "Как будто сам дьявол руководил и подготавливал взрыв", – восклицал ведущий атомник страны(7).

И вот теперь Минатомэнерго – этот "дьявол" – не только покрыл в 1987 году свои расходы по выходу из строя Чернобыльской АЭС, но собираются и далее наживаться на организованной им катастрофе...

Исходя из сложившейся обстановки, для оказания реальной помощи пострадавшим в результате Чернобыльской катастрофы было бы целесообразно:

- открыть счет движения "Союз Чернобыль" за рубежом;
- при заключении контрактов на аренду или покупку земли в зонах, пострадавших от Чернобыльской аварии, представители зарубежных фирм, научных обществ и других организаций ставят главным условием перевод 3/4 валютных средств на вышеуказанный счет;

- валютные средства с вышеуказанного счета расходуются только на медицинские нужды - приобретение лекарств, аппаратуры, медицинского оборудования для клиник, приобретение специального питания для больных, лечение больных за рубежом;

- клиники, в которых непосредственно осуществляется лечение пострадавших, что подтверждается региональными отделениями Союза, имеют возможность непосредственно обратиться к распорядителям зарубежного счета для оперативного решения острых проблем.

Земля Чернобыля не должна быть только источником беды, но и источником надежды для пострадавших сотен тысяч людей.

Петербург, апрель

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Газета "Правда", № 62, 13.03.91 г.
2. Газета "Правда", № 55, 05.03.91 г.
3. Газета "Правда", № 63, 14.03.91 г.
4. Газета "Известия", № 86, 26.03.90 г.; "Аргументы и факты", № 12, 30.03.90 г.
5. Газета "Час пик", № 12, 25.03.91 г. - интервью с проф. Б. В. Афанасьевым, руководителем центра трансплантации костного мозга.
6. Газета "Час пик", № 17, 18.06.90 г.
7. Журнал "Огонек", № 35, 90 г.

Кричите о нас, мама!

Алевтина ДАРИНА

*Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые истинные слезы...*

Н. А. Некрасов

- Кричите о нас, мама, - шепчет, задыхаясь от слез, Нелли Кудинова.

Почему мама? Потому что все мы здесь мамы - в комитете солдатских матерей. Каждого из нас привела сюда своя беда. Она же и заставляла нас объединиться и искать пути спасения наших сыновей.

Вот у этой мамы сын в армии убит, и она приходит сюда уже из-за наших мальчишек. У этой - повесился. А у Нелли Кудиновой из Брянска произошла с ее сыном самая типичная, банальная история, и она еще может плакать. А у многих здесь слез уже нет.

Ее сын служил на Бойкануре в городе Ленинске, в воинской части № 01678. Призывали его в июле 1990 года. В первые же дни его избили. Били его и в госпитале: едва успев приехать, он заразился вирусным

гепатитом. Из госпиталя его выписали вместе с истязателями, которые в части избили его снова. И еще заставляли глотать осколки стекла и запивать хлоркой – развлекались!

В состоянии, близком к самоубийству, его снова помещают в госпиталь, в психиатрическое отделение, где истязания продолжаются.

Мама украла своего сына из госпиталя, но слишком поздно: хронический гепатит, эрозивный бульбит, язва двенадцатиперстной кишки.

Вот так, отправив здорового сына в Советскую армию, мама получила инвалида. И теперь не он ее, а она будет кормить его на свою нищенскую пенсию. Компенсации за потерянное здоровье и даже жизнь у нас не предусмотрено.

Рядовой случай. Не правда ли, ничего особенного не произошло? Вот если бы погиб ее сын в Афганистане, то заплатили бы маме 400 рублей, не забыв при этом возобновить с нее налог за бездетность. А за раненого получила бы мама 200 рублей.

Но Нелли Кудинова – несерьезная мама: крадет своего сына из госпиталя, тогда как врачи собирались его **п о д л е ч и т ь** – и снова в строй. Чтобы служил ее сыночек в Советской армии, защищая идеалы социализма.

Вся наша страна практически работает на военно-промышленный комплекс, и нет ему равных в мире. Приведу исследование газеты "Московские новости" № 9 от 3 марта 1991 года:

"...Количество занятых в оборонной промышленности у нас 5-8 миллионов человек, в США - 2,2 миллиона. За год заводы СССР выпускают танков в 4,5 раза больше, бронетранспортеров - в 5 раз, артиллерийских орудий - в 9 раз, атомных подводных лодок - в 3 раза, бомбардировщиков - в 2 раза.

И по ракетам, как говорится, впереди планеты всей.

А сколько за все это платим? На нынешний год Верховный Совет СССР официально отпустил в протянутую руку ВПК 96,6 миллиардов рублей. Это 35% Союзного бюджета, или около 8 процентов валового национального продукта..."

Все эти цифры, взятые "М.Н." из зарубежных источников, советские экономисты считают явно заниженными. При таком размахе жизнь и здоровье какого-то там мальчишки не стоит и комариного писка.

Но этих комариных писков набирается в год от трех до четырех тысяч. За 3 года их погибает столько, сколько погибло за 10 лет войны в Афганистане. И цифры стремительно растут. 20% погибших – самоубийцы. Но эта цифра сомнительна, так как на самоубийства списываются обычные убийства. (Расследования по этим данным провел народный депутат СССР майор В. Н. Лопатин.)

В армию забирают больных ребят, так как 60%, а по некоторым данным – и больше, молодого поколения, выращенного бесчеловечной системой, – просто больные люди. Причины понятны: здравоохранение на нуле, питание скудное, про экологию и говорить не хочется. 30% из этих больных в армии умирает, 15% – возвращаются инвалидами, 15% продолжают служить: их время от времени подлечивают (косметически) – и снова в строй. Огромное количество наших детей, ушедших в армию здоровыми, становятся больными там.

Все эти цифры я беру не с потолка.

Матери невероятной ценой добились от Президента создания Комиссии по расследованию убийств и злоупотреблений в армии. И туда хлынул огромный поток писем. Сейчас работу этой комиссии, которая была организована всего лишь 3 месяца назад, сворачивают. Стало страшно Президенту. Все, о чем пишут матери, оказывается правдой. Их детей в армии убивают, развращают и калечат морально и физически. За 73 года советской власти такая комиссия была создана впервые. И армейское руководство оказалось к ней не готово, оно привыкло к бесконтрольности и беспределу. И все их преступления не были тщательно сокрыты.

Для чего же нужна такая армия? Для того, чтобы молодой человек, прошедший эту, как они называют, "школу мужества" (а у нас ее вынужден проходить каждый), не ужасался беззаконию, царящему в стране. "У нас, дескать, и не такое было – и ничего! А вы тут, на воле, просто дурью маетесь". Для того, чтобы можно было послать армию усмирять свой же народ. Что и делают уже.

У нас в Советской армии нет такого понятия, как преступный приказ. Приказы у нас не обсуждаются. В армии царит межнациональная рознь. Группировки разных национальностей чуть ли не воюют между собой. Русских посылают служить в Узбекистан, узбеков – на Украину, таджиков – в Азербайджан, и так перетасовывают всю страну. И одну национальность посылают усмирять другую.

В армий царит так называемая дедовщина, то есть издевательства старших над младшими.

Из армии идет угроза СПИДа всей стране. Представьте запертых в своих казармах молодых людей и среди них – солдат с уголовным прошлым (таких тоже забирают в армию).

"По данным на 1989-й год, среди призывников было 45% лиц с подорванной психикой, 15% ранее судимых и 37% плохо знающих русский язык" (из расследования майора В. И. Лопатина).

Многих 18-летних мальчишек в этих казармах насилуют, я уж не говорю про избиения и издевательства. Командный состав смотрит на все сквозь пальцы. А если доходит все же дело до расследования, то сами его и проводят, – хотя зачастую сами были участниками издевательства. Гражданские суды дел не рассматривают, а лишь военная прокуратура, которая замкнута на Министерство обороны.

Часто солдаты от издевательства убегают из армии. У нас это называется дезертирством и карается по закону: суд, дисбат (то есть солдатская тюрьма) и возвращение в ту же часть.

И это Советская армия, служащая народу?! Нет! Советская армия служит социализму и защищает интересы партократии. Она пронизана коммунистическими структурами сверху донизу. Советская армия – это геноцид против народа.

На интересные размышления наводит письмо мамы еще не успевшего послужить солдата – Ольги Чередниковой:

"Мой сын, Геннадий Цапурин, был призван в ряды Вооруженных Сил СССР 8 января 1991 г. из города Пятигорска.

24 января при следовании поезда с солдатами из г. Грозного в Москву к месту службы в/ч 73616 в вагоне, где были помещены 70 призывников-дагестанцев и пятеро русских, среди которых был мой сын, он стал жертвой для дагестанцев. В пути над ними издевались, били, тушили сигареты о лицо (моему сыну прожгли лоб), топтали ногами. По дороге двое русских ребят смогли выскочить из вагона; третий проелотил иголки - не выдержал пыток, и его сняли на следующей станции. Но мер никаких не приняли, и над оставшимися двумя мальчиками продолжали издеваться. Так и привезли их вместе всех в часть, где издевательства продолжались. Сейчас мой сын лежит в госпитале в тяжелейшем состоянии. Положен он был туда 6 февраля, мне сообщили 20 февраля".

Кто ответит всем мамам за их изуверченных сыновей?

Таких писем приходит в Комиссию по расследованию преступлений в Советской армии тысячи и тысячи. Но отвечать мамам и проводить расследование по их письмам наше государство не хочет. Более того, письма Народному депутату РСФСР Алексееву - Председателю Всесоюзного Комитета родителей военнослужащих - приходится прятать.

Эти документы об армии страшны для Министерства Обороны, и оно будет делать все, чтобы скрыть их от людей.

И у нас остается только одно средство борьбы за наших сыновей - гласность.

Я кричу о вас, мамы!

Москва, март

И вот они - дома...

И. СМУРОВ

Война закончена. Последний советский броневик промчался по всем телеэкранам мира. Теперь все остается только в воспоминаниях очевидцев: атаки под раскаленным солнцем, караван танков во взорванном ущелье и афганский песок на зубах.

Это начиналось очень романтично. Интернациональная помощь братскому народу, строящему социализм. Ребята в пятнистых комбинезонах и беретах браво шагали по Кабулу, предвкушая красивое "сафари" в экзотической стране, наполненной японскими часами и магнитофонами. Конечно, Запад негодовал, спортсмены не приехали на Олимпийские игры, но все это делали империалисты, обозленные успехами социалистических преобразований в развивающихся государствах.

Шло время, и красивое приключение стало затягиваться. В районах всей страны все больше цинковых гробов поспешно грузили в автобусы и отвозили на кладбище. Страна все еще верила в "ограниченный контингент", и смерть не вписывалась в официальные версии. Когда

молчать стало невозможно и перестройка уже стучалась в двери, на Афганскую войну начали набрасывать ореол героизма. Похороны прошли с военными оркестрами, на кладбищах выделялись специальные участки для героев-"афганцев", а вагоны метро и автобусы стали называть именами погибших героев. Бригады рабочих включали в свой состав убитых на войне и перечисляли зарплату на счета комсомольских организаций. Каждый день телевидение показывало храбрых загорелых офицеров и солдат, раздающих хлеб детям и несущих дозор с седебородыми стариками-афганцами, защищающими свой родной поселок от американских марионеток. Критические статьи в газетах ограничивались только плохим качеством солдатской диеты и несвоевременной доставкой фруктов в военные городки.

И это были не дни и месяцы. Шли годы. Каждый новый набор мальчишек в военкоматах с ужасом ждал, что вместо плацкартных вагонов их посадят в самолет и, после остановки в Ташкентском аэропорту, в воздухе им сообщат, что следующая посадка - в Кабуле. Конечно, им говорили: кто не чувствует в себе силы, может отказаться. Но кто откажется в 18 лет, опасаясь вечного клейма труса и издевательств "дедов" (солдат второго года службы)? Ведь всегда кажется, что тебя не убьют, пуля пролетит мимо, а через два года мама встретит повзрослевшего, закаленного в боях сына... А гробы все шли и шли. Уже Горбачев закрепился в Кремле, осмелевшие газетчики рассказывали о "вынужденных" жестокостях, о захлебнувшихся атаках и окруженных отрядах. А гробы все шли...

Почти за 10 лет люди привыкли к далекой войне, если к такому можно привыкнуть. И вот, как гром среди ясного неба: начинаются переговоры, и войска могут вернуться домой. Медленно, со скрипом, выгадывая всяческие уступки со стороны Запада, продолжая оставлять кровавый след из последних убитых, СССР выбирался из Афганистана. Теперь "туда" будут лететь только танки и ракеты, вместе с миллиардами рублей. Но больше не будут убивать мальчишек.

Они вернулись домой. Двадцать лет от роду и профессиональное умение убивать. По сравнению с огромным населением России их было не много, но что-то в социальной структуре общества они сдвинули. Утвердилось новое понятие - "афганец". Два года они были под пулями, а в это время их сверстники продавали пиво и жарили шашлыки, покупая при этом автомобили и кожаные куртки. Девчонки уже никого не ждали. Два-три письма - и все. Молодость проходит, а парень может и не вернуться.

И вот они вернулись. И решили взять реванш. Прожив одну жизнь в окопах, вторую они решили прожить по высшему разряду. Крепкие, спортивные ребята начали охранять кооператоров-миллионеров, контролировать черные рынки и создавать группы рэкетиоров. Профессиналы нашли себе новое применение в мирной жизни. Собирая у "жирных котов" нечестные деньги, новые Робин Гуды начали устраивать свою социальную справедливость.

Конечно, нельзя сказать, что все "афганцы" стали рэкетирами и деятелями преступного мира. Многие продолжают гордиться своей

формой, собираются на еженедельные парады и смотры. Одевая выгребшую пятнистую робу и потертые ордена, они проходят четким маршем по городским улицам, а потом поют песни собственного сочинения о несчастной любви и жестоком огне душманов. На всех депутатских съездах эти ребята занимают крайне правые позиции, защищая ортодоксальный коммунизм и свой интернациональный долг. Война ничему их не научила, и они верны присяге, которую давали Брежневу. Их не может убедить никто. Во всем виноваты крикуны-демократы, которые отсиживались в теплых квартирах, когда их подымали в атаку. Только в Прибалтике группы ветеранов—"афганцев" выбросили на площадь свои ордена и ненавистные знаки отличия, отрекаясь от имперской армии. Но они – предатели, они продали своих погибших товарищей и армейское братство.

А еще есть у "афганцев" особая боль. Это инвалиды. В двадцать лет они вырваны из повседневной жизни и должны все начинать сначала. Реабилитационных центров в стране почти нет, как нет и оборудования для инвалидов. Пойти в магазин или сесть в автобус – почти невозможно. Если человек одинок, это становится катастрофой. Он постепенно опускается на самую низкую социальную ступеньку с перспективой стать алкоголиком или наркоманом.

Наркотики – это новое для Советского Союза. До афганской войны наркотики были распространены в основном в Средней Азии, но многие солдаты попробовали "травки" в боевых частях. Кто – чтобы попробовать и быть взрослым, кто – чтобы снять невероятное нервное напряжение. И после увольнения солдаты везли на родину маленькие сверточочки. Часть продавали, часть курили, и проблема наркомании становилась все серьезнее. Офицерские жены могли позволить себе более крупные партии. И наркотики хлынули на рынки России.

Инвалиды становятся самой уязвимой группой для наркотиков. Возможности устроиться на работу у них почти нет. Дирекция не хочет возиться с калекой, когда под рукой найдется всегда здоровый работник. Для полноценной деятельности нужны качественные протезы, но их советская промышленность почти не выпускает: трудоемкое и малоприбыльное дело. Цены на протезы низки, и промышленность всячески отказывается от подобных заказов.

Конечно, у инвалидов есть льготы на получение квартиры, покупку дефицитного телевизора или даже видеомэгагнитофона. Но бюрократия устраивает такие проволочки и бумажные завалы, что для морально истощенного человека льготы превращаются в тяжкое бремя. Родственники инвалида штурмуют специализированные магазины, требуют от дирекции особых холодильников и мебельных гарнитуров, пытаются хоть как-то устроить разваливающуюся жизнь.

И все-таки все они дома, а не в плену у пакистанских муджахидов, у них есть мамы и жены, они ходят на завод и ездят на трамвае в институт. Они такие же, как и все. Вот только в глазах что-то не то...

Харьков

На жизнь - денег нет

Владимир БАТШЕВ

Да, многого мы не замечаем, на что непривычный иностранец сразу положит глаз. На этот раз знакомая англичанка удивилась, почему ребенок, родившийся с асфиксией, во-первых, остался жить – во всем мире такие дети не живут, ибо последствия асфиксии неизвестны. Но раз он остался жить, то он, во-вторых, должен был бы быть под наблюдением с рождения. Однако врачи ничего об этом не сказали родителям. Почему?

– О Боже! – не выдержала моя жена. – Вы можете себе представить, чтобы роженицу зашивали без наркоза? Обычное явление! Тяжелые роды? Положили в палату интенсивной терапии – там лежит не восемь, а четыре человека, – и лишний раз обмыли.

– Ну, это, наверно, было много лет назад... – робко заметила английская гостья.

– Да, но вот в прошлом году я лежала в урологии. Люди умирают, а им рассекают вены, вливают физраствор – какая тут может быть стерильность? Мы ходим, а тут рядом – человек умирает. Потом умер – его рядом в закуток положили, а мы за стеночкой обедаем... В больнице, где женщины на сохранении лежали, – трупы детские складывали в ванной. Приходите помыться, а тут – труп. Я всегда боялась... Да ты прочитай в "Литературке", как в доме-интернате воронежском мыли трупы под лестницей, а бабки, обитатели этого дома-интерната, видели все это!..

– А почему под лестницей? – не поняла англичанка.

– Мертвецкой не было, – пояснила жена. – Так теперь начальник областного собеса, на которого жаловались, пошел на повышение: стал зампредом областного Совета ветеранов войны и труда...

О, сколько можно говорить об этой организации, которая прячет за своим вполне безобидным названием далеко не безобидные функции! Миллионы ветеранов войны, которые раз в месяц ходят в школы и морочат детям головы о героизме сталинских соколов, сталинских особистах, об изменниках-власовцах, о миссии доброй воли, что несла Красная армия народам Европы, о тех народах, что со слезами на глазах встречали верных носителей социализма на штыках!

Много можно порассказать об организациях ветеранов, которую после смерти бывшего кореша героя Малой Земли и Возрождения целины, бывшего умиротворителя "пражской весны" Кирилла Мазурова возглавляет один из двух оставшихся еще в живых организаторов вторжения в Афганистан – маршал Огарков. Сегодня бывший заместитель министра обороны окружен целой сворой советников-консультантов. Это они помогли Огаркову от имени всех советов ветеранов (районных, областных, республиканских и пр.) составить записку в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР, когда принимался Закон о пенсиях 1990 года – "О сохранении персональных пенсий".

Когда стали прибывать в СССР и загадочно пропадать немецкие посылки, я решил выяснить – куда они исчезают. Что налево – понятно, но в "чье" налево? В кагэбистское? армейское? милицееское? капецэсовское? Задача оказалась почти неразрешимой и одновременно со многими ответами: в Твери, к примеру, посылки оказались на складе местного военотрга. Почему? А вот так!

"Да как же они, военные то бишь, будут людям в глаза смотреть?" – поинтересовался я у тверича, помогавшего мне в поисках. "А как смотрели, так и будут смотреть – нагло!" "А что же они ответят общественности?" "Какой общественности? – не понял он. – Никакой общественности не будет! Это у вас, в Москве, – общественность. Да и не обязана армия давать какой бы то ни было отчет штатским".

Что ж, мой знакомый оказался прав. Еще в конце 1990 года, когда члены тверских оппозиционных партий Демократического Союза и НТС пикетировали местную военно-воздушную базу с лозунгами "Полеты над городом – экоцид горожан", военные просто бойкотировали эти пикеты, эту редкую цепочку молодых людей и девушек. Они для вояк просто не существовали. Как муравьи.

Меня могут спросить: что общего между отставными генералами и ныне живущими? То, что и для тех, и для других – армия и все, с нею связанное, выходит за рамки обычного, обязательного для всех. Армия должна быть на особом счету, на особом положении, до которого нет дела никому, кроме той же армии.

Генералам, в отличие от простых смертных, даже армейских лейтенантов, жить есть где, и дай Бог каждому так жить – в замечательных, нестандартных квартирах, в светлых и чистых комнатах. А вот как объяснить нашей английской гостье, что в семье Божиных в городе Геленджике из-за невыносимых жилищных условий в 1990 году из девяти детей умерло двое? Не где-то в черной Африке, а на белом советском юге. И сообщило об этом факте московское радио, а не клеветнические подметные листки...

В Геленджике, городе на юге страны, абсолютно не ведется жилищное строительство. Председатель исполкома горсовета А. С. Прозоровский считает, что в ближайшее время положение не изменится. Однако кабинет председателя горисполкома вместе с приемной в 6 раз больше комнаты, где ютится семья Котец из шести человек. В исполкоме есть туалеты, душ, центральное – не печное! – отопление. А если помянуться? Думаю, что принимать посетителей в холодной малометражной комнате легче, чем в такой же комнате жить...

Многодетные семьи в Геленджике, доведенные до отчаяния, объединились в секцию многодетных матерей при местном женсовете. Девятьсот женщин подписали обращение к городским властям. Что же они хотят? Провести регистрацию пустующих квартир в городе, незаполняемых санаториев и предоставить в них жилье людям, находящимся в экстремальных условиях. А такие квартиры в городе есть. Но городские власти отказались выполнить просьбы женщин, действуя по принципу: "Вам дашь – другие захотят!"

Еще в бытность Ивана Кузьмича Полозкова первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС, а было это полтора года назад, мно-

годетные женщины просили у него, у хозяина края, – отдать под детский сад пустующую дачу крайисполкома. Нет, сказал Кузьмич, нельзя. Вам отдай, другие запросят. И вообще, ответил Кузьмич через местную газету, дача предоставлена для технического персонала горкома КПСС. Непонятно, чем мифический "технический персонал" горкома КПСС отличается от слесарей и работников макаронной фабрики...

– Но ведь должны быть какие-то благотворительные фонды, – снова робко говорит английская гостья.

Да, Фонд милосердия, Детский фонд имени Ленина, Фонд, Фонд... А откуда взяться деньгам в этих фондах? Сейчас, в эпоху жесточайшей инфляции и перехода к рынку (если он все-таки произойдет)? Не так-то просто добыть доброхотные подаяния.

– Но как же сообщение о том, что во время благотворительного телемарафона в Краснодарском крае было собрано 3 миллиона рублей!

Так-то так, но инструкция Министерства финансов такова, что помочь несчастным семьям в том же Геленджике Краснодарское краевое отделение Детского Фонда не может! Да что говорить, если просто оказать помощь бедной семье в 300 рублей так просто нельзя – только под какую-то покупку – под мебель, под телевизор... То есть сначала бедная семья должна к у п и т ь, потом принести ч е к, и Детский Фонд может оплатить. А если не на мебель, не на телевизор – нельзя. Просто н а ж и з н ь – нет денег. Такие бюрократические игры.

Вот часть того, что мы не замечаем, привыкнув. Ведь привыкают не только к хорошему, но и к плохому.

Москва

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

"А вот демократию должны спасти мы сами"

Глеб АНИЩЕНКО

После принятий Законов СССР и РСФСР о свободе совести и вероисповеданий верующие и религиозная общественность впали в некоторое благодушное состояние: казалось бы, большинство юридических вопросов в этой области разрешено. Как-то забылось, что на подготовительном этапе здесь шла ожесточеннейшая "война законов": союзного и российского. Сейчас же в большинстве публикаций и сообщений средств массовой информации звучат умиротворяющие ноты, говорится о том, что два закона "по духу" не противоречат друг другу. Примиряющие тенденции можно, конечно, приветствовать. Но только тогда, когда они основываются на реальном положении вещей, а не выдают желаемое за действительное.

В данном случае, увы, имеет место последнее. Следует трезво смотреть на вещи: при совпадении многих положений в этих двух законах они противоречат друг другу именно по духу. Если закон РСФСР является действительно демократическим, то союзный документ по многим принципиальным позициям еще не разорвал связь с прежним атеистическим периодом нашей истории.

Остановлюсь на одном моменте, ставшем сейчас наиболее злободневным.

Речь идет о "государственном органе по делам религий". Раньше эту функцию выполнял печально известный Совет по делам религий при Совмине СССР – фактическое отделение КГБ, осуществлявшее политику государственного атеизма. Напомню, что концепция этого органа принадлежит лично И. В. Сталину. Он выдвинул ее в 1943 году, совещаясь с Л. П. Берией, Г. М. Маленковым и Г. Г. Карповым (будущим первым председателем Совета). Тогда же Сталин отверг предложение Карпова, чтобы Совет был создан при Президиуме Верховного Совета СССР и настоял на его подчиненности СНК СССР. Даже при всей фиктивности тогдашнего Верховного Совета Сталин считал, по-видимому, что слишком большой честью для религиозной проблематики будет ее представительство в законодательном органе. Совет был задуман Сталиным как посредник между всевластным правительством и бесправной Церковью.

Из этой концепции со всей очевидностью вытекало, что на практике вся административная власть и надзор над религиозными организациями сосредоточится в руках этого посредника. Мы знаем, что так оно и было до самого последнего времени.

Разрушение сталинской концепции взаимоотношений между религиозными организациями и государством началось тогда, когда в Верховном Совете РСФСР образца 1990 года был создан Комитет по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Это был перевод данной проблематики из сферы исполнительной власти в сферу власти законодательной и представительной. Естественно, что первым серьезным деянием нового Комитета явилось упразднение прежнего Совета по делам религии РСФСР. Следующим шагом стало законодательное закрепление нового положения. В статье 8-й Закона РСФСР о свободе вероисповеданий записано:

"На территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания".

Для информации и консультации Комитетов ВС РСФСР создается Экспертно-консультативный совет, состав которого утверждается Президиумом Верховного Совета РСФСР. Такова новая концепция, по которой между религиозными организациями и государством не нужны никакие посредники. Необходим орган в структуре представительской власти, занимающийся лишь экспертными вопросами в области религии. Всякая реальная потребность в посредничестве от-

пала с того момента, когда (по новому закону) религиозные объединения приобрели статус юридического лица.

Принципиально иного мнения придерживаются в этом вопросе союзные законодатели. В первом проекте их Закона (опубликованном в печати для "всенародного обсуждения") сталинская концепция "государственного органа" практически не изменилась: за ним оставлялась даже функция регистрации религиозных организаций. В окончательном варианте (под воздействием документа, разрабатывавшегося в парламенте РСФСР), правда, сделаны некоторые шаги в сторону либерализации.

Однако само понятие "государственный орган по делам религий" при Совете Министров СССР (то есть в рамках исполнительной власти) сохранилось. В союзном Законе на первый план выдвигаются невинные консультативные функции ("создает банк данных", "создает экспертный совет"), но за этим в последних пунктах статьи скрывается нечто принципиально иное: прежние посреднические функции между религиозными организациями и государством, между религиозными организациями разных вероисповеданий.

Однако после принятия Закона все это на время как-то забылось. Вот тут-то и началась настоящая, но скрытная деятельность бывших "хозяев" религии. Родились на свет проект Постановления и проект Положения о Совете по делам религий при Кабинете министров СССР. Последний подписан бывшим (а в скором времени, наверное, и нынешним) председателем Совета по делам религии в СССР П. Н. Христорадновым и министром юстиции СССР С. Г. Лушиковым. Первое, на что нельзя не обратить внимания в названных документах, — это полное восстановление сталинской концепции "органа по делам религий". Консультативно-экспертные функции, о которых говорилось в Законе как о первоочередных, отходят на второй план: о них даже слова нет в статье об основных целях образования Совета. Правда, создание Экспертного совета все-таки предполагается, но формируется он самим Советом по делам религий, а значит, и о независимой экспертизе говорить не приходится.

Об основных целях образования Совета говорится следующее:

"Совет по делам религий при Кабинете министров СССР является государственным органом СССР, образованным в целях оказания содействия в регулировании взаимоотношений органов государственного управления и религиозных организаций, обеспечения совместно с республиками права граждан на свободу совести, равенства всех религий и вероисповеданий перед Законом, осуществления принципов отделения Церкви от государства и школы от Церкви, а также оказания необходимой помощи организациям по их просьбе в пределах своей компетенции".

Тут, кажется, не может быть двух мнений: налицо восстановление прежнего бюрократического посредника между религиозными организациями и государством, имеющим исполнительно-распорядительную власть "регулировать" отношения верующих с органами государства, то есть управлять ими. Любое религиозное объединение, пожелавшее вступить в какие-то отношения с государственной организа-

цией, неизбежно окажется в полной власти Совета со всеми вытекающими из этого последствиями. Кстати, "помощь" религиозным организациям со стороны государства прямо запрещается статьей 5-й (часть 2) Закона СССР.

Следует обратить внимание также и на то, что приведенный документ является грубым попранием прав "суверенных государств", о которых столько демагогически говорят сейчас в агитационном пылу перед подписанием Союзного договора. Для того, чтобы убедиться в этом, надо лишь сравнить приведенную статью Положения о Совете по делам религий СССР с цитировавшейся выше 8-й статьей Закона о свободе вероисповеданий "суверенного государства" РСФСР.

Выврать реальную власть из рук законодательной власти – сейчас одна из первоочередных задач партийно-бюрократического аппарата. Это в полной мере коснется религиозной области. Не секрет, что на последних выборах в число депутатов попало немало священнослужителей и верующих мирян. Вот этих-то депутатов и следует нейтрализовать путем бюрократических ухищрений. Те, кто говорят сейчас о несовместимости религии и политики, должны помнить, что этот лозунг с самого начала был начертан на знамени большевиков и 70 лет вдалбливался нам в головы.

Коммунисты, придя к власти, прилагали все усилия, чтобы не допустить верующих (и особенно священнослужителей) к участию в политической жизни. Сначала метода была весьма прямолинейной: лишение избирательных прав. Потом несколько утончилась: Конституция 1936 года в агитационных целях формально возвращала священнослужителям избирательные права. Но и тогда речь, конечно, не могла идти о реальном избрании священнослужителя в органы власти. Руководитель Совета воинствующих безбожников Емельян Ярославский прямо заявлял, что после принятия Конституции основной задачей становится не дать "служителям культа" реализовать их конституционное право: "Пустить их в Совет – это все равно, что пустить козла в огород, где он будет портить, вредить..."

Но сейчас времена еще раз изменились, и коммунистическим владыкам пришлось допустить, чтобы в "коридорах власти" замелькали клобуки и подрясники. Но это не означает изменения генерального курса: к реальной власти, даже в локальной области взаимоотношений церкви и государства "чужих" допустить непозволительно. Тут и приходится на помощь г-н Христораднов со своим "обновленным" Советом по делам религий. Теперь можно создавать сколько угодно Комитетов при Советах всех уровней: деятельность их будет парализована "исполнительным" ведомством г-на Христораднова.

После этого отступления вернусь к разбираемым документам. Я упоминал вскользь, что окончательный вариант Закона СССР о свободе совести лишил "государственный орган" права регистрировать религиозные организации. Этим, конечно, из рук Совета по делам религий выбивалось мощнейшее орудие давления на верующих. Не тут-то было: г-н Христораднов все рассчитал идеально. Обратите внимание на туманную фразу из публикуемого проекта постановления, где

речь идет об уполномоченных Совета. Эта каста удельных князьков, паразитировавших на угнетаемых и обираемых ими религиозных организациях, была упразднена Постановлением ВС СССР от 01.10.90. Предлагаемый же ныне проект Постановления предписывает вменить этих упраздненных ранее "специалистов" в исполкомы Советов народных депутатов. То есть именно в тот орган, которому по союзному законодательству надлежит регистрировать религиозные организации. Ну не мудро ли придумано? А какова логическая изощренность фразы: "упраздняемые должности... по делам религий... подлежат использованию... по вопросам свободы совести и религиозных организаций", то есть по тем же самым! Даже в наши времена редко встречается такой высокий полет логической мысли и бюрократической фантазии. Если г-н Павлов подпишет этот филигранный документ, то он, несомненно, несколько реабилитирует себя за предыдущую топорную деятельность, например, по изъятию денежных купюр.

Хочу обратить внимание читателей на то, что понятие "содействие" в проекте Положения имеет совсем не тот смысл, который мы вкладываем в него в быту. Вот что говорит по этому поводу председатель Комитета ВС РСФСР по свободе совести о. Вячеслав Полосин:

"Оказать кому-либо содействие - это естественное, от природы данное право каждого человека или коллектива. Конституирование, то есть утверждение в законодательном, нормативном акте этого права только за одним субъектом - "государственным органом" по делам религий - автоматически дает обладателю этого нормативного права приоритет перед другими, если не сказать более - монополию (право самостоятельно определять меру, характер и принципы этого "содействия"). У других органов государства не оговорено право "оказывать содействие", а у Совета по делам религий оговорено. Значит, у Совета это право становится де-факто исключительным".

А ведь в проекте Положения такое исключительное право "оказывать содействие" по собственному усмотрению распространяется на международные контакты религиозных объединений (противоречие статье 24-й Закона СССР) и даже на освещение религиозных проблем в средствах массовой информации! Это входит в противоречие со статьёй 52-й даже "брежневской" Конституции, статьёй 22-й Закона СССР "О свободе совести", противоречит духу и букве наиболее демократичного из всех законов СССР - "О печати". Это политическая цензура средств массовой информации на всю сферу религиозных вопросов!

Прочитав эти документы, впору закричать в очередной раз: "Демократия в опасности!". Именно демократия, а не религия. Церковь сохраняется, как и всегда сохранялась, Господним Промышлением: "Врата ада не одолеют ее". А вот демократию должны спасти мы сами.

(Статья перепечатана из газеты Российского Христианского Демократического Движения "Путь" - № 3, 1991 г.)

Эмиграция и мы

Заметки литературного критика. Часть II

ИВ. ТОЛСТОЙ

Я остановился на ленинградской улице частника – или в данном случае, точнее, государственника (ибо "Волга" была черной) – и мы поехали. Водительское радио под шумок мотора что-то еле слышно рассказывало о проблемах советских эмигрантов, прибывающих в Израиль. Я попросил сделать громче. "Чего – интересуетесь?" – спросил он с обязательной почему-то кривой ухмылкой.

Я человек русский, и может быть, именно поэтому всегда раздражаюсь от такого рода недоверия со стороны своих соотечественников; словно они прозревают в обычном любопытстве способность к измене.

Одна моя знакомая, экскурсовод, возившая группу скандинавов по всей стране, рассказывала, что где-то в Ангарске, после многих дней пути шоферы их автобуса на каком-то очередном привале налили ей стакан водки, ничуть не сомневаясь в скорейшей к тому потребности. Моя дама предложение это отклонила. "Русское теряешь", – не поднимая головы, с определенностью сказал один из шоферов.

Разные есть представления о том, что есть русские, но в данном случае простой шофер выразил те же чувства, что и утонченный Иван Сергеевич Тургенев. Как пишет в своих воспоминаниях граф В. А. Соллогуб, Тургенев однажды рассказал следующую историю:

"Я, грешный человек, каюсь, что хотя и живу в Европе, и люблю ее, и удивляюсь ей, и сочувствую, но люблю побаловать себя иногда русским словом. Никогда не забуду я маленького происшествия, случившегося со мною по этому поводу в Лондоне. Знакомец мой Жемчужников пригласил меня с ним пообедать. Как известно, в Лондоне не только холостяки, но часто и женатые люди, не имея достаточно щегольской обстановки или просто не желая стеснять свою семью, приглашают своих приятелей отобедать с ними в их клубе.

(...) В каждом из таких клубов есть особая столовая, называемая "столовая для гостей"... Уже с передней меня обдало холодом подавляющей торжественности этого дома. Едва мы с Жемчужниковым уселись, как вокруг нас принялись священнодействовать, – другого слова я употребить не могу, – три дворецких, гораздо более, разумеется, походивших на членов палаты лордов, чем на дворецких.

– Я вас должен предупредить, любезный Иван Сергеевич, – сказал мне Жемчужников, разворачивая свою салфетку, – что вам подадут обед дня, я же, увы, буду, как всегда, есть свои бараны котлеты, так как желудок мой уже ничего более варить не может!

Так и случилось. Один из важных дворецких, бесшумно двигаясь на гуттаперчевых подошвах своих лакированных башмаков, внес в столовую серебряную суповую чашку и передал ее другому; этот другой, в свою очередь, подал ее третьему, и уже этот третий – самый важный – поставил ее передо мной. Затем с тем же цере-

мониадом появилось под серебряным колпаком серебряное же блюдо, и нет слов на человеческом языке, чтобы выразить, с какою торжественностью самый важный дворецкий поставил его перед Жемчужниковым и какими-то особыми носовыми звуками произнес: "First cotelet".

Жемчужников ткнул вилкой в одинокую котлетку, лежавшую на блюде, и принялся ее кушать. Затем мне подали рыбу, а Жемчужникову на втором блюде и под таким же колпаком – опять баранью котлету, и дворецкий так же величественно произнес: "Second cotelet". Я чувствовал, что у меня по спине начинают ходить мурашки; эта роскошная зала, мрачная, несмотря на большое освещение, эти люди, точно деревянные тени, снующие вокруг нас, весь этот обиход начинал выводить меня из терпения. К тому же, в зале, кроме нас, обедало всего два каких-то джентльмена, имевших вид еще более одеревенелый, если возможно, чем все нас окружавшее; так что, когда после рыбы передо мной появился кровавый ростбиф, а Жемчужникову опять преподнесли новую котлету, о которой дворецкий возвестил: "Third cotelet", мною вдруг обуяло какое-то исступление: что есть мочи я ударил об стол кулаком и принялся как сумасшедший кричать: Редь-ка! Тыква! Кобыла! Пена! Баба! Каша! Каша!

– Иван Сергеевич? Что с вами? Что это вы?! – с испугом воскликнул Жемчужников.

Он подумал, что я лишился рассудка.

– Мочи моей нет! – ответил я ему. – Душит меня здесь, душит!.. Я должен себя русскими словами успокоить!"

Мне это только кажется или в самом деле мы раньше гораздо легче позволяли себе иронизировать над своей русскостью? Известное пушкинское высказывание о том, что мало кто так ненавидит Россию, как он, но он терпеть не может, если об этом ему говорит иностранец, – мы распространили и на своих земляков.

"А почему бы не интересоваться", – отвечаю я водителю черной "Волги". "Все правильно, – говорит он, – кому это надо, тот и интересуется." Я для него уже если и не еврей, то имею определенный, причем предосудительный интерес. Чтобы не расплескать в себе русское, он готов замкнуть слух, не поворачивать головы, не осквернять себя сочувствием.

Эта некультурная форма национал-патриотизма широко распространена в народе. И при одних обстоятельствах – создает мощный бастион народного ополчения, защищающего никакого, конечно, не Сталина, никакой не коммунизм, а то хмуро-священное, что удобряет в себе водочным стаканом ангарский водитель. При других же обстоятельствах – становится психологической базой погромных настроений. Не жида, так поджидки чуются повсюду нашему дикарю, разбазаривающему Россию страшнее любого иноземца.

Есть другой современный тип. Русский делец. Не знаю, кто страшнее. Кто из нас не видел этого нового поколения чистеньких, непьющих, с молодых ногтей автомобилизованных? Последние восемьдесят лет занимаюсь внутренней спекуляцией, они теперь вышли на международный рынок. Это те люди, на которых сделал экономическую ставку Горбачев (во всяком случае, поначалу наша пропаганда усиленно призывала обеспечить классу отечественных кооператоров

режим наибольшего благоприятствования). Но честных кооператоров у нас почти не оказалось, да и не могло при существующей государственной монополии оказаться. Советские бизнесмены, цивилизованные предприниматели – это, простите, смешно. Красть, разбавлять, подкупать, угрожать – вот что они умеют. Обратите внимание: никто из советских подпольных дельцов не занялся на Западе честным бизнесом: не умеют. Или я ошибаюсь? Эти люди оказались наиболее легкими на подъем: вопросы эмиграции (или как там они это называют?) не представляют для них психологической сложности.

Но есть еще одна социальная категория – та, которую Ленин назвал "говном", – интеллигенция. Она поставлена сейчас в положение между двумя вышеописанными группами – резко патриотической и резко антипатриотической, и не на одну из них не может опереться целиком, подтверждая тем самым одно из наиболее интересных определений интеллигенции, данное Георгием Федотовым. Он писал, что интеллигенция – это некий орден людей, связанных идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей. И снова мы видим, что интеллигенции сейчас не на кого опереться, кроме как на саму себя, то есть на кодекс вечных ценностей и непреходящих нравственных, духовных приоритетов. В среде интеллигенции как раз и разрабатывается отношение русского человека в целом к проблеме эмиграции. Не общественное мнение (которого в России никогда не было и нет), а некое национально-нравственное – наш своеобразный заменитель.

"Государство, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, не способно к существованию". Это сказано Цицероном. Можно только улыбнуться вечно современной классике. Но можно и задуматься: ведь великий римлянин говорит о нарушении системы ценностей. Проблема более чем актуальна для советской жизни.

Уже в первые горбачевские годы, когда был брошен новый лозунг коммерциализации, самоокупаемости, слышны были охи и ахи работников искусства – и мы постепенно привыкли к мысли о том, что культура должна находиться на дотации. Но на дотации со всей неизбежностью должна находиться и фундаментальная наука. Так происходит во всем мире, но только не у нас. Глубокое бескультурье горбачевской внутренней политики выразилось с самого начала в пошлых новациях, вроде: "Соки вместо вина!" – и долой уникальные виноградники; "Кооперативы на пустом месте!" – и остатки на государственных предприятиях оказались разворованными подчистую. Ставка на быстрые результаты, новая политическая лозунговость были следствием смены горбачевским правительством системы прежних политэкономических и, шире, культурных ценностей. Ученые ужаснулись. Вакханалия развала страны из-за приоритета всего внешнего перед всем внутренним с логической неизбежностью привела к патриархату мирных городов. Разломав пограничный забор, развратив нашу заключенную страну, горбачевский режим тем самым выпустил инициативу из своих рук. И теперь эта инициатива – инициатива идей – переходит к интеллигенции.

Кто-то по-прежнему говорит: говно. Но можно вспомнить и слова известного переводчика Михаила Лозинского, сказанные им в одном

частном письме в ту пору, когда еще можно было свободно уехать в эмиграцию (1923 год) и когда уже чувствовалось, что двери вот-вот захлопнутся:

"В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невозполнимый он этим наносит ей ущерб: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а ее надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разведется, в России наступит тьма, и культуру ей вновь придется принимать из рук иностранцев. Нельзя уходить и смотреть через забор, как она дичает и пустеет. Надо оставаться на своем посту. Это наша историческая миссия".

И сейчас, в 91-м году, в России снова так плохо, что хуже некуда. Что же сделает для своей страны интеллигенция на этот раз? Как себя поведет? Поймет ли, что рыба не может быть важнее упряжного вола?

Я совершенно не собираюсь зазывать людей в свои избы и коммуналки назад. Наоборот, любое знакомство с Западом, с Востоком, с Югом и с Севером – есть гарантия не запестеть от своей национальной исключительности. Вместе с тем, забвение своей родины, отрыв от корней и традиций делают человека ущербным, неполноценным. Я говорю в данном случае не о политической, вынужденной эмиграции, не о трагедии русского изгнания, нет, такие-то люди как раз остаются с Россией, они живут ее интересами и проблемами. Не говорю я и о тех, кто обретенную на Западе квалификацию намерен развернуть на пользу России.

Я говорю лишь о тех, кто "рвет когти" за рубеж лишь потому, что дома плохо. Мы, конечно, все виноваты в том, что от нас люди бегут. Но когда человек говорит, что он спасает своих детей, что дети – это та единственная реальность, которую он видит перед собою и которую "берет под контроль", то я не понимаю, как быть с тем, что представляется ничуть не меньшей реальностью, – с духовной традицией. По мне, так Наташа Ростова ничуть не более абстрактная фигура, нежели мои собственные дети, она такая же часть моей сущности, что и живой человек. А уж знаю и понимаю я ее явно лучше вон той тетки из соседнего дома. И мне совершенно не хочется, чтобы в сознании моих детей этические требования русской литературы оставались чем-то отвлеченным. Иначе, как я буду с такими детьми разговаривать? Иначе – какие они мне дети? Не котят же я себе завел...

Впрочем, все это и есть беспочвенность идей, о которой говорит Г. Федотов. Никаких физических оснований у меня нет, чтобы удерживать кого-то от эмиграции. В конце концов, Толстого и Достоевского можно читать и на острове Борнео. Только сдается мне, что на острове Борнео человек, рожденный в России, поперхнется русской книгой – или, напротив, проглотит ее не заметив. Потому что у русского интеллигента есть негласный нравственный императив, слова Ахматовой:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Так ли всё хорошо?

Петр ФАДЕЕВ

Напряженность в мировых отношениях, вызванная, казалось бы, вечным противостоянием Запад – Восток, понемногу идет на убыль.

В первую очередь, это вызвано тем, что от самой восточной системы остались "рожки да ножки". Число сателлитов Советского Союза не просто резко сократилось – можно считать, что их нет вообще. Страны Восточной Европы – бывшие "народные демократии" – стремятся как можно быстрее интегрироваться в общеевропейскую экономическую, да и политическую, структуру. Кубе, Вьетнаму и африканским марксистам Советский Союз значительно снизил размеры помощи: самим не хватает. Короче, русский медведь облысел и отошал и в своем голодном и убогом виде такого сильного страха, как прежде, не вызывает. Скорее пожалеть его хочется.

За это освобождение от страха мир рукоплещет Горбачеву. У сторонников той точки зрения, что социализм и капитализм должны обогатить друг друга и на почве этого, мол, произойдет конвергенция двух систем и образование нового мирового порядка, отняты последние аргументы. От марксистской идеологии отказываются все и вся. Истина кажется всем однозначной: западное развитое постиндустриальное общество будущее имеет, концлагерь социализма, сильно сократившийся в размерах, – нет.

Тем не менее, бросается в глаза тот факт, что процессы демократизации в странах, освобожденных от советского влияния, идут намного быстрее, чем в самом СССР, где до сих пор не создано практически никаких правовых гарантий для демократизации общества. Поэтому все же вряд ли руководство страны (пусть оно сегодня и состоит из иных людей, чем прежде, когда-то державшей на прицеле весь земной шар (да и сегодня с пушками у марксистов нехватки нет), заслуживает тех дружеских похлопываний по плечу, на которые щедры в последнее время западные политики.

Хорошей иллюстрацией к половинчатости реформ в Советском Союзе может служить недоброжелательное отношение советских властей к международным правовым документам.

В 1988 году отмечалась годовщина принятия Всеобщей Декларации Прав Человека. Впервые 10-е декабря было замечено средствами массовой коммуникации в СССР. Официальные газеты пестрели заголовками, посвященными этому значительному документу. Обмолвилось об этом и телевидение, и не в какой-нибудь местной программе, а в официальном телерупоре Агитпропа – информационной телепрограмме "Время". В конце 1989 года Всеобщая Декларация Прав Человека была впервые выпущена издательством "Плакат" для массового

читателя (тиражом, правда, всего лишь 35.000). В своем выступлении в ООН Горбачев сказал: "...Я хотел бы присоединить голос своей страны к высоким оценкам значения Всеобщей декларации прав человека... Этот документ актуален и сегодня". В общем, все было сделано для того, чтобы и мир, и люди, проживающие в СССР, восприняли позицию советских властей как позитивную.

Но при этом умалчивался один факт. Во всех внутренних сообщениях в официальной пропаганде не говорилось о том, что СССР при голосовании по Резолюции 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, которая и есть та самая Всеобщая декларация, **в о з д е р ж а л с я**.

Столь же двусмысленно в этом свете видится не подписанный Советским Союзом Факультативный протокол к Международному Пакту о гражданских и политических правах.

Советский же Союз долгое время не признавал юрисдикции Международного суда ООН, а любые попытки проконтролировать с помощью международных институтов положение с правами человека на территории СССР всегда квалифицировал как вмешательство во внутренние дела. Оба Международных Пакта – об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах – были подписаны Советским Союзом вместе с заявлением, что открытие этих Пактов для подписания странам и участницам Статута Международного суда дискриминационно.

На деле советские власти никогда не хотели допустить международный контроль на свою территорию. Долгое непризнание юрисдикции Международного Суда ООН – пример грубой силовой политики советской партократии на международной арене ("Как, меня судить?! Да я вас!!).

Поэтому не надо серьезно воспринимать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1989 года, в котором власти признали наконец обязательность юрисдикции Международного Суда ООН. Признание юрисдикции есть, но во всех международных конвенциях, в которых присутствует внешний контроль за соблюдением обязательств странами-участницами, СССР не участвует. Кроме уже упомянутого Факультативного протокола, это – "Конвенция о международном праве опровержения", "Протокол, касающийся статуса беженцев", "Конвенция о сокращении безгражданства" и другие документы.

Как говорят в России, "из песни слова не выкинешь".

Москва, апрель

Правовое государство ограничивает произвол как отдельных граждан, так и государственных инстанций. Конституционная власть - это ограниченная власть. В правовом государстве существуют учреждения и механизмы, следящие за тем, чтобы власть из поставленных рамок не выходила.

("Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. 1986)

Другие формы и методы репрессий

Владимир САВЕЛЬЕВ

Почти во всех средствах массовой информации страны идет трескотня о том, что в СССР не преследуют за убеждения. Советско-партийные чинуши хотят убедить общественность в том, что времена репрессий, психушек и проч. безвозвратно прошли. Да, политические статьи используются все реже. Но не стоит думать, что аппарат примирился с политическими противниками. Репрессии не прекратились, и меньше их не стало. Все чаще в борьбе с инакомыслящими коммунисты используют вместо КГБ милицию, исполкомы, администрацию предприятий. Используют они, и с успехом, для наказания неугодных им людей и уголовные статьи. Кроме того, власть все чаще привлекает для выполнения провокаций своих добровольных помощников или обыкновенных алкашей, которые в обмен на свою спокойную жизнь исполняют любые просьбы участкового. Открытые члены НТС, ведущие на местах активную работу по распространению литературы, разъяснению общественности идей Союза и т. д., испытывают все такие подлости властей на себе.

Открытым членом Союза я стал в начале 1990 года. Нельзя сказать, что до этого у меня была безоблачная жизнь. Я никогда не скрывал своих убеждений, и, конечно, на меня косо смотрели руководители различных рангов.

Первая открытая стычка между мной и милицией произошла в день трехлетия Чернобыльской катастрофы. В тот день группа поддержки Белорусского народного фронта (человек 12-15) вышла на центральную площадь Бобруйска для того, чтобы почтить память погибших и напомнить жителям о страшном экологическом положении. Члены этой группы вели себя спокойно. Но властям не понравилось, что в руках у тех были свечи, а на рукавах — траурные повязки. Срочно были стянуты силы милиции, подогнали автобус и поставили его перед участниками этого печального поминовения. Я пытался сфотографировать происходящее для журнала "Посев". Но был схвачен на улице людьми в штатском, которые затолкали меня в автомобиль. Когда я выходил из машины, сзади подскочил сержант милиции и скрутил мне руки, а человек в штатском выхватил фотоаппарат. Конечно, пленка была засвечена, а аппарат поврежден.

Здесь же находился прокурор Ленинского р-на Бобруйска Воробьев. Он сказал, что это не милиция, а общественность, и, "честно говоря, я ничего не видел". Если же я хочу получить деньги за ремонт аппарата, то должен принести счет из мастерской в милицию, где мне его оплатят.

После этого предложения я подумал: "Уважаемый гражданин прокурор, если милиция в этом преступлении участия не принимала,

почему она должна платить?". Эта встреча с прокурором оказалась не последней.

Долгое время я не мог устроиться на работу. Причины, думаю, ясны. Весной 1989 г. зам. председателя исполкома Бобруйского района так и заявил, что пока он на своем посту, Савельев у него в районе работать не будет – ни в кооперативах, ни на госпредприятиях. А на бюро исполкома начальник милиции района, по просьбе председателя, пригрозил мне арестом. Лишь в конце мая прошлого года мой знакомый директор, узнав о моих злоключениях, взял к себе на работу преподавателем.

Но вскоре после того, как я стал открытым членом НТС, власти учинили открытую травлю. Однажды в июле 1990 г. дверь квартиры, где я жил, была выбита, и в прихожую пытался ворваться пьяный тип. Сыпались различные угрозы, в руках ночной сволочи был нож. Но я выдворил его из квартиры, изрядно помяв при этом ему бока. Соседи вызвали милицию, но "блюстители порядка" приехали минут через 40–50. Что это, простая случайность? До этого ничего подобного никогда не происходило.

Эта история произошла во время следствия по моему делу. Меня судили по ст. 120 УК БССР "за злостное уклонение от уплаты алиментов". Следствие по делу и суд, по мнению специалистов, отличное свидетельство того, как Советы расправляются с неугодными им людьми. Со слов моего знакомого, проживающего в Москве, мне стало известно, что ему в прокуратуре Могилевской области ответили, что о подобных делах они не слышали вот уже 4 года. Представляете, долга по алиментам нет, бывшая жена просит не привлекать, даже заявление судье подала, работать начал до начала следствия, характеристика отличная, адвокат утверждает, что состава преступления нет, а мне присуждают один год ИТР по месту работы.

Обвинительное заключение, подписанное прокурором Воробьевым, на которое опирался суд, составлено, по словам адвоката, так, что "посадить мало". Старший лейтенант Болбас, участковый, постарался на славу. Недаром же он заявил одной свидетельнице: "Я если его не посажу, то ИТР дам обязательно". Суд был закрытым. Несмотря на мое ходатайство, на процесс были допущены только адвокат и свидетели. Как выяснилось, перед процессом судье позвонили и просили вынести самый суровый приговор. Но, благодаря речи адвоката, свидетельским показаниям, честности народных заседателей, а также моему последнему слову, меня не посадили за проволоку. Но даже такой "мягкий" приговор дает основание ожидать очередной волны преследований, конечно, более серьезных. Кстати, даже адвокаты, не знакомые с моей деятельностью, утверждают, что в материалах что-то не чисто. А когда узнают, в чем дело, – им становится всё ясно. В один голос они заявляют, что здесь обыкновенные преследования за политические убеждения.

Во время следствия я обращался с жалобой к прокурору Воробьеву, но он заявил, что в этом деле мне не поможет, и посоветовал "изменить деятельность". Таким образом, советско-партийные чиновни-

ки пытались запугать и одновременно наказать меня, не привлекая к делу КГБ. У них появилась возможность контролировать мою общественную и производственную деятельность. Я собирался организовать экспедицию по сбору материалов по православным храмам Белоруссии. Но подписка о невыезде, суд и приговор помешали этому. В течение года я не смогу покинуть город более, чем на несколько дней. Директор-председатель фонда "Посев" предложил мне работу в фонде торговым представителем в БССР. Было составлено ходатайство в милицию г. Бобруйска по содействию мне при переводе на работу. Сначала инспектор, ведающий ИТР, был согласен, чтобы я работал в фонде. Но через пару часов, когда я позвонил в инспекцию ИТР, мне сказали, что вышестоящее начальство против моей работы в фонде. Если найдете любую другую работу, сказали мне, мы препятствовать не будем, но в фонде "Посев" вы работать не будете. Приходится только ждать, что же они придумают дальше.

Не брезгают они и более мелкими уколами. Недавно ко мне пришло письмо из Парижа, в котором сообщается, что на мой адрес регулярно высылаются номера газеты "Русская мысль", но ни одного номера я не получал, пока не сообщил об этом в Париж. Поступающие на мой адрес письма частенько приходят вскрытыми, иногда со штампом "прибыло в поврежденном виде". Довольно часто моя корреспонденция до адресатов не доходит.

Миф о прекращении политических репрессий – не более, чем горбачевская реклама, рассчитанная на внешнее потребление. Объем и размах политических репрессий остались прежними, но чиновники репрессивных органов просто выбирают другие формы и методы репрессий.

г. Бобруйск, Могилевская обл., БССР

Правовые нормы должны соответствовать принятым понятиям справедливости. Право тем более совершенно, чем меньше оно мешает людям жить. Если когда-то оно опиралось на обычай и судебную практику, то в наше время оно преимущественно опирается на законодательство. Это ставит вопрос о том, как привести законодательство в соответствие с бытующим в обществе правосознанием, то есть вопрос о демократии. Демократия - это не власть арифметического большинства; это стремление отразить многообразие проявляющихся в обществе интересов ("полиархия"), заручиться согласием управляемых, правовым образом организовать народ. При этом политика, вместо того, чтобы использовать право как свой инструмент, становится, наоборот, средством формирования права.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. 1986)

"Мы обязаны думать не только о сегодняшнем дне России"

Интервью с народным депутатом РСФСР В. В. Аксютинцем

– Виктор Владимирович, Российское христианско-демократическое движение, сопредседателем которого вы являетесь, входит в блок "Демократическая Россия". Какими вы видите цели и задачи этого блока? Как он работает, как происходит координирование действий тех партий и групп, которые в него входят?

– Анализируя причины современного политического кризиса, плодотворнее всего изучать не позицию противника, а положение в демократическом лагере, – чтобы лучше учесть собственные просчеты и ошибки. В этом смысле я хотел бы поделиться своими вполне пессимистическими выводами. Хотя по большому счету я оптимист, считающий, что российское общество уже совершило свой выбор – отказ от коммунизма и создание нового свободного общества. Вопрос заключается лишь в том, какое время займет реализация этого выбора.

Когда начинаешь конкретно анализировать современную политическую обстановку, видишь очень много удручающих вещей. Вот первое, что меня удручает. Мы являемся участниками движения "Демократическая Россия", я – член Совета полномочных представителей и Координационного совета, то есть руководящих его органов. Мне приходится наблюдать за выступлениями всех демократических движений и партий страны, видеть их политические акции, заявления. И вот какие выводы здесь напрашиваются.

К сожалению, "отцы" нашей демократии оказались очень не подготовленными ко всем роковым событиям, которые сейчас происходят в стране, не подготовленными по многим направлениям. Трудно ожидать, чтобы в России сразу появились профессиональные политики. Но те грандиозные задачи, которые встают перед нами, требуют определенного профессионализма. И когда я вижу политический инфантилизм наших демократических лидеров... В чем он сказывается? В слишком большом деструктивном элементе в решении всех проблем. Скажем, происходит заседание Координационного совета. Как правило, 80% заседания – это базар. Как только возникает намек на конструктивное решение и создается возможность для консолидации, тут же появляется некто, провозглашающий какую-то идею, отвлекающую внимание всех. На нее все бросаются, забывая о главном. Начинается прыгание с кочки на кочку, отвлекающее от решения насущных вопросов.

В чем причины этого? Во-первых, психологическая и профессиональная неподготовленность наших демократов к такого рода работе.

Во-вторых, наше движение – я вижу это по РХДД и другим организациям – в значительной мере инфильтрировано нашим противником – КГБ. Ибо степень деструктивности всех этих заседаний намного превосходит нормальную.

И, может быть, самое главное: лидеры нашей демократии не понимают природы этого режима – государственного и политического. В связи с этим они неверно формулируют главные стратегические цели, неадекватно оценивают политическую ситуацию и силы, действующие на политической арене страны. И, соответственно, неверно избирают способы и тактику политической борьбы.

– В чем конкретно проявляется это непонимание? Поясните, пожалуйста, примерами.

– Прежде всего – и этот расхожий во всем мире миф я слышу и от наших демократов – представление, что Советский Союз есть продолжение Российской империи. Мол, коммунистическая идеология уже давно неактуальна. Они считают, что после Октябрьского переворота власть быстро трансформировалась в прежнюю, имперскую. А следовательно, русский народ является поработителем и агрессором. Отсюда вытекает вывод о необходимости расчленения империи. И чем быстрее развалится империя, тем короче будет путь к демократии. Так считают вполне талантливые и уважаемые мной люди, такие, например, как Афанасьев, Мурашов, Попов, то есть абсолютное большинство лидеров "Демократической России".

На мой взгляд, это – кошмарное заблуждение, которое приводит к утопическому прожектерству и соответствующим результатам.

Для меня это было открытием. Я воспитан на политической литературе русского Зарубежья, в основном, конечно же, – "Посева" и НТС, знаю такую политическую классику, как Авторханов, Редлих, Солженицын, и философскую классику – Бышевцева, Ильина, Франка, – в этой литературе вышеозначенные проблемы были давно разрешены. Но "отцы" нашей демократии оказались крайне невежественными. Того литературного и политического багажа, к которому имел доступ я, они просто не знают! Сначала я думал, что мы с ними говорим на одном языке, но потом вдруг увидел, что – на разных. Когда Мурашов говорит, что Советский Союз с конца двадцатых годов стал Российской Империей, я понимаю, что дальше с ним говорить будет трудно.

А вот пример чисто практического утопизма. В связи с событиями в Литве Ю. Афанасьев выносит резолюцию, основной пафос которой – "Во всем виноват Горбачев, и бороться нужно с ним". И второе: "Главная задача "Демократической России" – борьба за суверенитет России". Но самое главное – третий большой абзац про армию: "В поддержку инициативы Ельцина необходимо добиться перевода стратегических войск под командование межреспубликанских структур, а вся остальная армия на территории РСФСР должна быть подчинена Верховному совету".

В своем выступлении я сказал, что, во-первых, Ельцин собирается дезавуировать даже свое мягкое выступление по поводу армии, что и

произошло чуть позже – устами Волкогонова. Поэтому стоит ли развивать это дальше? Во-вторых, – что вы имеете в виду, говоря о "межреспубликанских структурах"? Мне отвечают: "Их еще нет, их надо создавать!" – "Значит, вы предлагаете реально существующему, монолитному военно-промышленному комплексу совершить акт самоубийства? Этим вы загоняете его в угол и заставляете вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть. Разумно ли это? Даже, если такое самоустранение ВПК было бы осуществимо, продумаем дальше: стратегические войска подчиняются межреспубликанским структурам, а остальная армия – российскому парламенту. Тогда кто от кого защищается и кто кого защищает на одной и той же территории? Мы же с вами договорились не предопределять решение основных вопросов национально-государственного устройства, задача наших политических организаций – создание тех условий, в которых наше общество само смогло бы совершить этот выбор максимально свободно и максимально осознанно. Поэтому я предлагаю название "Российская гвардия", при определенном развитии событий ее можно будет переименовать в "Российскую армию", при другом развитии – в "Российскую милицию".

Эта идея прошла. Но меня это не радует, а пугает. Авторитетные лидеры демократии исходят из столь утопических представлений! Представьте себе, если бы тот "армейский" абзац сохранился в резолюции?!

С этим я сталкиваюсь постоянно, например, – на Координационном совете. Представьте себе 53 государства на нынешней территории Советского Союза! Один лишь вопрос: кто из них будет постоянным членом Совета безопасности ООН? Афанасьев отвечает: "РСФСР, или все вместе!". Но ведь в ООН – свой устав, и никто не допустит в Совет безопасности 53 страны вместо одной. И кто займет это единственное место после прекращения существования СССР?

Как политики мы обязаны думать не только о сегодняшнем и завтрашнем дне России, наши планы должны быть более долгосрочными. Сегодня наша основная цель – это борьба с агонизирующим коммунизмом, но через 10, 20, 30 лет это уже будет неактуально. Зато актуальными будут другие задачи, например, – угроза исламского экспансионизма. Это вполне реально, и что получится, если перед лицом этой угрозы предстанут 53 княжества, к созданию которых нас сейчас призывают?

– Как же, в связи со всем этим, вы видите свою роль в "Демократической России" и перспективы ее самой? Ведь наверняка не только вы, РХДД, недовольны степенью разногласий и разномыслия?

– Мы, несколько небольших партий, – РХДД, "Партия народной свободы" (кадеты), которую возглавляет народный депутат Михаил Астафьев, недавно образованная "Партия труда", объединяющая наших коммерсантов и бизнесменов, а также во многом травкинская "Демократическая партия России" – являемся "правым флангом", в традиционном, а не в большевистском смысле этого понятия. В работе Координационного совета "Демократической России" мы пытаемся

противостоять леворадикальному утопизму, считая, что тысяча шагов – более короткий путь к цели, чем один прыжок. История всегда учила этому. Наша работа должна быть ориентирована на построение реальных политических целей, учет всех действующих сил, одним словом – на политический прагматизм.

Развитие дальнейших событий скорее всего приведет к тому, что мы создадим правоцентристский блок, между нашими партиями сейчас ведутся переговоры. По вопросам национально-государственного устройства, например, травкинская партия сейчас движется к центру.

Это будет противовесом социал-демократическому утопизму. Мы уже создали депутатский блок "Российский союз" в парламенте РСФСР, я – координатор этого блока.

Несомненно, в этой деятельности будет принимать участие и Народно-Трудовой Союз. Председатель кадетской партии сказал мне, что когда он познакомился с НТС, то удивился тождественности позиций обеих партий.

Создавая такой блок, мы не стремимся к выходу из "Демократической России": перед лицом столь мощного противника необходима максимальная консолидация антикоммунистических сил. Дальнейшая перспектива – распад "Демократической России" на несколько новых политических образований, которые в посткоммунистическом обществе будут выступать как конкуренты.

Другая тенденция, провозглашенная Ельциным, Поповым и другими, – создание массовой антикоммунистической партии на основе "Демократической России". При определенном развитии событий мы готовы поддержать эту идею, однако, не прерывая усилий по созданию неоконсервативного блока. История покажет, кто из нас прав, – сформируется все это в единую партию либо в устойчивый блок различных партий.

Несмотря на весь мой пессимизм, я считаю, что "Демократическая Россия", даже будучи аморфным, неорганизованным образованием, играет выдающуюся роль в политических событиях сегодняшнего дня. Уже небольшая степень его консолидации дает значительный эффект. Этим объясняется то, что мы, во многом не соглашаясь, входим в него. На первом съезде "Демократической России" немногочисленным представителям РХДД удалось радикально изменить основные положения устава. Это мы настояли на том, чтобы движение было основано на принципах антикоммунистического фронта, объединить нас по другим признакам – невозможно. Основные признаки объединения – единство действий депутатского блока, совместная предвыборная кампания и проведение различных массовых акций и мероприятий. Эти принципы мы продолжаем отстаивать, и, как видите, наше мнение учитывается при составлении резолюций.

– Как РХДД относится к обостряющемуся конфликту Горбачев – Ельцин? Как участники "Дем. России" вы всецело на стороне Ельцина, либо есть пункты расхождения с ним? Присоединяетесь ли вы к многочисленным ныне требованиям отставки Горбачева?

- Требование отставки Горбачева назрело и потому актуально. Все действия президента последнего времени совершенно деструктивны и оказываются тормозом для преобразований. Ибо сознание его ограничено коммунистическими догмами (в Белоруссии, например, он заявил, что умрет коммунистом), политическая же его позиция выражает по преимуществу жизненные интересы партийной номенклатуры, а не общества в целом.

Но не Ельцин должен был делать такое заявление по телевидению. Политику такого ранга необходимо выступать крайне уравновешенно, чтобы не отталкивать возможных союзников и не давать лишних поводов для нападок.

На последнем митинге в Москве я сказал следующее:

"Настало время демократам этой страны объединить свои усилия в борьбе за реальный центр власти. В борьбе за власть не только в Прибалтике, Моссовете или Ленсовете или Верховном Совете РСФСР, но в борьбе за власть в Кремле, в борьбе за союзные структуры. В борьбе ненасильственной, но массовой и организованной. Только положительные результаты данной борьбы откроют возможности для решения всех остальных проблем".

Исходя из этого, мы провозгласили эту акцию - перевыборы Президента страны - и начали ее за неделю до того, как с близкой идеей выступил Ельцин. Последнее показывает ее актуальность.

Сейчас мы разворачиваем сбор подписей под этим требованием по всей стране, и ход акции свидетельствует, что оно пользуется поддержкой общества. Вот-вот грядет социальный взрыв. Задача демократов - выдвинуть такую политическую идею, которая могла бы максимально канализировать силу этого взрыва в положительное, а не только в разрушительное русло.

Сегодня везде кричат: "Долой Горбачева!". А что потом? Ельцин сказал: "Всю власть - Совету Федерации!". Но это - абсурд! Во-первых, потому, что там - большинство партократов, а во-вторых, потому, что "боярская дума" не способна решить большинства насущных проблем. Нам необходима сильная центральная демократическая государственность.

Мы идем дальше: не только "Долой Горбачева!", но - "Всенародные перевыборы президента Союза!". Естественно, - на тех территориях, которые согласятся остаться в этом Союзе. Мы не можем навязывать прибалтам этот выбор, они его уже совершили иначе. Но мы говорим, что это должен быть президент "подготовительного периода", максимум на три года. Его основная задача - подготовить страну к совершению осознанного политического выбора, к созыву Учредительного собрания. Эта идея, если нам удастся довести ее до общества, единственная, которая дает возможность выхода. Каждый народ должен сам решать свою судьбу, но это должно быть совершенно органично.

- Как раз по поводу "органичного выбора" народов мой следующий вопрос. Как РХДД относится к идее будущего многонационального государства, Союзного договора, референдума? С кем в этих вопросах коалирует и с кем - решительно несогласно?

– Мы – “умеренные государственники”. Мы – демократы, но уверены в том, что лишь сильное государство может быть надежным гарантом прав и свобод личности, включая условия для нормального самоопределения наций. Мы знаем, что даже самая плохая государственность – лучше хаоса и анархии. Наша борьба с коммунистическим режимом не является борьбой с государственностью: мы стремимся вытеснить идеологию из структур этого государства, а не разрушать государство как таковое.

Исходя из этой установки, наши действия порой могут выглядеть несколько противоречиво, но они оправданы меняющейся политической конъюнктурой. В нашей резолюции по этому поводу сказано: “От коммунистической империи – к новому союзу!”. Мы говорим, что сегодня господствуют две крайности: одна – насильственное сохранение коммунистической империи, другая – наши демократы стремятся искусственно расчленить ядерную сверхдержаву, не рассматривая возможности нормального существования для новых государств. Первая крайность – ядерный военно-промышленный комплекс, взрыв которого был бы опасен не только для нашей страны, но и для всего мира. Расчленительный подход приведет не просто к распрям, но к международной бойне, что видно по событиям в Закавказье и Средней Азии.

Наши демократы не понимают природы интернационального коммунистического режима, который поработывает все народы нашей страны, включая и русский. Русские никак не являются агрессорами-империалистами, коммунистическая экспансия проводится на русском языке лишь потому, что русских количественно больше, было бы больше литовцев – экспансия была бы литовской. Носителем власти является денационализированный и деклассированный элемент всех народов этой страны, объединенный в КПСС. Сегодня он объединен не только идеологическими догмами, но и шкурными интересами номенклатуры. Необходимо единение всех демократических сил против этого режима. Лишь его уничтожение создаст условия для свободного волеизъявления всех народов этой страны. Это самый короткий путь к национальному, экономическому и религиозному самоопределению народов. Поэтому мы не поддерживаем сепаратизма и безумного “парада суверенитетов”, когда даже некоторые городские районы Москвы объявили собственным достоянием воздушное пространство над ними и недра! Мы считаем, что эта борьба за фиктивные ценности раздробляет силы демократии и делает нашего противника более мощным, дает ему в руки сильное оружие и позволяет ловить в этой мутной воде свою рыбку.

Наша установка такова. Мы сейчас находимся в переходном периоде.

Каждому гражданину должна быть доступна вся необходимая для такого выбора информация – историческая, политическая и правовая.

Мы не империалисты и не пытаемся удержать кого-то насильно в составе страны: подобная попытка дает прямо противоположный эф-

фект. В этом Горбачев преуспел, и я считаю его самым эффективным сепаратистом.

— Шесть республик уже заявили о своем выходе из СССР. Но остались шесть мусульманских республик. Не является ли это как раз самым большим противоречием — и сейчас, и в перспективе? Я вспоминаю, что ваш друг и соратник Глеб Анищенко на одном из круглых столов, которые проводил наш журнал в начале прошлого года, сказал, что истории до- и послесоветской России показала несовместимость исламской культуры с христианской, и поэтому нужно постараться безболезненно размежевать народы христианской и исламской культуры. Сейчас же получается противоестественный временный альянс со Средней Азией, но в чью пользу эта временность? Что есть меньшее из зол: сохранение этого альянса, несмотря на то, что из мусульманских регионов постоянно идет густой поток беженцев — русских, украинцев и т. д.? Или — моментальное расчленение?

— Я полагаю, что тот ход, который мы предлагаем, открывает путь для решения той и другой проблемы. Во-первых, безболезненно отмежеваться — это может решиться только на Учредительном собрании. Размежеваться искусственно — значит оставить там большой контингент русскоязычного населения совершенно беззащитным, оставить произвольно проведенные диктаторами границы республик и т. д. Отмежеваться органично — значит динамично, но достаточно продуманно решать комплекс проблем.

В то же время это дает возможность сближения с другими, формально "ушедшими" от нас республиками. Прибалты — народ вполне здравый. Но, получив желаемую самостоятельность, они начнут сознавать, что все их ориентиры — не на Западе, а на Востоке. Этому их научит Западная Европа, у которой они не получают ни сырья, ни рынка, ни помощи. Все это они могут получить только в России. И чем скорее в России будет создана демократическая государственность, тем выше будет степень консолидации с христианскими народами.

Мы должны иметь перед собой отдаленную цель, с другой стороны, — мы не должны действовать утопично.

Да, мы хотели бы большей консолидации с христианскими народами, но они ушли. Да, нам хотелось бы большего размежевания с мусульманскими народами, но они — остались. Мы должны подготавливать тот шаг, который открывает наиболее благоприятные возможности для решения обеих проблем.

— Как вы смотрите на перспективы экономических реформ, которые, как неоднократно подчеркивалось в нашем журнале, пошли не так и не туда? В этом плане видны лишь вредные результаты проведенных полуреформ-полуглуностей. В чем вы видите необходимые первоочередные меры в программе экономических реформ?

— Мы знаем, что лишь единое экономическое пространство — гарант создания общего рынка и проведения глубоких экономических реформ. Экономические реформы у нас не то чтобы пошли в неверном направлении, они у нас просто еще не начались, коммунистический

режим допустить этого не может. Коммунизм не будет рубить под собой сук – монополию на материальные ресурсы. Но это, в свою очередь, ведет к социальному взрыву, который сметет этот режим. Стагнация в экономике за годы перестройки – гарантия того, что скоро наступит время расцвета активности в этой сфере. Будет ли грядущий режим в стране демократическим или авторитарным, – экономика будет раскрепощена в первую очередь.

Что касается экономики, то в нашей программе мы более радикальны, чем социал-демократы. И понятно почему: мы, безусловно, за большую степень приватизации, при одновременном создании механизмов социальной защиты. Но не через монополию государственной собственности, как это предлагают социалисты. Наши схемы перехода достаточно проработаны неоконсервативными концепциями Запада, отработаны уже практически. Этим и объясняется экономическое процветание и социальная защищенность в странах Запада.

Самый насущный вопрос в этой сфере – борьба за право частной собственности на землю. Акция Ельцина, которую он провозгласил, и депутаты Российского парламента будут как бы уполномоченными по раздаче земли, – первый шаг в нужном направлении. Экстремальный, но и в экстремальной ситуации.

*Интервью взял А. Югов
Франкфурт-на-Майне, апрель*

"КПСС вновь вышла из окопов"

Интервью с французским советологом Франсуа Тома

– Франсуа, вы слышите сегодня одним из самых известных молодых советологов Франции. Что вы думаете о сегодняшней обстановке в Советском Союзе? Чем вы объясняете попытки властей в Кремле, начиная примерно с ноября прошлого года, вновь "закрутить гайки"?

– Думаю, что это началось раньше, но не было так очевидно. Если внимательно посмотреть на законодательство Верховного Совета, постановления Совета министров и указы Горбачева, то видно, что уже в 1988–89 годах власть готовила возможность массовых репрессий. Это видно на примере организованной в 1989 году истерии о "росте преступности". Преступность, действительно, высокая, но статистика показывает, что самая высокая преступность за последнее десятилетие была в начале 1980-х годов. Разводить же истерию насчет мафии, существовавшей всегда, было нужно для проведения законодательных актов, обеспечивающих возможность репрессий.

Почему это произошло? Думаю, нужно понять замысел перестройки: Горбачев правильно говорил об обновлении партии. Что происходит при коммунистическом режиме? Партия вырождалась, номен-

клатуре все больше приходилось опираться на КГБ и военно-промышленный комплекс. Начиная с ноября 1990 г., партия почувствовала себя достаточно обновленной и решила "выйти из окопов". Можно сказать, что горбачевская перестройка в форме обновления партии – завершилась. Обновление шло за счет КГБ и военно-промышленного комплекса – самых "боевых" элементов советского режима.

– Но не кажется ли вам, что за время перестройки люди потеряли страх перед властью? Это заметно во всех республиках и во всех областях жизни.

– Я бы не спешила с этим выводом: страх может очень быстро вернуться. Страх перед репрессиями действительно отступил, но от этого жители СССР не перестали жить в страхе вообще. Они боялись русского фашизма, "Памяти" – это был миф, раздуваемый КГБ, потом они стали бояться гражданской войны, мафии, преступности, голода и т. д. Это все следствие искусственно организованной сверху пропагандистской кампании. Нельзя сказать, что "потенциал страха" в стране понизился. Сегодня коммунисты убеждают население, что "если вы будете голосовать против Горбачева или скажете "нет" на референдуме, – будет гражданская война". Такое нагнетание страха – одно из многочисленных преступлений коммунистического режима. Это мешает оппозиции трезво рассуждать о положении в стране и предлагать возможные выходы из кризиса. Из-за этого "чувства Апокалипсиса" и беспомощности оппозиции, демократы буквально парализованы перед коммунистами. Потенциально огромная оппозиция в СССР не организована.

– На ваш взгляд, кого бы вы отнесли к основным оппозиционным силам в стране? И чего им не хватает для того, чтобы стать подлинной оппозицией?

– В республиках ситуация несколько отличается от РСФСР, в них оппозиция опирается на национальные чувства и потому обладает достаточной силой. В России потенциал оппозиции огромен, потому что сегодня ненависть к коммунизму – преобладающее чувство. Причин разрыва между потенциалом и реальными возможностями оппозиции несколько. Нет единой программы, инфильтрация оппозиционных организаций со стороны КГБ, который провоцирует внутри этих организаций персональные столкновения и конфликты. Пока дебаты идут на уровне сведения личных счетов, а не по политическим вопросам, оппозиция властям не страшна. Мы что-то не видели в России широких дебатов по поводу различных методов приватизации, многие из которых уже опробованы в Восточной Европе. Ни одна партия не организуется вокруг скромных конкретных целей.

Сегодня все говорят о приватизации и рынке, это уже стало новым лозунгом, к которому я отношусь крайне скептически. Начинать нужно не с этого, а с упора на гарантии прав собственности, без этого приватизация приведет к разрастанию мафиозных структур.

Солженицын в своей работе "Как нам обустроить Россию?" предлагал конкретные шаги, в этом он может очень сильно повлиять на по-

литически активные силы общества, он показывает возможность рационального решения этих проблем.

— Вернемся к оппозиции. Вы можете назвать те силы, которые вы считаете потенциальным фундаментом будущей сильной оппозиции?

— Здесь есть два аспекта: моральный и практический. Я очень уважаю Демократический Союз: они имели мужество говорить то, что сегодня говорится всеми, еще 1988 году они "ломали лед". Хотя среди их руководства немало сомнительных личностей с не совсем чистыми мотивами. Но опыт Восточной Европы показывает, что подобные организации делают важное дело в разложении системы, а им на смену может прийти более организованная и подготовленная сила.

— Считаете ли вы Демократическую партию Травкина искусственным образованием, созданным КПСС, или это — реальный отрыв от партии ее здоровой части?

— Лично я с Травкиным не знакома, но к его партии отношусь скептически. КПСС сегодня очень выгодно создавать пеструю многопартийность, в которой ни одна группа не может реально соперничать с КПСС. Это касается не только ДПР, но многих новых политических группировок и образований.

— Что вы скажете о фигуре Ельцина?

— Я следила за его поведением в прошлом году и заметила, что каждый раз при конфронтации с Горбачевым Ельцин сначала делал громкие заявления, а потом отступал. Не знаю, можно ли на этом строить прогнозы, но у меня такое чувство, что для системы он как оппозиционер скорее полезен, чем опасен. Они с Горбачевым ненавидят друг друга, но для сегодняшнего политического руководства страны эта биполярность власти весьма полезна, так как она может стабилизировать положение: Горбачев популярен на Западе, Ельцин — на Востоке.

— Как вы относитесь к Российскому христианско-демократическому движению, возглавляемому Виктором Ахсучицем?

— Я лично не знакома с руководством РХДД, но опыт Восточной Европы показывает, что христианская демократия имеет будущее в бывших коммунистических странах. В России, однако, традиции настолько забиты и забыты, что все приходится отстраивать с нуля.

— Вы сказали, что одна из самых важных задач — четкая программа действий. Вы знаете, что существует такая организация НТС, у которой есть программа и ряд альтернативных документов. Знакомы ли вы с этими документами?

— К сожалению, я плохо знакома с последними вашими документами. Я думаю, что все, что помогает России приобщаться к иностранному опыту, сегодня очень нужно.

— Какое значение вы придаете рабочему движению, в частности шахтерскому?

- Я думаю, что это то, что может по-настоящему дестабилизировать власть, это то, чего Горбачев боится больше всего. Но для достижения настоящего успеха независимое рабочее движение должно быть представлено в политической элите общества. Пока что Ельцин уже два раза прекращал забастовки.

- Суммируя, можно ли сказать, что вы хотели бы дать оппозиции следующие советы: объединение, создание твердого кулака и стремление к получению правовых гарантий?

- Я бы не сказала, что нужно стремиться к полной консолидации. Наоборот, оппозиция не должна бояться расслоения и размежевания, особенно с коммунистами. Но это расслоение должно идти на основе политических, а не личностных споров. Российская оппозиция должна быть способной предлагать программу, должна уметь успокоить людей. Нужно сказать людям: "Положение действительно плохое, но причин для истерики нет - есть реальный выход из положения, нормальные альтернативы советской власти". Если это произойдет, - у оппозиции будет нормальная программа, без воплей о гражданской войне. Еще один уязвимый момент - неясность отношения оппозиции к империи. В этом аспекте я согласна с позицией Демократического союза, который недвусмысленно высказывается за свободу для других народов. Оппозиция должна избавиться от имперских замашек без оговорок.

- События сегодня развиваются очень быстро и трудно предугадать, что случится в ближайшее время. Но вы, как советолог, можете ли дать нам приблизительный прогноз на ближайшее время - как будут развиваться события после референдума?

- Трудно сказать что-то наверняка. Но что касается экономики - если Павлов будет продолжать свою деятельность в том же направлении, что и раньше, неотвратима такая экономическая катастрофа, какой Россия еще не видела. Сейчас идет возврат к военному коммунизму. Кажется, что у власти просто нет чувства самосохранения; в экономике делаются такие глупости, что слов нет. Политическим результатом этого может быть или падение правительства Горбачева, или волна политических репрессий.

- Может ли КПСС отказаться от социалистических методов ведения хозяйства, и исправит ли это положение?

- Я не думаю, что компартия сегодня способна на какие-либо решительные шаги в области экономики. Это лишь ухудшает положение, потому что, как мы видим на примере Восточной Европы, переход от социалистической экономики к рыночной и без того процесс очень сложный. Первая самая необходимая мера сегодня - это гарантированное право собственности.

*Интервью взял Б. Миллер
Париж, апрель*

Многopартийность в пеленках

Роман РЕДЛИХ

Партийный спектр. Правое и левое

Партийный спектр со времен Французской революции принято прочитывать слева направо или справа налево. Расположение это условно. Признаки его не всегда уловимы и спорны. Они подбираются больше по подсказке эмоционального сочувствия и отталкивания. Свою статью "По ту сторону правого и левого" С. Л. Франк начал так:

<<Что такое "правое и левое"? и к какому из этих двух направлений надо себя причислять, какому из них надо сочувствовать? Еще совсем недавно ответ на первый вопрос был ясен для всякого политически грамотного человека. Ответ на вопрос для нас, русских, тоже не возбуждал сомнений до 1917, и тем более до 1905 года. "Правое" – это реакция, угнетение народа, Аракчеевщина, подавление свободы мысли и слова, произвол власти; "левое" – это освободительное движение, освященное именами декабристов, Белинского, Герцена, требования законности и уничтожения произвола, отмены цензуры и гонений на иноверцев, забота о нужде низших классов, сочувствие земству и суду присяжных, мечта о конституции. "Правое" есть жестокость, формализм, человеконенавистничество, высокомерие власти; "левое" – человеколюбие, сочувствие всем униженным и оскорбленным, чувство достоинства человеческой личности, своей и чужой. Колебаний быть не могло; "у всякого порядочного человека сердце бьется на левой стороне", как сказал Гёйне. Ибо коротко говоря – "правое" было зло, "левое" – добро.

Все это исчезло, провалилось в какую-то бездну небытия, испарилось, как дым. Нынешнему молодому поколению, даже "левого" направления, эта цельность чувств уже недоступна. Отчасти теперь в русской эмиграции (и отчасти в самой России) "правое" и "левое" просто переменялись местами: "левое" стало синонимом произвола, деспотизма, унижения человека, "правое" – символом стремления к достойному человеческому существованию; словом, "правое" стало добром, "левое" – злом. Но это – только отчасти. За этим поворотом скрывается другой, гораздо более значительный, хотя менее явственный: нарастает чувство непонятности, неадекватности, смутности самих определений "правого" и "левого">>.

И в самом деле, всего через полстолетия после написания этих строк Егор Лигачев и Нина Андреева уже не отчасти, а целиком и полностью отнесены нашим обществом на крайний правый фланг российского политического спектра, даже правее, нежели вдохновляемые КПСС объединенные фронты трудящихся (ОФТ), партии Диктатуры пролетариата (ПДП) и Возрождения России (ПВР) или Союз трудящихся Украины (СТУ).

Однако можно ли безболезненно снять с правого и перенести на левый фланг Православную конституционно-монархическую партию России и посадить там рядом с (по-старому "левой") Конфедерацией

Окончание. Начало см. "Посев" № 2, 1991.

анархо-синдикалистов? И куда деть Демократический союз (ДС), объединяющий чуть ли не восемь фракций, разделенных на два крыла, но солидарных в требовании парламентской демократии, рыночного хозяйства и учредительного собрания?

В милой старой Европе ни парламентарии, ни их избиратели не читали, конечно, эмигрантского журнала "Числа", в № 4 которого в 1931 году появилась статья Франка, и не пережили пролетарской революции. В милой старой Европе осталось по-прежнему: в Великобритании налево – друзья трудового народа, лейбористы, направо – твердолобые консерваторы; в Германии налево – социал-демократы, направо – христианские демократы; в Италии налево – коммунисты, направо – партия христианской демократии...

Все очень просто. Но у нас-то понятия "правого" и "левого" перепутались и стали неадекватны породившему их жизнечувствию, и оказалось, что левейшая и прогрессивнейшая для своего времени партия большевиков в итоге победы радикальнейшей революции породила жесточайшего тирана и отстроила так называемую командно-административную систему, злей и бесчеловечней которой еще не было на свете. Наступила реакция, и весь обличительный пыл нашего, по сути дела, реакционного жизнечувствия направился на эту систему.

Да, это не описка. Наша духовная и общественно-политическая жизнь вступила в полосу р е а к ц и и на сталинщину и р е с т а в р а ц и и национальных начал. Мы говорим о возрождении и восстановлении только лишь потому, что слова "реакция" и "реставрация" были ругательными уже в том прошлом, которое мы хотим восстановить и возродить. Мы восстанавливаем храмы и возрождаем религиозную жизнь. Мы возвращаем нашим городам и улицам наших городов их исторические названия. Мы хотим, чтобы Ленинград снова назывался Санкт-Петербургом, а Свердловск – Екатеринбург. Мы с придыханием вспоминаем о таком недавнем и далеком серебряном веке, восхищаясь отнюдь не спорами Ленина с Луначарским. Мы почти полностью изгнали из языка фальшивые лозунговые трафареты и штампы, наследие активной несвободы.

Мы мечтаем вернуть Россию на ее исторический путь, и наши новые партии хотят воспользоваться дореволюционными традициями и ориентируются на предреволюционную партийную жизнь.

Не берусь здесь судить, навсегда ли это, но сегодня пытаться расставить наши нарождающиеся партии в привычный парламентский ряд справа налево не стоит. Разумнее посмотреть, на какие традиции они желали бы опереться и где они ищут свои исторические корни.

Наши партии поподробнее

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) отличается от всех перечисленных здесь партийных организаций одним существенным признаком: у него есть история. Его учредительный съезд состоялся еще в 1930 году, а его программа, в ее основных чертах, была выработана, когда в первоначально эмигрантский Союз

влились люди из советской России, из оккупированных немцами областей, из завезенных в гитлеровский Рейх рабочих и военнопленных. В этих людях естественно продолжали жить убеждения, выработанные ими под властью Сталина. Политических программ у них не было, и разработанная вместе с ними "Программа НТС" на целых четыре десятилетия была единственной разработанной российской программой, с которой оппозиционные круги нашей страны стали знакомиться уже начиная с 1950-х годов, а создатели и возглавители теперешних партий - в период брежневского застоя.

Неудивительно поэтому, что мысли, содержащиеся в этой программе, в разных вариациях можно встретить едва ли не во всех программных высказываниях перечисленных здесь новообразованных партий. Заимствования? Не обязательно. Возможно, есть и заимствования. Но дело не в них. Составители партийных программ заимствуют их не столько друг у друга, сколько из духовной атмосферы общества и очевидных требований времени. Тот факт, что солидаристам удалось уловить их раньше других, объясняется прежде всего особенностями истории НТС, позволившей ему своевременно сформулировать их как в "Программе НТС", так и в созданном в ответ на горбачевскую попытку перестройки "Пути к будущей России".

В пестроте уже заявивших о себе партий наличествует программное сходство, выражающееся не только в общем для большинства их безоговорочном неприятии административно-командной системы, но и в признании многопартийной парламентской демократии, плюрализма форм хозяйствования и собственности, утверждении гражданского равноправия, свободы политических и иных убеждений и права на национальное самоопределение.

Все это легко уясняется даже при беглом ознакомлении с имеющейся документацией и может считаться поэтому устойчивой предпосылкой для образования разного рода общих фронтов, блоков и коалиций, примеры которых уже имеются.

Характерны поэтому для новорождающихся партий не столько их взгляды на настоящее и будущее, - в них они очень близки друг к другу, - сколько их отношение к фундаментальным политическим идеям, выраженным в дореволюционных партиях. Смотрите сами.

Социалисты

Стоит отметить, что в материалах учредительного съезда Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР) традиционная любовь к прогрессу остается в силе, но слово "социализм", как правило, не употребляется. Не в пример дореволюционной РСДРП, СДПР не претендует быть партией революционного пролетариата, но, подобно немецким социал-демократам, всего лишь партией социального прогресса и социальных гарантий, стремящейся к формированию общества свободы и справедливости. Социальные демократы России, как они охотно себя называют, выступают за деидеологизацию культуры, воспитания и образования. От социалистического на-

следства у них остается лишь тяга к огосударствлению экономики и стремление войти в Социалистический интернационал.

Выступая на учредительном съезде СДПР, член президиума О. Г. Румянцев отметил, что "политические союзы и коалиции неизбежны и необходимы, но только не с большевиками и большевизмом в его различных разновидностях". С другой стороны, однако, "пребывание в рядах КПСС не может рассматриваться в качестве препятствия для вступления в социал-демократическую партию".

Отдельную социалистическую партию (СП) образовали сторонники "советизации собственности" в условиях "демократического планирования". Лидер партии – Борис Кагарлицкий.

В конце ноября 1990 г. к СДПР присоединилась Республиканская партия России (РПР).

Социал-демократы Украины на съезде 25–27 мая 1990 г. раскололись на "правых" и "левых" в первую очередь по вопросу об отношении к социализму. "Левые" образовали Объединенную социал-демократическую партию Украины (ОСДПУ) и провозгласили своей программной целью построение демократического социализма. "Правые" называют себя Социал-демократической партией Украины (СДПУ). Они осудили ленинизм и ратуют не за демократический социализм, а лишь за социальную демократию; в противоположность ОСДПУ, они решительно настаивают на полной независимости Украины.

К ним примыкает просто Демократическая партия Украины, заявившая в программном манифесте о своей принадлежности к "мировому социал-демократическому движению", но ставящая себе главной целью достижение полной независимости Украины.

Л и б е р а л ы

Другое направление, опирающееся на давние российские и международные традиции – это либерализм.

Для Российской Федерации это в первую очередь Либерально-демократическая партия (ЛДП), программа которой предусматривает деидеологизацию культурной и общественной жизни, многоукладность экономики, – включая право частной собственности на землю и средства производства, – при сильной государственной власти в форме президентской демократии. ЛДП подчеркивает свою готовность вступать в коалиции с другими партиями, в том числе и с КПСС.

Партия конституционных демократов (ПКД) не случайно называется "кадетами", тем самым указывая на нее как на преемницу дореволюционных конституционных демократов во главе с П. Н. Милюковым. От своих дореволюционных предшественников они отличаются лишь не вполне либеральным требованием сильной государственной власти, видя в ней главную политическую гарантию гражданских прав и гражданского достоинства.

Партия народной свободы (ПНС) образована исключенным из ПКД незадолго до учредительного съезда Г. Дерягиным. Учредительный съезд ПКД прошел 19–20 мая 1990 г. Учредительный съезд ПНС – уже в конце апреля. Существенных программных расхождений между ними нет.

Либерально-демократическая партия Украины летом 1990 г. еще только вступила в период образования в опоре на ряд депутатов Киевского горсовета, преимущественно из русскоязычной среды. Как и русские либералы, украинские либеральные демократы склонны видеть будущее страны в виде федерации или конфедерации.

К либералам следует отнести также и созданную в начале ноября 1990 г. Объединенную демократическую партию Белоруссии (ОДПБ).

Анархисты

На дореволюционное историческое наследие опираются также и анархисты. Это – Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), в основе платформы которой положены идеи М. Бакунина о безгосударственном социализме. КАС считает себя независимой политической организацией непартийного типа, оформившейся на съезде анархических групп и объединений уже в январе 1989 г., и учрежденная ново на конференции в Казани 7-9 ноября 1990 г. Ассоциация Движения Анархистов (АДА), поставившая целью объединить пацифистские, индивидуалистические и коммунистические течения в анархизме. Эта конференция осудила (отброшенную вскоре и КПСС) экономическую "Программу 500 дней, как открывающую переход от тоталитаризма политического к экономической диктатуре". Участники новой ассоциации приняли обращение к членам КАС, в котором выразили обеспокоенность ее вращением в партийно-государственную структуру и наметили провести свой второй съезд в Н. Новгороде в апреле 1991 г.

Монархисты

Монархические настроения в почвеннических кругах современной России без сомнения существуют. На отмену однопартийной монополии КПСС они сумели ответить однако только учредительным съездом 15-19 мая в Москве, на котором, по выражению "маршала" Сергея Юркова-Энгельгардта, были "разморожены" структуры созданного в 1924 году Православного монархического ордена-союза, ставшего **Православной конституционно-монархической партией России**. Члены этой партии считают Владимира Кирилловича Романова законным наследником российского престола и надеются, получив большинство в будущем российском парламенте, созвать земский собор и призвать на нем государя из дома Романовых.

На большом совещании монархических объединений в Москве в сентябре 1990 года, однако, были осуждены все попытки восстановления в России монархии, помимо избрания нового царя земским собором. Нет сомнения, что в монархических кругах хотели бы большего сближения с православной Церковью. Удастся ли им это – покажет время.

Консерваторы

7 октября 1990 г. второй съезд Демократической партии принял решение переименовать ее в Консервативную партию с целью "отмечиваться от" ДПР ("партия Травкина"). Этим переименованием партия хотела бы подчеркнуть свою приверженность к отечественному консервативному движению.

Христиане

Клерикальных политических партий в предреволюционной России не было. Однако теперь, в условиях не лишённого политического заряда возрождения церковной жизни, возникновение внецерковных, но движимых религиозным сознанием гражданских объединений можно смело отнести к проявлениям реставрационных тенденций.

Так, преемником Христианско-демократической партии Белоруссии, существовавшей в западной Белоруссии до ее присоединения к СССР, считает себя созданный в ноябре 1989 года (еще до отмены ст. 6) **Христианско-демократический союз Белоруссии**. Согласно проекту политической программы, ХДСБ ставит своей целью духовно-нравственное, экономическое и политическое возрождение республики как правового суверенного демократического государства и выражает интересы христиан, независимо от конфессии.

Украинская христианско-демократическая партия (УХДП) преобразована из Украинского христианско-демократического фронта, с 1988 года боровшегося за легализацию украинской католической (униатской) Церкви. На съезде 21-22 апреля 1990 г. делегаты из шести западных областей Украины приняли устав и программу новообразованной партии. Политическая цель УХДП – ликвидация тоталитарного строя и полная независимость Украины.

Христианско-патриотический союз учрежден 17 декабря 1988 г. (председатель В. Н. Осипов). Первым пунктом программы ХПС стоит всемерное способствование духовно-нравственному обновлению общества и возрождение национально-патриотического сознания народа. В своем обращении к избирателям ХПС подчеркивает особое значение православия и желание сохранить единство страны.

Христианско-демократический союз России (лидер А. Огородников) образован 4-7 августа 1989 г. По уставу, "ХДС России является политической партией, объединяющей христиан разных конфессий, которые ставят своей задачей духовное и экономическое возрождение России и создание на ее территории правового демократического государства на принципах христианской демократии".

В 1990 году из ХДС выделилась отдельная **Российская христианско-демократическая партия** под водительством А. Чуева.

Российское христианско-демократическое движение (РХДД) учреждено на съезде 8-9 апреля 1990 г. (сопредседатели В. Аксютин, Г. Анищенко, о. В. Полосин). На съезде приняты устав, программа и декларация. Движение строится на базе христианских идеалов и ценностей. В нем могут принимать участие все, кто принимает устав и декларацию РХДД. Те же, кто принимает кроме того и более четко отработанную политическую программу, могут стать членами партии РХДД.

Националисты

Бурный, можно сказать "взрывной" рост националистических настроений, как следствие семидесяти лет коммунистического "интернационализма", не удивителен. Эти настроения легко наблюдаются во

многих, если не во всех политических организациях, сознающих свою национальную принадлежность. У великороссов национальное чувство носит обычно общероссийский характер, и поставленное Ельциным требование суверенитета Российской республики лишь с натяжкой можно истолковать как великорусский сепаратизм. Сепарироваться он хочет (как, впрочем, и все остальные) в первую очередь от опеки Горбачева.

Украинский сепаратизм, напротив, – политическая реальность, с которой нельзя не считаться. Его исходная база – западная Украина, с которой он постепенно распространяется на восток. Его носители это прежде всего:

Украинская национальная партия (УНП) (председатель Г. Приходько), учредительный съезд которой состоялся во Львове в октябре 1989 года. УНП выступает "за восстановление Украинской народной республики в этнических границах". Она бойкотировала выборы в ВС СССР, усматривая в них признание "колониального статуса" Украины.

Украинская крестьянско-демократическая партия (УКДП). Учредительный съезд этой партии прошел также во Львове 9 июня 1990 г. Возглавляется в принципе пятью сопредседателями. Одно из сопредседательских мест, предназначенное для восточной Украины, осталось вакантным, так как делегатов оттуда на съезде не было. УКДП претендует представлять интересы не только крестьянства, но всего украинского народа. Считает своей главной целью "построение независимой, самостоятельной Украинской народной державы".

В начале декабря 1990 г. учреждена "**Партия демократического возрождения Украины**", в которую, по словам академика Юхновского, "должны влиться те здоровые молодые силы, которые еще остаются в рядах КПСС".

Требование независимости Украины, хоть и с меньшей агрессивностью, поддерживают и обе зародившиеся из Украинского Хельсинкского союза партии: **Украинская республиканская (УРП)** и **Украинская народно-демократическая (УНДП)**, а в определенной мере и остальные украинские политические организации, за исключением **Либерально-демократической (ЛДПУ)** и **Объединенной социал-демократической (ОСДПУ)** партий. (Созданный по подсказке коммунистов Союз трудящихся Украины – СТУ – вообще не в счет.)

Националистические настроения в Белоруссии выражены намного слабее, чем на Украине. "Достижение экономической самостоятельности и политической независимости" ставит себе целью учрежденная 23–24 июня 1990 г. в Минске **Белорусская национально-демократическая партия**, одно из уставных требований которой – знание белорусского языка. Национальная настроенность скрывается и в **Республиканской партии Белоруссии**, в число программных задач которой, наряду с возрождением правового общества, входит и достижение реального суверенитета и независимости (в будущем, возможно, в рамках конфедерации Украина – Белоруссия – Россия). Учредительный съезд этой партии состоялся 15 мая 1990 г. в Бресте.

Вне спектра классической партийности

За чертой традиционной многопартийности лежат политические организации, возникшие в ответ на вызовы века, – не правые и не левые, не консервативные и не прогрессивные, ищущие всего лишь, как выйти из тупика, в который загнали живую жизнь строители мертвого коммунизма.

Зеленые

Особое место среди них занимают так называемые "зеленые" – экологические ассоциации и партии, на Западе, как правило, прогрессивно настроенные. Это понятно, так как среди исторических вызовов последних десятилетий вопрос отношения человека к природе занимает все большее место. Вспомним, что до середины нашего столетия "покорение природы" и "использование природных ресурсов" казалось чем-то само собой разумеющимся, а "пределы роста" этого использования обнаружили только недавно.

Мировому экологическому движению меньше полувека. У него нет предков, а из всей гаммы политических задач его по-настоящему интересует одна: спасение планеты Земля от экологической катастрофы.

В охранительном и восстановительном настроении, воцарившемся в последние годы в творчески активной части нашего общества, забота о спасении природы с первых же шагов тесно связалась с заботой о спасении культуры. Примечательно уже само название начавшего выходить в 1987 году в Ленинграде самиздатского журнала: "Вестник совета по экологии культуры". Наши отечественные "зеленые" – реставраторы. Спасение культурного наследия им не менее важно, чем спасение родной природы.

Соответственно этому уже на учредительном съезде Зеленого движения в феврале 1989 года сразу было решено собирать информацию по трем направлениям: экология, культура и экологическое движение. Начинание оказалось жизнеспособным и после отмены статьи 6-й. 10 июня 1990 г. в Куйбышеве прошел и учредительный съезд **Партии зеленых**. Точно так же на Украине из ассоциации "Зеленый свист" родилась **Партия зеленых Украины**, а в Белоруссии Движение за создание экологической партии Белоруссии достигло цели, учредив **Экологический союз Белоруссии**.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в других советских республиках.

Просто демократы

Вне спектра классической многопартийности лежат партийные объединения, характеризующие себя всего лишь прилательным "демократический". Это Демократический союз (ДС) и Демократическая партия России (ДПР). Как и все вышеперечисленные, оба эти объединения открыто несут в себе начало партийности, не будучи при этом связаны тем или иным традиционным политическим профилем.

Демократический союз (лидер В. И. Новодворская) – плод и преемник недавнего диссидентского правозащитного движения, в пестро-

ту и разномыслие которого он стремится внести элементы организационной дисциплины. Как и породившее его движение, он воспринимает демократию как ложе всяческого инакомыслия и, согласно декларации его второго съезда в Юрмале (Латвия) 27–29 января 1989 г., объединяет людей с различными политическими убеждениями от демократических коммунистов и социал-демократов до либеральных и христианских демократов. ДС "имеет фракционную структуру, строится по конфедеративному принципу и ставит себе конечной целью привести страну к Учредительному собранию".

Демократическая партия России (председатель Н. Травкин) – дитя введенной Горбачевым перестроечной псевдодемократии. Ее задача – возглавить и канализировать оппозиционные настроения в правящем строе. Эта партия – преемница Межрегиональной группы в ВС СССР, "Демократической платформы" в КПСС и избирательного блока "Демократическая Россия" в ВС РСФСР. ДПР хотела бы внести в советы действительную демократию. По словам Травкина, она стоит на открыто антикоммунистических позициях и стремится повести за собой все оппозиционные силы, отстраивая из них реальный противовес КПСС. В числе членов партии есть люди с именами. В руководстве, помимо самого Травкина, ряд депутатов Верховных советов СССР и РСФСР.

К ДПР примыкает учрежденная 1 декабря 1990 г. в Киеве украинская партия "Демократическое согласие", которая, по сообщению ее сопредседателя Хмелько, подобно ДПР, сложилась на базе сторонников Демократической платформы в КПСС, расставшихся с коммунистами после XXVIII съезда.

Предварительный итог

Подведем – пусть предварительный – итог. Организованная оппозиция в СССР многолика и многоголоса. Каждый месяц, если не каждую неделю, в России, на Украине, в Белоруссии, не говоря уже о других республиках, возникают, объединяются, раскалываются и исчезают все новые и новые политические и полуполитические объединения, блоки, движения, союзы, партии. Всех их не перечислить, да, пожалуй, и не стоит перечислять.

Так мы не упомянули здесь о сообщении, что 16. 12. 1990 г. "на политической карте Украины появилась еще одна, шестнадцатая по счету, партия под названием Демократическая партия Украины, как не упомянули и о многих других объединениях, в том числе о Либертарианской партии и об единственной партии в СССР, выступающей против аборт, а именно Партии мира под председательством Сергея Никологорского.

Не без одобрения и содействия компетентных органов, уже за первый год своего существования многопартийность в нашей стране обернулась к народу главным образом своей карикатурной стороной. Так, пленарный состав Моссовета на конец 1990 года состоял из 13 фракций со следующим числом депутатов:

"Демократическая Россия"	91
"Москва"	81
"Демократическая платформа"	47
"Независимые"	47
Клубы избирателей	34
"Содружество"	26
"Инициатива"	18
"Зеленые"	18
Демократическая партия России	9
"Московские левые"	6
Социал-демократическая партия	3
Христианско-демократический союз России	2
"Консолидация"	2
Вне фракций и блоков	49

Разумеется, продуктивно работать со столь пестрым составом парламента практически невозможно. Но с оценкой "Инфоновостей" 31 (125) от 28. 11. 1990 г., якобы "этот "павлиний хвост" фракций по всей вероятности и не дает Моссовету возможности по-деловому решать насущные проблемы москвичей", согласиться нельзя. Дело ведь никак не в составе фракций, а в укорененном в советской государственной структуре полнейшем безвластии советов всех уровней.

Показная советская демократия – как однопартийная, так и теперешняя многопартийная – построена отнюдь не для деловых решений. Она фиктивна по замыслу и исполнению и в силу этого обладает лишь "одобрительной" властью и пригодна лишь к исполнению декоративных функций. Ее задача сегодня – компрометировать идею народоправства, показать демократию с ее беспомощной и карикатурной стороны, на пользу номенклатурной олигархии, в интересах которой направить пробудившуюся политическую активность общества и народа на пустопорожнее словоговорение, а в лучшем случае на выработку программ, заявлений и резолюций множества соперничающих между собой мало мощных и бесперспективных партий и группировок, ни одна из которых не может всерьез конкурировать со все еще многомиллионной КПСС, располагающей неограниченными средствами и занимающей все командные посты в стране. Новорожденным политическим партиям не хватает минимальных материальных средств и, что не менее важно, политического и организационного опыта.

Кто из них способен вырасти в реальную политическую силу, мы не знаем. Тем более, что над разлагающейся партokratией уже вознесся призрак президентской диктатуры.

Многопартийность в нашей стране еще младенец, плотно спеленутый руками недоброй няньки. В окончательном итоге она легко может остаться фикцией, способной служить лишь забавой для политизирующих интеллигентов, да отчасти вспомогательным рычажком в аппаратной игре, столь любимой советскими сановниками.

Народы нашей страны без сомнения хотят демократии. Политически мыслящие люди среди них знают, что такое парламент, и хотят парламента. И вопрос только: сумеют ли они распеленаться?

Химеры и реальность

Е. ТРИФОНОВ

В сегодняшних ожесточенных спорах о национально-государственной альтернативе для нашей Родины иногда эмоции подменяют реальность. Слава Богу, россияне наконец прониклись простой мыслью, что Российская империя была не столько "тюрьмой народов", сколько сложным, динамично развивающимся, уникальным многонациональным организмом, где множество народов чувствовали себя детьми единой Родины. Само по себе это понимание наших современников – огромный шаг вперед, настоящий прорыв из прошлого. Но дальше начинаются чудеса неизжитого советского мышления. Отринув одну, большевистскую мифологию, наши соотечественники оказываются в плену у другой, пусть более правдоподобной, но все же мифологии. Миф – штука опасная. Он воздействует на эмоции, гасит разум.

Российское государство XVIII – начала XX веков – Российская империя. Любому неспециалисту должно быть ясно, что империя не является, никогда не может стать национальным государством. Национально-государственная структура Российской империи была сложной, архаичной, запутанной. "Российская часть души", конечно, присутствовала у большей части насельников огромной державы, но в совершенно разной степени. Вот две причины, которые, на мой взгляд, оказывали дестабилизирующее влияние на национально-государственное устройство Российской империи в начале XX века.

1. Искусственное разделение народов по конфессиям, что запутывало национальную идентификацию и самоидентификацию. Например, православными являются, помимо русских, греки, молдаване, 2/3 осетин, часть астонцев, но это нисколько не способствовало их консолидации в один народ. Национальное самосознание приходило во все большее противоречие с конфессиональным делением.

2. Существовала своеобразная иерархия народов: "нелюбимыми" детьми империи были, например, ингуши, черкесы, чеченцы, крымские татары, лишенные своих земель и постепенно изгонявшиеся за границу. Часть туркмен, узбеков, таджиков, оторванных от своих государств – Хивы и Бухары, были просто чуждым элементом в России. Какая же часть души этих народов была российской?

Реальность такова, что национальные движения охватили в начале XX века Российскую империю так же, как в 1920-30-е годы британские, французские, голландские и прочие владения. Такая точка зрения сейчас не очень популярна ни среди демократов, ни среди коммунистов. Но опровергнуть ее на основе фактов, по-моему, невозможно.

Трудно спорить с тем, что большевикам очень помогли в захвате и особенно в удержании власти национал-сепаратистские движения окраин. Это и привело к созданию ленинских псевдогосударств – кость бюкратам-националистам, помогшим прийти к власти. Псевдогосударства с произвольно установленными границами и призрачными правами – не просто ленинский кураж над здравым смыслом, а уродливо-большевистское отражение реальностей национального развития окраин бывшей Российской империи.

Не будем забывать также, что под гнетом КПСС, за тюремными решетками внутренних границ, все 73 года продолжали развиваться сложнейшие процессы формирования наций. Изуродованные, негативные, часто абсурдные, – но от этого не менее реальные. И с ними сейчас приходится считаться. Попытаться делать вид, что "советские" республики – это просто миф, самоубийственно для любой политической организации. Сейчас этим самоубийством вдохновенно и вполне успешно занимаются коммунисты, но на их месте окажется любая группировка, игнорирующая реальность. Попробуй сейчас любая власть (хоть трижды демократическая, российская, какая угодно хорошая) поставить под сомнение правомерность существования республик – и кровавая борьба народов за самостоятельность захлестнет все. Можно не испытывать никаких симпатий к руководству Литвы, Грузии, Молдовы, но придется признать, что они избраны демократическим путем и уже поэтому обладают легитимностью.

Конечно, фрондирующее руководство новоявленных "суверенных" республик вроде Коми, Карелии, Марий-Эл – это просто пешки в руках Кремля. Это все несерьезно и сойдет на нет одновременно с коммунистической властью. Но многие автономии, не говоря о всех "союзных" республиках, – серьезная проблема, решать которую придется с учетом мнения населяющих их народов. Все республики Северного Кавказа, Якутия, Тува, возможно – Татария, Башкирия, Бурятия, могут отойти от России. И нам придется убеждать их в том, что лишь вместе мы сможем прийти к разумному, демократическому обществу, убеждать долго, тонко, терпеливо. И если кого-то не убедим, – придется сказать последнее "прости". Худую услугу оказывают России некоторые авторы и ораторы, отказывающие кому в праве на самостоятельность, кому в праве называться нацией, кому в праве на исконные земли. И это все объясняется заботой о сохранении России.

Из изложенного видно, что автор в общем и целом стоит на позициях, близких к идеям А. И. Солженицына. Трехединый Российский Союз – это было бы великим благом. Но строиться оно может только на добровольных началах, что в отношении Украины достаточно проблематично.

Можно согласиться почти со всем, что изложено в брошюре "Как нам обустроить Россию". Впрочем, одна фраза вызвала у меня просто испуг – это о Казахстане, что, мол, все земли, где раз в году проходил казах-кочевник, отданы Казахстану (цитирую приблизительно). Тут уважаемый Александр Исаевич явно погорячился. Дело в том, что

границы всех кочевых народов, и казахские в частности, всегда определялись очень четко. И кочевник никак не мог проходить где-либо "раз в году". Он проходил всегда по одному и тому же маршруту два раза в год – на летние пастбища и обратно. Границы в степи – дело не менее жесткое и реальное, чем в Европе. Каждый кочевник знал, до какой речки, колодца, ручья, простирается земля его народа или племени. И когда Россия заключала с Казахскими государствами договоры, имелась в виду определенная территория с конкретно очерченными на картах границами.

Кажется, выход из нынешней ситуации вырисовывается. Россию необходимо сохранить, и мы ее сохраним. Для этого главное – не бояться соседей. Не держать за руки татар, башкир, якутов, а поверить в их здравый смысл, как верим мы в здравый смысл нашего народа.

Ну хорошо, татарская партократия, подталкиваемая Центром, объявила о выходе Татарстана из состава России. Нет смысла заявлять о неприемлемости этого шага. Надо разрушить нынешнюю систему власти, а власть Татарстана пусть попробует вывести республику из кризиса самостоятельно. Не получится. Не получится, если трезво учесть все факторы: 1) население в рамках территории Татарстана на 50% русское; 2) связи русских с татарами неразрывны; 3) наконец, само положение республики в самом центре России.

То же самое, или нечто похожее, можно сказать о Башкирии, Чувашии и других. При мирном развитии событий связь этих республик с Россией быстро восстановится в той или иной форме (федерация, конфедерация). Не в названии суть, а в реальном экономическом, духовном единстве и народов, и территорий. А если мы будем давить, угрожать, блокировать, – мы получим национальную консолидацию в республиках на антироссийской основе. Вот это и приведет к развалу России.

Еще один вопрос, и важнейший – положение русских в республиках. Вопрос этот может быть решен при условии существования сильной России в качестве национального государства. Все новоявленные государства, от Литвы до Якутии, – будут крайне заинтересованы в хороших отношениях с Россией. А отношения будут таковыми лишь при условии соблюдения всех прав русского населения республик.

Мы подошли к самому главному – созданию российского свободного национального государства. И ядром его должны быть регионы, населенные в большинстве своем русским населением. Россия – от Санкт-Петербурга до Анадыря – останется огромной и великой страной. А с республиками, исключая чисто карикатурные образования, отношения будут налаживаться параллельно с ростом нашего экономического потенциала, нашей демократии, внутреннего порядка и внешнеполитического могущества. Лишь обеспечив солидарность и сотрудничество социальных, национальных, религиозных групп в нашей России, мы обеспечим солидарность и единство с теми народами, которые сейчас выжидают, по какому пути им пойти, – по пути отделения от России или свободного объединения в той или иной форме.

Опять западничество?

Д. БАЛАШОВ

Россия бурлит. Сущее до сих пор и уже, казалось бы, – за семьдесят-то лет! – привычное, надоело всем. Страна готова развалиться на части, на области, уезды, придти в некое атомарное состояние, лишь бы избавиться от гнусного, продолжающего иссушать и разорять Россию диктата административной системы.

Предложений – масса. Дел пока нет никаких, ежели не считать делом безобразную и неистовую распродажу всего, что осталось от некогда великой державы. Однако среди предложений и планов, принимаемых ныне, все четче вырисовывается желание, разделивши Российское государство на многие части, согласно с теми условными границами, которые были волюнтаристски проведены Советской властью во время оно, разделив, повторяю, страну, включить ее как младшего партнера в кругооборот западноевропейских хозяйственных планов и дел. Всем почему-то, не исключая Собчака, потребовались иностранные капиталы, инвестиции и проч. Словом, опять, как и встарь:

*Давай, пошлем к варягам,
Пускай придут княжить!
Ведь немцы тароваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка только нет!*

Порядка нет, это верно. Но уже и богатств особых не остается. Мы – нищие. И, естественно, со всеми намечаемыми реформами сделавшись откровенной колонией Запада (каковой мы являемся уже и сейчас), богаче не станем.

Прежняя наша партийная диктатура разоряла страну, превращая ее в ту самую тюрьму народов, а экономически – в дешевую сырьевую базу развитых западных стран.

Новые демократические силы стремятся, сокрушив диктатуру партии и единство страны, превратить конгломерат образовавшихся государств в... источник дешевого сырья для развитых западных стран! Вот и вся разница.

Это все то же пресловутое западничество, вводимое еще Петром Первым, с обязательной идеей превосходства западных соседей над нами и с объявлением русского народа народом второго сорта, после чего с ним можно делать что угодно: устраивать крепостное право, травить химией и радиацией или загонять в каторжные сталинские лагеря...

Публикуемый доклад писателя Дмитрия Михайловича Балашова прочитан им в конце 1990 года на ежегодных литературных чтениях.

Пора опомниться. Еще можно опомниться. Еще не поздно, хотя то, что четыре-пять лет назад требовало лишь принятия разумных законов, сейчас потребует применения силы, быть может, и крови, но страну еще можно спасти!

Повторю кратко то, что мною уже неоднократно говорилось прежде. Повторю, ибо любое предложение что-то изменить, отменить или улучшить должно опираться на прошлое, на некие исходные аргументы, ибо жизнь — это не статика, а всегда процесс, идущий от прошлого к будущему. А нежелание считаться с закономерностями исторического процесса как раз и привело нас за семьдесят три года на грань национальной, хозяйственной и экологической гибели.

Итак:

Нации есть продукт не искусственной, рукотворной деятельности человека, но продукт природы. Разнообразие этносов (наций) определяется разнообразием природных сред и разными способами приспособления человеческих сообществ к природной среде. По мере усложнения связи "человек — природа" число и разнообразие наций должно увеличиваться, что мы и наблюдаем в истории.

При этом нации развиваются, гибнут, сменяются другими, но все эти изменения также укладываются в строго определенные (природные, то есть естественные) пределы. Так, полный срок творческого существования этноса с начала этногенеза и до перехода в реликт занимает 1200–1400 лет, а ровно через шесть веков после начала этногенеза наступает состояние надлома, достаточно длительное. (Мы его переживали где-то уже с конца первой четверти XIX века и до 1980 года приблизительно.) Оно характеризуется распадом внутринациональных связей и восстающей в результате этого братоубийственной резней и смутами.

С минованием "надлома" в жизни этносов наступает спокойное предзакатное состояние "золотой осени". Как раз к этому состоянию мы и готовимся перейти, — если не погибнем. И ежели немислимое человекоубийство, сотворенное партией большевиков в нашей стране, не сделало уже этот переход к мирной и счастливой жизни невозможным или, по крайности, труднодостижимым.

Экологические особенности нашей страны резко отделяют Россию от Западной Европы. Там — теплый Гольфстрим и ряд горных цепей, создающих естественный кордон против холодного дыхания Арктики. Прибавим — изобилие воды. Здесь — отсутствие всякой естественной преграды с Севера, кроме лесной шубы (ныне прореженной до катастрофического состояния). И горы Урала, и заенисейские горные цепи идут с севера к югу, отрывая ледяным ветрам как восточно-европейскую низменность, так и западно-сибирскую. Климат Восточной Европы — континентальный с сильными перепадами температур. Весной и осенью — ливневые потоки, грозящие смыть плодородный слой почвы. Затяжные зимы, короткий летний цикл.

Все это требовало бережного и искусного земледелия, в основном, пойменного, под защитой лесов и болот. Воды в Восточной Европе на единицу площади в полтора-два раза меньше, чем в Западной, и болота — естественные и совершенно необходимые для нас резервуары питьевой воды, смягчающие климат и препятствующие промерзанию почвы. Русские и расселялись сперва исключительно по рекам.

Редкость населения была в России, особенно северной, экологической необходимостью. Суровые зимы требовали солидного запаса кормов и для скота, и для людей, то есть уровень эксплуатации в России тоже должен был быть по необходимости ниже, чем в западных странах. Но редкое население — это и возрастающая трудность мобилизации сил во время войны. Низкий уровень эксплуатации, зажиточность населения и его более свободное (вплоть до XVIII столетия) состояние явились особенностью, помогавшей быстрому и добровольному сбору войска с больших и раскидистых территорий.

Это же отличие диктовало и особенности культуры, более равномерной, более единой, чем на Западе. При общем высоком уровне жизни почти отсутствовала особая, "верхняя", так сказать, куртуазная культура правящего слоя страны, не было замков, рыцарской поэзии и т. д. Церковь обслуживала все классы, не делая даже тех различий, которые слагались в Киевской Руси, где князь с боярами восходил по особой каменной лестнице на хоры, а во время службы помещался в отстоянии от прочей толпы прихожан.

Даже запоздалое появление плуга взамен сохи лимитировалось не столько отсталостью, сколько экологическими причинами. Овальный плуг, наряду со сплошной вырубкой лесов, привел всего за восемьдесят лет XIX века к заовраживанию и размыву центральных черноземных областей страны. А нарочитое отстояние правящего слоя от народа, явившееся с реформами Петра, привело к обострению социальных противоречий и конечному краху империи.

Очень характерно, что, совершив революцию, мы пошли опять именно по западническому пути.

Безумная вырубка лесов уже теперь ставит под сомнение возможность устойчивого земледелия на всей территории севера и центра России, а преступная деятельность Минводхоза лишила нас лучших плодороднейших земельных массивов (территория, равная целой Франции, залита водой!). Наконец, и уровень эксплуатации у нас, обязанный быть ниже, чем в западных странах, превышает общемировой в 3-4 раза. Ежели в развитых странах из валового дохода на оплату труда идет около 70%, то у нас — не более 20% (по последним данным — не более 17%), и результаты этой грабительской эксплуатации налицо. Скот мрет от бескормицы, деревни запустели и разбежались, а страна, кормившая полмира, ныне ввозит до трети потребляемого продовольствия из-за рубежа.

В области культуры мы ведем ту же самоубийственную политику, проповедуя западный стиль жизни, что окончательно отторгает наше подрастающее поколение от традиционных начал, заставляет моло-

дежь бежать в переполненные города в тщетных поисках иной, "лучшей", "счастливой" жизни, где рекой льются доллары, а герои танцуют брейк, слушают рок, занимаются сексом, пьют виски и гоняют на машинах, периодически стреляя друг в друга. Думаю, можно не огорчаться, что истинная жизнь Запада, очень упорядоченная и очень трудовая, вовсе не похожа на этот, неведь откуда явившийся кино-пропагандистский треп.

Добавим, что и в тех сложных и еще не решенных проблемах, охвативших весь мир, которые требуют немедленного и настойчивого разрешения, мы идем, так сказать, "вперед глупости". Вместо поисков экологически безопасной и практически неисчерпаемой энергетики (солнца и ветра, как видится в первом приближении), мы лихо разбазариваем наши нефтяные богатства и строим все новые атомные станции, подготавливая самоубийство страны и неции. Меж тем как после Чернобыля все эти станции надо было немедленно закрыть, а виновных, начиная с членов правительства и того же академика Александрова, посадить на скамью подсудимых.

Повторю: человечество, для того чтобы выжить, имеет право брать у природы не больше того, что природа способна восстановить за тот же период времени. То есть наша общечеловеческая энергетическая основа уже с началом сжигания угля стала безумной.

Переходя к катастрофическим в наши дни национальным проблемам, необходимо напомнить, что наше многонациональное государство слагалось постепенно, но именно как федерация, как своеобразный симбиоз или союз народов, объединенных общностью исторической судьбы; что процесс этот начался еще на заре первого тысячелетия до новой эры, когда сложилось многоплеменное скифское государство; что вся последующая история, с приходом сарматских племен, гуннов, печенегов и половцев, наконец – монголо-татар, была историей развития этого симбиоза, при котором верховенство переходило то к земледельцам, то к кочевникам, но периоды резких столкновений и войн были ничтожно малы по сравнению с относительно мирными периодами взаимных союзов и торговли.

Могу напомнить также, что территория нашей страны не что иное, как улус Джучи старшего сына Чингисхана, подаренный Батю; что южная граница была ареною многовековой войны двух монгольских династий, золотоордынской и персидской, а затем здесь явилась империя Тимуридов, сокрушенная в XVII столетии кочевниками, и т. д.; что точно так же очень непростой была история Кавказа, по которому, опять же, проходили границы многих средневековых враждующих империй – арабской, персидской, турецкой, – что западные рубежи страны образовались путем возвращения в лоно Великоруссии территорий бывшего киевского государства, в XIV столетии захваченных Литвою и отошедших к Польше; что современная Прибалтика была подчинена некогда орденским немцам и сумела освободиться от них только благодаря успехам русского оружия; что так же постепенно в этом большом конгломерате народов налаживались хозяйственные и духовные связи, объединившие даже и представителей разных рели-

гий в своеобразный союз креста и полумесяца; что в "Своде законов Российской империи" не было никакого, ни политического, ни экономического, ни религиозного ущемления прав нерусского населения (то есть Россия, в противность советской агитации, никогда не являлась "тюрьмой народов" и колониальной державой), а пресловутая "процентная норма" как раз и открывала возможность представителям всех народов, согласно с их численностью, получать высшее образование и, соответственно, занимать места в правящем классе страны. Напомним также, что добрая треть наших дворянских фамилий — монголо-татарского происхождения.

В соответствии с очерченным характером развития страны для целого ряда наций невозможно указать локальные области их проживания. Татар и русских, например, попросту не разделить. Очень условны границы многих не только союзных республик, но и автономий, а нарезанные Советской властью границы проведены буквально по живому, зачастую выкроены из тела Российской Федерации, причем русское население в таких регионах иногда десятикратно превышает "основное", как, например, в Карелии, Казахстане и др., да и живет на названных территориях уже много веков.

Можно утверждать, что все сущие национальные конфликты как на Кавказе, так и в Прибалтике, Молдавии, Средней Азии, в значительной степени являются искусственно созданными Советской властью и ею же поддерживаются. Так, ежели бы в Карабахе вовремя и сразу был проведен плебисцит и населению позволили самоопределяться, не было бы ни войны, ни резни, ни обид, ни яростного противостояния двух народов. Все проблемы турок-месхетинцев, немцев Поволжья, крымских татар порождены тиранией сталинских лет и несправедливостью, которую не устранили вовремя, да так и не устраняют поднесь. Абсолютно уверен, что ежели бы не диктат монополий, не намеренное разрушение привычного способа существования, насильственные сселения и проч., никаких конфликтов не возникло бы и в Прибалтике. Наконец, ежели бы наше мудрое правительство не разделило нации на полноправные (союзные), неполноправные (автономные) и вовсе бесправные, как малые народы Севера, ежели бы оно не грабило Россию, перегоняя половину бюджета РСФСР в республики Средней Азии и Закавказья, что происходит и по сию пору, то и никаких конфликтов в России и с Россией не было бы также. Полагаю, что ежели бы мы вернулись к исторически сложившимся отношениям и прежнему законодательству, нынешние национальные конфликты исчезли бы сами собой.

Не останавливаясь тут на критике собственно самой по себе коммунистической утопии, на доказательствах того, что это не что иное, как антисистема, способная только к паразитарному существованию, то есть к разрушению, — итог большевистского государственного творчества за семьдесят три года у всех на глазах.

Перечислю кратко то, что мы обязаны содейть, когда и ежели власть перейдет в руки подлинно народных представителей.

Решительно снизить уровень эксплуатации, доведя его до минимально необходимого (во всех случаях не свыше 25% от совокупного валового дохода). В тех случаях, когда уровень налогов может быть установлен более высокий (в некоторых областях торговой и торгово-промышленной деятельности, дающих быстрые и высокие доходы, это возможно), эта сверхприбыль должна уравниваться снижением или полной отменой налогов в областях, связанных с культурой, медициной, наукой, благотворительностью и проч.

Снижение этого уровня возможно за счет:

Уменьшения расходов по военно-промышленному комплексу минимум в десять раз.

В мирное время армия должна состоять из небольшого числа специалистов-профессионалов (офицерского и сержантского состава без рядовых), что позволяет, в случае военной надобности, легко увеличить ее мгновенно за счет набора рядового состава в шесть-десять раз.

Всякие стройбаты и проч., что является воплощением людоедской идеи Троцкого о принудительных "строительных армиях" при коммунизме, должны быть немедленно распущены.

Надо восстановить казацьи войска, снабдив их современной техникой и наделив казаков землею и соответствующими льготами.

В производстве оружия сохранить отрасли, где создаются новые образцы, заморозив все предприятия массового выпуска военной техники. При этом творческие находки в военной области там, где это только возможно, должны обогащать и мирное производство. (Далеко не все, что у нас засекречивается, секретно на самом деле!)

Необходимо возродить традиции офицерской чести. Необходимо деполитизировать армию, уничтожив политотделы и раз и навсегда запретив употреблять армейские части против собственного народа. Это правило должно входить в присягу каждого воина.

Уверен, что необходим институт полковых священников и полковых церквей.

Короче, наша армия должна состоять из небольшого, но высокопрофессионального и блестяще подготовленного офицерского корпуса (за счет многократного уменьшения армии корпус этот можно щедро снабжать техникой и достойно оплачивать), корпуса, который в чем-то повторит традиции профессиональных воинов-дворян прежних столетий; во-вторых, - из казацких частей вдоль всей растянутой южной границы; и, в-третьих, - в случае войны (и только в этом случае!) - из массового набора рядовых, учитывая при этом, что целый ряд мирных специальностей (водителя, строителя, летчика и т. п.) так же необходим и во время войны.

Сокращение армии - это первый, но даже и не основной источник экономии.

Россия должна получить свой бюджет полностью, без отчислений в республики, где нувориши и всяческие рашидовы буквально захлебываются в потоке даровых русских денег.

Россия должна, поскольку мы готовимся вступить в мирную "золотую осень", прекратить полностью свою имперскую политику поддержки коммунистических режимов во всем мире и политику конфронтации со Штатами, сопровождающуюся постоянными финансовыми кровопусканиями, которыми расплачивается русский народ.

Надо прекратить постоянную (в согласии с догмами марксизма!) гонку роста в тяжелой промышленности, которая уже высосала страну и довела нас до того, что и машины, и технологии приходится покупать за рубежом, хотя мы производим немыслимое количество тонн ненужного нам металла и миллионы не нужных, устарелых прежде рождения своего механизмов.

Надобно прекратить все "проекты века", слить "моря", судить, с привлечением международных экспертов, руководство Минводхоза.

Ограничить, почти в такой же степени, химию, возвратив сельское хозяйство к использованию натуральных удобрений.

Реформировать, наконец, систему управления, со снижением количества чиновников в десять-двадцать раз (но не менее, чем вдесятеро), введя принцип персональной ответственности (как наказания, так и вознаграждения) за любое действие чиновника, касается ли оно заключения каких-либо международных соглашений или управления внутри страны. Кстати, продавать что-либо за рубеж можно только тогда, когда полностью удовлетворен внутренний рынок. Никакая валюта не поможет, ежели во время уборочной в хозяйства не поступает горячее и нет машин и вагонов для перевозки урожая!

Наконец, надо разработать такую форму стимулирования в торговле и хранении продуктов, при которой соответствующим хозяйственникам будет прямо невыгодно губить и гнить продукты, а напротив, выгодно их доставлять потребителю.

Весь комплекс названных мер, по приблизительным подсчетам, позволит увеличить фактическое наполнение зарплаты наших граждан минимум в четыре раза, то есть догнать по потреблению уровень развитых европейских стран.

II

В области экологии мы должны:

Слить "моря" и вновь обработать ныне залитую водой землю.

На миллионах квадратных километров вновь посадить и вырастить леса. Очистить реки от топляков и грязи (разгородивши, кстати, Волгу от плотин, губящих рыбные запасы страны). Восстановить болота. Создать национальные парки и заказники различного характера не менее, чем на третьей части территории.

Необходимо запретить все виды и формы отравления окружающей среды. Мы должны ликвидировать вредные выбросы, уничтожив и свернув опасные производства (в том числе немедленно ликвидировать атомные станции). Должна быть создана независимая и неподвластная даже высшим чиновникам экологическая служба страны, с правом охранять, но без права использовать природные богатства (иначе начнутся злоупотребления).

На все эти работы (прибавим проведение дорог, восстановление сел, деревень и малых городов, архитектурную реставрацию и восстановление уничтоженных памятников) нужны миллионы и миллионы рабочих рук, так что никакая безработица нам в обозримом будущем не грозит.

III

Все хозяйственные реформы надобно было начинать с возвращения земли труженнику. Мы должны выплатить потомкам раскулаченных стоимость отобранных у их родителей имуществ и им же предоставить преимущественное право на получение дедовской земли.

Общее правило должно быть такое: вся земля принадлежит крестьянину-труженнику. Колхоз и совхоз – только добровольные ассоциации этих труженников и самостоятельного права на владение землей не имеют. Следовательно, каждый крестьянин, пожелавший выделиться из колхоза, должен иметь полное и немедленно осуществляемое право на получение земли, независимо от мнений и желаний колхозного или совхозного руководства.

Порочную практику поддержки убыточных колхозов надо также немедленно прекратить. Ну, а те колхозы, которые безубыточны и удовлетворяют своих членов, никто насильно распускать не должен, тем более что центральные усадьбы и мастерские подсобных хозяйств могут стать хозрасчетными предприятиями по обслуживанию тех же фермеров (опять же с полного согласия последних и по взаимовыгодным договорам).

IV

Наряду с возвращением земли надобно всячески стимулировать мелкотоварное производство во всех областях. Вплоть до строительства домов с готовыми лавками и мастерскими в нижних этажах, где каждый желающий мог бы снять, арендовать или купить рабочее помещение с квартирой наверху. Тысячи подобных мелких и мельчайших производств в короткий срок способны ликвидировать все наши нынешние дефициты и принципиально изменить сферу обслуживания.

Необходимо и допустить и ввести хозрасчетные отношения всюду. Необходимо платить за труд столько, сколько заработал труженник, не смущаясь тем, что он, скажем, применив какое-то свое изобретение, выработает десять-пятнадцать норм. Более того, должно быть полностью ликвидировано прогрессивное обложение налогами граждан, получающих зарплату.

Гарантированная возможность на государственном предприятии заработать сколько угодно, не упираясь в "потолок" фонда зарплаты, установленного чиновниками, вместе с правом сократить количество занятых рабочих рук за счет увеличения производительности труда и роста зарплаты, наряду с созданием изобретательского фонда и твердыми гарантиями, что у производственника, вводящего новую техно-

логию, не отберут прибыль, — весь этот комплекс мер приведет к тому, что и на государственных производствах увеличение производительности труда, рост зарплаток и прогресс в технологии пойдут как бы сами собою, стихийным порядком, в силу прямой выгоды, без окриков и понуканий сверху.

Что же касается высвобождающейся рабочей силы, то использование ее с учетом сказанного выше не представит никакого труда.

Работа государственных планирующих органов должна свестись к контролю за этим процессом, к экономической поддержке перспективных и попросту необходимых направлений и к постоянной борьбе с монополиями, недопущением их диктата, который, как это было известно еще Марксу, немедленно ведет к снижению производства и удорожанию продукции.

Весь комплекс названных мер должен привести страну к скорому изобилию, а опираясь на изобилие, легко предусмотреть и меры помощи инвалидам, пенсионерам, многодетным семьям и проч., в каковой области нам очень и очень стоит поучиться у наших западных соседей.

V

Разумеется, все названное и невозможно, и не удастся совершить без решительного изменения наших идеологических ориентиров.

С диктатурой мысли и диктатурой партии (всяческих партий!) должно быть покончено.

Секретные учреждения, осуществлявшие террор в нашей стране, должны быть ликвидированы, и пропаганда классовой и иной ненависти запрещена.

Церковь должна быть полностью реабилитирована, освобождена от налогов и восстановлена в своих правах, с возвращением церковных имуществ и реставрацией за государственный счет разрушенных или похищенных памятников и ценностей, принадлежавших Церкви.

Так же как должно быть разрешено, по желанию родителей, преподавание Закона Божьего в обычных школах наряду с прочими предметами.

Только на этом пути — отказа от роли военно-политического мирового пугала и восстановления традиционных духовных основ нашей культуры — обновленная Россия сможет по праву стать во главе федерации дружеских народов и явиться тем духовным примером для человечества, каким она могла бы стать в XX столетии при ином повороте исторической судьбы. А в том, что у России могла быть и иная судьба, кроме сущей, убеждает нас творчество наших гениев: Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова (а в наши дни — Солженицына), наших богословов, Павла Флоренского и иных, философов и ученых, покоровших мир силою свой духовности и глубиной высказываемых идей, продолжающих быть актуальными и ныне, в наше тягостное время неуверенности, отчаяния и надежд.

Новгород

Ближний Восток Европы

М. СТРАНСКИЙ

Посткоммунистические государства Восточной Европы оказались на поверку чем угодно, но только не дружной семьей народов. На смену классовому видению мира пришло столь же ложное национальное видение. Дурные страсти овладели восточноевропейскими людьми. Любовь к своему народу им почему-то приходится доказывать ненавистью к другому. Сомнительные чувства охватили массы даже в сравнительно непроблемных, почти однонациональных государственных образованиях. В Польше, к примеру, в последние полвека не было национальных трений. Доля литовского, белорусского, украинского, татарского, еврейского меньшинств такова, что ее можно было сбросить со счетов как не задавающую воображения основной массы поляков. Только в последние недели, под впечатлением объединения Германии, заактивничали силезские немцы, и эта активность грозит со временем перерасти в серьезную проблему Польского государства.

Но и тогда, когда ни этой, ни других проблем еще не было в помине, национальный нерв страны бился с вызывающей силой. Национальное едва ли не перевешивало социальное в программах президентских кандидатов – и приносило голоса. Так же обстоит дело в Венгрии, где инородных меньшинств – кот наплакал; словаки да евреи – вот и все меньшинства, если не считать беглых румын. Но и в Венгрии на парламентских выборах победил Демократический Форум – партия почвеннического, т. е. национально-фундаменталистского толка, оттеснив на скамью оппозиции Свободных демократов, исповедующих примат общечеловеческих принципов.

О Румынии и говорить не приходится. Впрочем, несколько слов сказать все же необходимо, ибо в регионе нет аналогичных примеров игнорирования своей же национальной реальностью. На территории древней Валахии и Дакии судьба свела великое множество народов: только венгров в Семиградье порядка двух миллионов, банатских швабов, т. е. немцев, – несколько сот тысяч, цыган вообще неслучайно. И тем не менее, первая статья новой конституции страны гласит: "Румыния является национальным, унитарным, независимым и неделимым государством". Заметьте, в первую голову национальным и лишь в третью – независимым. Разумеется, при недавнем обсуждении новой конституции в парламенте страны большинство представителей оппозиционных партий, в том числе Демократический союз венгров Румынии, голосовали против включения в конституцию определения "национальное государство". Однако эта формулировка была принята большинством голосов. За нее, наряду с криптокоммунистическим Фронтом национального спасения, фактически правящим в стране,

голосовала и Партия румынского национального единства, которая занимает шестое место по количеству мандатов в палате депутатов и четвертое – в сенате. Демократическая пресса Румынии называет эту партию политическим органом национал-экстремистского движения "Ватра ромыняскэ" ("Румынский очаг"). Движение, по слухам, насчитывает в настоящее время около 8 миллионов приверженцев и на ближайших выборах в местные органы власти будет основным конкурентом правящего Фронта национального спасения. Впрочем, конкуренция эта – одна видимость, на более глубоком уровне между двумя силами существует стратегическое взаимопонимание.

Совсем недавно в прессу, в том числе зарубежную, просочились сведения о том, что печатный орган движения – махровый националистический листок "Ромыния маре" ("Великая Румыния") – содержится на средства Румынской службы информации, в прошлом именовавшейся "Секуритате", ею же и контролируется. Не случайно лидер "Ватры" Ион Кожа как-то заявил, что предпочел бы видеть на скамье подсудимых не генерала Влада, руководителя "Секуритате" времен Чаушеску, а епископа-венгра Ласло Текеша, с ареста которого и началась в Тимишоаре в декабре 89-го румынская революция. Коммунисты в роли тайных хранителей национальных очагов – эта стилизация типична для всего восточноевропейского региона, не исключая Советский Союз.

В заметках, которые следуют ниже, рассматривается несколько комплексов национальных проблем, проявившихся в Восточной Европе. Они не претендуют на всеохватность, но представляют различные пути преодоления этих проблем, в том числе там, где под сомнение поставлена целостность государственных образований.

Болгарский парадокс

Национальные проблемы везде трудноразрешимы; но причины их сиюминутного обострения различны: в одних случаях такое обострение является следствием дискриминационной или репрессивной политики правительств по отношению к национальным меньшинствам, в других, наоборот, оно связано именно с либерализационными мерами в национальной сфере. Пример второго случая являет Болгария.

Национальных меньшинств в этой балканской стране немного: если не считать турок, то остаются македонцы, армяне, евреи, другие общины, которые по малочисленности можно не принимать в расчет. С армянами и евреями у болгар до самого последнего времени никаких осложнений не возникало. Македонцев, плотно проживающих на западе страны, в районе города Благоевград, в прошлом принято было считать племенной разновидностью болгарского народа, а их язык – диалектом болгарского. Общее национальное иступление последнего времени не могло обойти стороной македонцев: в их среде появилось движение за культурную автономию, а в крайних проявлениях – за территориальное отделение от Болгарии и присоединение к Македонской Республике, что пока еще в составе Югославии. Но давление с

этой стороны, видимо, оказалось достаточно слабым, и болгарские власти пока могли позволить себе роскошь игнорировать его. Во всяком случае, македонское национальное движение "Илинден" – едва ли не единственное в стране, которое Верховный Суд отказался регистрировать в качестве организации.

Но это, повторяю, если не считать турок. А не считать их довольно трудно – их в Болгарии порядка 800 тысяч. А вместе с "помаками" (так в Болгарии называют "отуреченных", исламизированных болгар) их численность переваливает далеко за миллион. Это более 10% от общего населения страны.

По официальной теории, имевшей хождение в годы коммунистического правления, турок в Болгарии как бы вообще не было – были только "помаки". Это позволяло всякую насильственную ассимиляцию турок-мусульман именовать "реболгаризацией". Кампании по насильственной ассимиляции в послевоенной Болгарии проводились дважды. В первый раз, в самом начале 50-х годов, она была связана с сопротивлением, оказанным турецким крестьянством процессу коллективизации сельского хозяйства. Вторая кампания стартовала в 1984-ом году и продолжалась, с различной интенсивностью, до падения коммунистического режима осенью 1989-го. Ее наиболее вопиющим проявлением была насильственная замена имен турецко-арабского происхождения славянскими именами и фамилиями. В ходе напряженной борьбы на стороне властей был целый ряд заметных достижений: исключение тюркоязычной литературы из учебных программ (школы с турецким языком обучения были закрыты еще в 1980 году), закрытие последних еще действовавших мечетей, запрет на издание любых тюркоязычных периодических и прочих публикаций. В ходе сопротивления властям мусульманское меньшинство понесло потери только убитыми в почти 100 человек. Еще в мае 1989 года, за полгода до своего падения, Живков попытался решить проблему раз и навсегда: выдал заграничные паспорта и открыл южную границу для всех того желающих турок, чем и успели воспользоваться примерно 300 тысяч болгарских граждан магометанской веры.

29 декабря 1989 года Петар Младенов, который за месяц до того заменил Живкова на партийных и государственных постах, поспешил отменить возмутительный ассимиляционный указ. Но уже через считанные дни после этого дало о себе знать явление, позволяющее говорить о болгарском парадоксе: чем последовательней пытаются власти Болгарии исправить кривды прошлого в отношении турецкого меньшинства, тем упорней сопротивляется этому все более значительная часть болгарской общественности.

Тревоги и претензии болгар в этой связи были высказаны в ходе многократных и многочисленных демонстраций не только в Курджали и Шумене, где турки составляют ошутимое меньшинство, но и в таких городах, как София, Пловдив, Плевен, Руза, Тарговиште, Сливен. Стало ясно, что многие болгары рассматривают турок как пятую колонну Турции, в частности, и исламского мира в целом. Реанимация турецкой культуры и патронимики, – рассуждают они, – поведет неизбежно к созданию турецкой культурной автономии за счет бол-

гарской культуры. В случае каких-либо будущих конфликтов это может иметь следствием вмешательство турецкой армии и "кипризацию" Болгарии, т. е. территориальное размежевание между болгарскими христианами и мусульманами. Других пугает перспектива скорой "исламизации" страны в результате демографического взрыва среди турецкой части населения. Третьи становятся под знамена Комитета защиты национальных интересов по понятным меркантильным соображениям: в свое время они откупили за гроши или просто присвоили имущество покидавших страну мусульманских сограждан и им совсем не хочется возвращать награбленное законным владельцам (особым указом президента Желью Желева все соответствующие договоры по купле-продаже за инкриминируемый период объявлены недействительными, и примерно 100 тысяч турок за последний год вернулись в Болгарию).

В прошлом году казалось, что национальную напряженность удастся снять через Общественный совет граждан, который выработал обоюдоприемлемую формулу сосуществования: с одной стороны, осудил нарушения гражданских прав и свобод мусульманского меньшинства в Болгарии и подтвердил его неотъемлемое право "свободно выбирать имена, практиковать ислам, соблюдать национальные обычаи и пользоваться турецким языком в повседневной жизни", а с другой, закрепил за болгарским языком статус государственного.

Надо сказать, что нынешнее правительство Болгарии немало преуспело в деле реализации рекомендаций Совета. Еще в октябре прошлого года в Софии был открыт Институт Ислама – что-то вроде среднего учебного заведения по изучению мусульманского вероисповедания. Вскоре после этого в Шумене было открыто первое в Болгарии медресе. В феврале этого года в Софии вновь стала выходить тюркоязычная газета. Но процесс этот идет туго. Противники национальной политики правительства организуются, причем не только вокруг экстремистской Болгарской национальной радикальной партии, обвиняющей Желева в предательстве национальных интересов болгар. В ноябре прошлого года в порядке фронды объявило о себе оригинальное государственное образование – Разградская Болгарская Республика с центром в городе Разграде, что на северо-востоке страны. Разград, в свою очередь, входит в Ассоциацию свободных болгарских городов, пытающихся выставить, в пику правительству, "альтернативные идеи по решению национальных проблем". Президент Желью Желев и поддерживающие его интеллектуалы из Союза демократических сил, оппозиционного социалистам, твердо стоят на позициях статьи 45-й болгарской Конституции, гарантирующей туркам весь комплекс их национальных и культурных прав. Но и турецкое меньшинство, надо признать, не облегчает им задачи: с одной стороны, Великий Муфтий болгарских мусульман Недиу Генджиев заверяет, что никто не покушается на территориальную целостность Болгарии, но с другой, председатель Движения за права и свободы, представляющего интересы болгарских мусульман, Ахмет Доган заявляет, что "болгарский путь в Европу может вести только через Босфор и через исламский мир".

Складывается порочный круг: чем последовательней проводится демократизация в национальной сфере, тем глубже автономизируется мусульманское население страны, тем чаще оглядываются его политики в своих действиях на Турцию, тем большее раздражение и тревогу вызывают это у части болгарской общественности. Многих возмущает уже сам факт, что чисто национальное Движение за права и свободы было формально зарегистрировано Верховным Судом страны, хотя Конституция и запрещает функционирование в стране партий и движений по этническому или религиозному принципу. Общее настроение масс отразилось и в решении Союза демократических сил отказаться от коалиции с Движением за права и свободы. В этих условиях любые усилия правительства оказываются проигрышем: что бы ни делалось, туркам этого мало, болгарским националистам — много.

Последняя проба сил разыгрывается в настоящее время в сфере образования. По идее, с середины января этого года в школах Болгарии должно было быть введено изучение турецкого языка. Этого не произошло: во множестве населенных пунктов возмущенные родители организовали пикетирование или даже стихийный захват школ; в районах со смешанным населением болгары парализовали хозяйство стачками. В порядке отступления министр образования Болгарии Матей Матеев обещал ввести преподавание турецкого в качестве факультативного предмета лишь со следующего учебного года. В ответ на это большая часть турецких детей, несмотря на нежный возраст, объявила бойкот школ, требуя теперь уже обязательного преподавания турецкого во всех болгарских учебных заведениях.

Так и идет. Президент Болгарии Желью Желев, которому не позавидуешь, считает, что национальные страсти улягутся, когда основные этнические и религиозные группы страны осознают неизбежность демократического сосуществования в одном государстве.

Чехословакия в поисках нового государственного устройства

Первые месяцы 1991 года в Чехословакии были отмечены не только появлением хозяйственных и социальных проблем, связанных с проведением довольно жесткой экономической реформы, и ростом напряженности в отношениях между федеральными властями и словацким руководством, но и усилившимся нажимом на центр со стороны движения за автономию Моравии и Силезии. Не многие за пределами Чехословакии знают о существовании такого, не говоря уже о его причинах, смысле и перспективах. А между тем, на первых свободных парламентских выборах в июне прошлого года первая партия моравско-силезских автономистов — Движение за самоуправляющуюся демократию-Объединение за Моравию и Силезию — получила свыше 10% всех поданных в Чешской Республике голосов и стала тем самым третьей (после "Гражданского форума" и компартии) политической силой в Чешском национальном совете — республиканском

парламенте. Правда, на осенних выборах в местные органы власти эта партия заметно сместила позиции, в результате чего ее представительство в муниципалитетах ощутимо уменьшилось. Но этот неуспех связан не столько с закатом автономистской идеи, сколько с побочными факторами. Во-первых, председатель партии и его заместитель, Болеслав Барта и Вацлав Томиш, оказались в списке многолетних агентов СТВ, который специальная парламентская комиссия вынуждена была обнародовать в связи с нежеланием разоблаченных деятелей добровольно уйти в отставку; во-вторых, за эти месяцы в регионе развелось множество параллельных, следовательно отнимающих друг у друга голоса, партий и движений: Моравская национальная партия, Моравское единство и прочие – в общей сложности 25 моравских и силезских группировок, объединяющихся в самостоятельный Моравско-Силезский гражданский парламент.

Самые общие причины появления подобных экзотических автономистов понятны: во все переходные исторические периоды неизбежным социально-экономическим трудностям всегда сопутствует расцвет движений с популистскими, симплификаторскими программами, в основе которых лежит стремление найти и назвать виновника всех бед. В данном случае во всем виноват так называемый "праго-центризм" – административная система, якобы перераспределяющая богатства страны в пользу чешской столицы и обделяющая, как бедных родственников, жителей Моравии и Силезии. Отнюдь не все в этом утверждении ложь, но связано это было в первую очередь с унитарным и централизованным характером коммунистического государства, каковым была Чехословакия до поздней осени 1989 года. Посткоммунистическое правительство ЧСФР с самого начала взяло курс на децентрализацию своей административной структуры и немало преуспело в этом направлении. Так, было упразднено типично коммунистическое деление на области, национальные комитеты (аналогия советских обл-, рай- и горсоветов) были заменены традиционными муниципалитетами. И хотя среди автономистов нет единства ни по вопросу о своей национальной принадлежности (одни настаивают на существовании особой моравско-силезской нации, другие говорят о двух самостоятельных народах, моравском и силезском, третьи готовы признать себя племенной разновидностью чешского народа), ни даже по вопросу о будущей столице автономного образования (на эту роль претендует, разумеется, Брно, в связи с чем активисты движения в Остраве, Оломоуце, других городах региона уже заговорили об опасности "брноцентризма"), тем не менее власти Федерации в целом и Чешской Республики, в частности, прекрасно понимают, что без решения вопроса о территориально-административной структуре не может быть и новой конституции. Только делать это теперь приходится под сильным нажимом брненской улицы.

Специальная комиссия, созданная осенью прошлого года при правительстве Чехии, представила недавно проект административного деления республики, выработанный с учетом опыта ряда западных государств, в частности, Австрии, Италии и особенно Германии периода объединения. Проект предусматривает четыре варианта.

По первому, Чешская Республика возвращается к традиционному земскому устройству. Она может подразделяться на две (Чехия и Моравия), три (те же и Силезия) или четыре земли (все названные плюс Прага в качестве самостоятельной территориальной единицы). Управление в таком случае осуществлялось бы на четырех уровнях: республиканском, земельном, окружном и муниципальном, причем за республиканскими государственными институтами были бы оставлены лишь минимальные координационные функции. Этот вариант имеет наибольшие шансы на успех, так как учитывает традиционное деление Чешской Республики на округа, акцентирует самоуправленческие формы, чем удовлетворяет значительную часть моравско-силезских требований, наконец, он может быть реализован исключительно в рамках компетенции чешского правительства и Чешского национального совета. С другой стороны, заниженный статус этих двух высших государственных институтов Чехии сделает их неравными партнерами в отношениях с правительством Словакии и со Словацким национальным советом. Возникшая асимметрия может вызвать дополнительные осложнения в Федерации.

Вторая из предлагаемых моделей носит название "провинциальный вариант" – он предусматривает деление республики на провинции, общим числом от 15 до 30. При этом варианте государственное управление осуществляется на трех уровнях: республиканском, провинциальном и муниципальном. Это наиболее простой и дешевый из всех вариантов переустройства. Его философия убедительна: чем меньше административные единицы, тем меньше и экономические различия между ними. Но такое территориальное устройство наименее традиционно: из всех западных демократий только Франция имеет сравнимую структуру – государственное управление там доводится до уровня департаментов. Но именно французская модель критикуется чаще других за излишнюю централизованность власти, а достоинства ее ставятся под сомнение в самой Франции.

Третий вариант комбинирует элементы первых двух: 15–30 провинций Чешской Республики могут объединяться в Земельные провинциальные союзы, повторяющие очертания традиционных земель. Вариант предусматривает параллельное функционирование государственных и самоуправленческих институтов власти на уровне земель. Это наименее четкая, подверженная изменяющимся интерпретациям модель; трудно предположить, что именно она будет принята.

Наконец, четвертый вариант исходит из трансформации всей Чехословацкой Федерации. Он предусматривает создание новой Моравско-Силезской Республики вдобавок к уже имеющимся Чешской и Словацкой. Каждая республика федерации в таком случае будет иметь собственную конституцию, гражданство, законодательную и судебную власть, собственное правительство. Количество федеральных министерств сводится при этом к минимуму. У проекта есть свои очевидные преимущества: он устраняет коренную дефектность двучленной федерации, где несогласие одной из сторон заводит в тупик любое начинание; тройственная федерация оказывается на редкость паритетной: в каждой республике примерно по 5 млн. жителей; снимается

проблема дисбаланса между экономическим потенциалом Чехии и Словакии; федеральные органы обретают дееспособность. Проект учитывает исторические реалии и идет навстречу пожеланиям новых политических сил моравско-силезского региона.

Но хотя четвертый вариант и пользуется немалой популярностью в Чехии, он фактически сейчас оказался вне обсуждения, так как был встречен в штыки всеми без исключения политическими силами Словакии. По общему мнению словацких политиков, четвертый вариант подрывает национально-этнический принцип, на котором до сих пор зиждется две республики федерации. Это, конечно, не более, чем квазиправовое прикрытие гораздо более существенных, глубинных резонансов: словацкие политики опасаются утраты одной немаловажной привилегии, гарантированной нынешним устройством федерации – равным представительством во всех федеральных органах власти (по формуле 1:1) и аналогичной долей в федеральном бюджете. Они опасаются того, что при потенциальном голосовании по жизненно важным вопросам они могут оказаться в меньшинстве. Эти опасения, может быть, и безосновательны (чехи считают, что по конкретным вопросам моравско-силезские интересы могут достаточно часто совпадать со словацкими), но они существуют.

Принятие тройственного устройства федерации, по общему мнению, вызвало бы немедленный уход Словакии из общего государства. Вот почему президент ЧСФР Вацлав Гавел, который в начале февраля этого года выразил осторожную поддержку идее создания Моравско-Силезской Республики в составе федерации, уже вскоре вернулся к первоначальной концепции земского переустройства одной только Чешской Республики.

Последние опросы общественного мнения в Словакии показывают, что подавляющее большинство населения этой республики не разделяет сепаратистского энтузиазма своих политических представителей: 46% словаков предпочитают федерацию с Чехией всем другим формам государственно-политического устройства страны; 15% считают, что ЧСФР должна стать конфедерацией, отделение Словакии поддерживают 16% опрошенных. Таким образом, распад чехословацкого государства временно откладывается – а там, глядишь, завязавшиеся частнопредпринимательские связи создадут новую основу для совместного государственного строительства ЧСФР.

Югославия: дуновение реалполитического ветра

Если Балканы в начале нашего века называли "пороховым погребом Европы", то Югославия в этом погребе, несомненно, самая взрывоопасная пороховая бочка. До самого последнего времени ситуация в этом союзном государстве была такова, что, продолжая метафору, приходилось признавать: бикфордов шнур к ней уже подожден.

Только на первый взгляд в Югославии противостоят друг другу два идеологических лагеря: словенско-хорватский демократический и сербско-черногорский посткоммунистический. Такой принцип деле-

ния сегодня уже не способен обмануть никого. На деле имеет место конфликт этносов, каждый из которых избрал на данном этапе мировоззренческое и политическое выражение, соответствующее его цивилизационному уровню.

Сербия, у которой под руками распадается государство, где она как-никак играла роль центрального, чтобы не сказать доминирующего элемента (сербов в стране 9 миллионов против 4 с лишним миллионов хорватов, остальных по убывающей и того меньше), – Сербия только что испытала приступ сильнейшего национального иступления. В республике правит все та же коммунистическая партия, переименовавшая себя в социалистическую – но на том перемены и закончились. Стоящий во главе этой партии сильный человек Сербии – Слободан Милошевич – вышел победителем из январских многопартийных выборов. В республике зарегистрировано два десятка политических партий, в том числе и общедемократической ориентации, но по части национальных страстей они не могут предложить белградской улице больше того, что ей предлагает Милошевич. Жертвами ура-патриотического угара стали и средства массовой информации Сербии, утратившие способность замечать противоречие в том, что на одной полосе газеты можно прочитать мелодраматические описания страданий сербов в Хорватии, а на соседней – сообщения об арестах албанских парламентариев в Косово, когда те посмели объявить свою автономную область седьмой республикой Югославии.

Югославия вступила в ту фазу социального бытия, когда предельно обострены национальные чувства всех населяющих ее народов, и все они готовы оспаривать чье-либо право на положение гегемона. В предчувствии большой конфронтации Сербия избрала тактику укрепления собственных тылов: еще в сентябре прошлого года она приняла новую конституцию, лишившую не только Косово, но и Воеводину статуса автономной области и превратившую их в простые территориальные единицы без особых национальных прав. Населяющие Воеводину венгры тогда же, на первом конгрессе Демократического землячества венгров Воеводины, выразили протест против новой конституции и подчеркнули свою готовность бороться за восстановление прав. Назревающий новый конфликт опасен тем, что способен втянуть в поле своего притяжения соседнюю Венгрию, чье правительство весьма чувствительно к судьбам зарубежных соплеменников. Чреват международными осложнениями и конфликт вокруг исламского движения за культурно-политическую автономию в районе Санджак, в Южной Сербии. А ведь есть еще движение за культурную автономию Истрии, как и движение за культурную автономию хорватов Воеводины, как и движение за политическую автономию района Которского залива в Черногории, как и движение за самоопределение албанцев, проживающих в Восточной Македонии...

Все это – малые конфликты, и мы упоминаем о них лишь потому, что их обычно заслоняют конфликты несравненно большей масштабности. Но югославские конфликты имеют ту особенность, что при всей остроте ничем не разрешаются, исчерпывают себя в изнурительном и бесплодном накале. Два фактора мешают этой вечной драме получить

кровавую развязку: зависимость от соседней Европы и отсутствие убедительного переноса одной из враждующих сторон. Европейское соседство при этом оказывает сдерживающее влияние не только на Белград, удерживая его от безрассудных действий, но и на его основных протагонистов — Загреб и Любляну, заставляя их воздерживаться от "больших скачков" на пути к обретению собственной государственности.

На последней, люксембургской, встрече глав государств и правительств Европейского Сообщества по югославскому вопросу было принято особое заявление: Югославия только в том случае может рассчитывать на статус ассоциированного члена ЕС, если ей удастся сохранить свое единство и территориальную целостность — не прибегая при этом к насилию. Такая позиция, далекая от морального абсолюта, срезает, тем не менее, острые углы югославских конфликтов. Сербские генералы так и не решились на военный переворот, а союзное руководство — на введение военного положения.

Ни один из пунктов январского сербо-хорватского соглашения так и не был выполнен: ополчение хорватского МВД так и не разоружилось, министр обороны Хорватии Мартин Шпегель не был предан суду по обвинению в заговоре против Народной Армии, как того хотели сербские генералы. Суд, правда, состоялся, но заочный, и проводить его пришлось вне территории Хорватии. С другой стороны, и хорватской милиции не удалось разоружить сербов Книна...

Сложившуюся к апрелю ситуацию можно охарактеризовать как глубочайший политический ступор. Президиум СФРЮ заседал в это время еженедельно, но без видимых результатов. Наконец, президенты шести республик Югославской Федерации порешили переложить на плечи населения страны бремя, которое им самим оказалось не под силу: решение вопроса о будущем государственном устройстве Югославии. Вариантов, из которых предстоит сделать выбор, всего два: федерация или конфедерация. Или, иначе выражено: союзное государство или союз государств. Условия проведения референдума, который состоится в отдельных республиках в конце мая этого года, пока не ясны. Зато вполне ясно, что кардинальных проблем страны он не решит, лишь окончательно разведет по обе стороны фронта югославское население. Дело в том, что результаты референдума можно предсказать с высокой степенью вероятности, даже не имея опыта ворожбы: в Сербии и Черногории значительное большинство непременно выскажется за сохранение федерации, в Хорватии с убедительным перевесом победят сторонники конфедерации с облегченными связями между входящими в нее государствами. В Словении избиратели вообще не будут призваны к урнам, так как еще 23 декабря прошлого года думераздиравшее большинство из них проголосовало за государственную независимость и полный суверенитет этой республики. Исход референдума в Боснии и Герцеговине, а равно и в Македонии можно для верности считать открытым, хотя в настоящий момент, как считается, там перевешивают конфедератские настроения. Но чем бы ни кончилось дело в этих республиках, ничему не дано задержать приближения неотвратимой черты: не позднее, чем в

июле текущего года, на территории нынешнего государства южных славян образуются параллельно функционирующие государственные формации – одна федеративного, другая конфедеративного типа. Вопрос, который на этом фоне еще волнует республиканских деятелей Югославии и к которому фактически можно свести их закулисную активность, – это вопрос об умозрительных линиях раздела, иначе говоря, вопрос о будущих границах сопредельных формаций.

В понятном стремлении улучшить свои исходные позиции сербское руководство, в душевном единении с оппозицией, до самого последнего времени поощряло сепаратистскую активность сербского меньшинства в республиках, стремящихся к суверенитету. Чувствуя рядом локоть Белграда, сербское население Хорватии, сконцентрированное в районе города Книн, что в Далматинском погорье, уже провозгласило себя автономным образованием ("Краиной", что в переводе означает "Пограничье"), управляемым собственным парламентом ("Сабором") и добивающимся воссоединения с Сербией. В самые последние дни о своем присоединении к "Краине" с целью позднейшего включения в Сербию объявили шесть преимущественно сербских поселений на территории Боснии. Подозрительно зашевелились совсем уже островками разбросанные сербские общины в хорватской местности, именуемой Славонией, и даже в национально однородной Словении.

Но в те же самые дни проявилась и быстро окрепла в югославской внутренней политике тенденция к компромиссу. Уже какое-то время по стране ходят слухи о том, что в ходе внешне безуспешных консультаций между президентами Сербии и Хорватии Милошевичем и Туджманом было достигнуто некое тайное соглашение, учитывающее жизненные интересы обеих сторон. Эти слухи были официально опровергнуты, но подтверждены делами. Неожиданно для всех Белград пытается сейчас загнать в бутылку им же выпущенного джинна сербского национализма в Хорватии и Боснии: декларация "Краины" о воссоединении с Сербией была без милости отвергнута сербской Скупщиной, аналогичные фантазии боснийских сербов даже осуждены. Со своей стороны, Франьо Туджман, хорватский президент, до сих пор неподкупный адвокат автономных устремлений албанцев Косово, в порядке взаимности заявил недавно, что добиться своих этнических прав косовские албанцы могут "только в рамках Республики Сербия".

Судя по всему, Сербия, заинтересованная в сохранении своей минимальной целостности, вошла в сговор с Хорватией, как несколько раньше сделала это в отношениях со Словенией, которая оговорила себе право на "собственный путь" в обмен на невмешательство в сербско-хорватский конфликт. В данном случае термин "сговор" – всего лишь отрицательный эвфемизм для позитивного факта реальной политики, которой заметно не хватало на Балканах. Захотят ли косовские албанцы и хорватские сербы принять правила реалполитической игры, гарантирующей им верный проигрыш, – это другой вопрос. И от ответа на него в большей степени, чем от исхода референдума, зависит, примет ли распад Югославии мирный или насильственный оборот.

Николай Бухарин - человек и легенда

Д. ШТУРМАН

Причисляя Бухарина, как и Пятакова, к "самым выдающимся силам (из самых молодых сил)", Ленин в "Письме к съезду" (XII-му, 1923 г.) характеризовал его так:

"Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)" (ПСС, т. 45, с. 345).

Эта характеристика неоднократно срабатывала в пользу оппонентов Бухарина: не вполне марксист, не понимает вполне диалектики. Их не смущала при этом странность ленинского определения **"ценнейший и крупнейший теоретик партии"** – **"не вполне марксист"**. Что же тогда все прочие? Фраза в скобках поражает своей синтаксической рассогласованностью: *"...он никогда не учился... диалектики..."* (ибо Ленин, конечно, имеет в виду не общее образование Бухарина, окончившего гимназию и недоучившегося в университете, а его недостаточное знакомство с **"диалектикой"**).

Итак, **"ценнейший и крупнейший теоретик партии"** – и не вполне марксист, и не диалектик. Тогда – кто же он? В чем он силен и чем он ценен?

Насилие в качестве главного инструмента социальных преобразований молодой Бухарин принимал безоговорочно – в этом смысле он вполне марксист.

"С более широкой точки зрения, то есть с точки зрения большего по своей исторической величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи" (И. И. Бухарин. Экономика переходного периода. М., 1920).

В. Солоухин в статье **"После двадцать восьмого..."** ("Посев" № 2, 1991, с. 91) перечисляет, какие слои общества Бухарин считал основными объектами революционного насилия. Добавим к этому еще и следующие глубокомысленные рассуждения Николая Ивановича:

"Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя... техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.). ...правильная политика (выделено Бухариным) по отношению к ним... предполагает в конечном счете санкцию концен-

трированного насилия" ("Экономика переходного периода" Хейтмен*, стр. 114-115).

"Принуждение, однако не ограничивается рамками господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период - в других формах - переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс... Само собою разумеется, что этот элемент принуждения, которое здесь есть самопринуждение рабочего класса, возрастает от его кристаллизованного центра в сторону гораздо более расплывчатой и аморфной периферии" (выделено Д. Ш. Там же, стр. 115-117).

Как западные, так и внутренние советские социалисты и просоциалисты с претензией на "человеческое лицо" очень любят в качестве главной альтернативы сталинизму выдвигать развитие ленинизма Бухариным и его лидерство, к несчастью, несбывшееся. По их представлению, Бухарин - один из немногих истинных интеллигентов партии, эрудит, энциклопедист, до педантичности честный мыслитель, добрый, милый, обаятельный человек. Сверх всех этих редких достоинств Бухарин обладал в их глазах еще и жизнеспособной демократической моделью социализма. Г-н С. Хейтмен сообщает, к примеру, своим читателям, что, "поглощая литературу на нескольких языках", Бухарин "с компетентностью профессора-эксперта обсуждал весь спектр идеологической мысли XX века". Для начала приведем несколько образцов этой профессорской эрудиции:

"...духу настоящей общественной науки прямо претит бесполое повторение "вечных истин", прогоркая жвачка, достойная ученых коров либерализма" ("Теория диктатуры пролетариата", 1919. Хейтмен, с. 58).

"...точно так же оценивали положение вещей и теоретики международной социал-демократической гнили. Эта падаля тоже ухватилась за возможность констатировать пресловутый крах!" ("О ликвидации наших идей", 1924. Хейтмен, с. 177).

"В стальных осколках, в ядовитых газах, во вшах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться "благородная" культура капитализма, которая пожрет самое себя! ...Наша наука перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; ...на первый план рабочий класс и его партия поставили массу; не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения, ...не отдельные бриллиантовые ручейки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства. ...Мы... буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками... Мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит "собачий вальс" перед героическими симфониями Бетховена" ("Ленинизм и проблемы культурной революции", 1928. Хейтмен, с. 359-375).

Итак, осужден, осужден и даже приговорен "весь спектр идеологической мысли XX века": либералы, социал-демократы, просто уче-

* Все ссылки на тексты работ Н. И. Бухарина - см. *Путь к социализму в России. Избранные произведения Н. И. Бухарина. Редакция и вступительная статья С. Хейтмена, профессора истории в университете штата Колорадо. Нью-Йорк, "Омикрон букс", 1967. В дальнейшем краткое обозначение "Хейтмен". По этой же книге - ссылки на С. Хейтмена.*

ные, западноевропейские и русские, вся " благородная культура капитализма"...

Нам возражат, что это всего лишь отрывки, представленные вне контекста. А какой контекст может оправдать такие суждения?

В цивилизованном мире бытует определение: "политика есть искусство возможного". Пятаков охарактеризовал большевизм как "идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым", претворения, в основном, насильственного.

Чем же были мировоззрение и программа действий Бухарина: "искусством возможного" или одной из попыток большевистского "претворения в жизнь того, что считается невозможным"?

Для теоретизирования, как необходимое (хотя и недостаточное) его условие, нужна честность мысли. Приведу один небольшой пример, характеризующий Бухарина-теоретика. Вопрос поставлен немало-важный:

"Чем же определяются особенности нового государственного типа"? Речь идет о государстве диктатуры пролетариата. Бухарин так отвечает на свой вопрос:

"Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была бы диктатурой кучки; во-вторых, всякая прежняя государственная власть ставила своей целью сохранение и упрочение процессов эксплуатации. Наоборот, совершенно ясно, что большинство не может жить за счет кучки и пролетариат не может эксплуатировать буржуазию" ("Теория диктатуры пролетариата". Хейтман, с. 71).

Но ведь Бухарин з н а е т, что пролетариат не является большинством ни всего населения страны, ни даже его работающей или трудоспособной части! В статье "Новый курс экономической политики" (1921) он дает цифру в 15 миллионов рабочих, что составляет 10% российского населения! В 1922 году на XI съезде РКП(б) в нескольких выступлениях повторяется цифра - 2-3% рабочих от всего населения.

Достаточно вынуть из основания бухаринской "теории диктатуры пролетариата" кирпич мнимого пролетарского большинства - и вся его аргументация законности и благодати этой диктатуры повисает в воздухе или оборачивается собственной противоположностью.

В широко известной в свое время полемике между Бухариным и акад. И. П. Павловым (журнал "Красная новь", книги 1 и 2, 1924 г.) очень наглядно проявились различия между способами мышления ученого и партийного идеолога. О гегемоне, о классе-спасителе и преобразователе человечества идеолог диктатуры пролетариата говорит буквально следующее:

"Рабочий класс постоянно воспроизводится как культурно низшее, хотя и самое большое, общественное зерно.

Так обстоит дело в процессе материального производства. Еще меньшую долю квалификации имеет пролетариат в процессе товарного обращения (взять хотя бы банки) и в идеологических отраслях труда.

...Мы видим элементарнейшую "необученность" широчайших масс пролетариата: техническую, образовательную, политическую и т. д." ("Буржуазная революция и революция пролетарская". Хейтман, с. 166-168).

В ответ Павлов недоумевает:

*"...мне совершенно непонятно: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это **безвыходное противоречие**. Эту анархию можно устранить **только тому, кто что-нибудь понимает** в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять?" ("О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем". Хейтман, с. 206).*

Бухарин, однако, обнаружением этого вопиющего противоречия отнюдь не смущен. Он берется разъяснить отсталому старикану, в чем тот ошибается. Разъясняет энергично и длинно, сэконоим читателю это сверхдлительное чтение. Тем более, что мысли там в обратной пропорции к количеству слов: не знает – узнает, не умеет – научится, не управлял – станет управлять, и т. д.

Весь этот залихватский, демагогический монолог Бухарина адресован научной элите, осмеливающейся (по сей день) утверждать, будто нелепо главенство знающих меньше над знающими больше (мысль не новая, но от того не менее здравая). Элиту следовало ошеломить видением всемогущества рабочего класса. Но ведь и "гегемона" необходимо поставить на место, ибо слишком уж доверчиво и угрожающе он опьянен революционным разинско-пугачевским "Все дозволено!", имевшим хождение в гражданской войне. А на дворе – НЭП. И "гегемона" следует несколько "окоротить" в связи с НЭПом.

И уверенные периоды, адресованные захмелевшему "гегемону", **начисто подчеркивают утопию рабочевластиа**, от демагогических словесных штампов которой Бухарин не отказался до конца своих дней.

*"Буржуазный государственный аппарат, школа, наука, искусство и проч. имеют в капиталистическом обществе своих **"спецов"**, удельный трудовой вес которых в этих областях совершенно исключителен.*

Следовательно, рабочий класс не может не быть классом, культурно глубоко придавленным всей механикой капиталистического режима, явление, которого не было по отношению к буржуазии до захвата ею государственной власти.

Тем не менее, благодаря, главным образом, двум обстоятельствам – росту рабочих организаций и интеллигентским перебежчикам (об этом речь будет подробно идти ниже) рабочему классу удастся создать ростки своей идеологии, а следовательно, и своей, пролетарской, культуры" ("Буржуазная революция и революция пролетарская". Хейтмен, с. 166).

Что же означают на деле слова Бухарина об "интеллигентских перебежчиках", о "кристаллизованном центре" и "аморфной периферии" "рабочего класса"? Я уж не останавливаясь на циническом "самопринуждении" (посредством ЧК). Только одно: применить "концентрированное насилие" необходимо ко всяким там Павловым и К°, но не к Бухарину, ибо он и есть тот перебежчик, который творит из недоразвитого пролетариата "сознательную" социальную силу! Переносить "пролетарское принуждение...", начиная с расстрела"... нужно "и на самих трудящихся, и на сам правящий класс", но не на Бухарина, ибо он и есть "кристаллизованный центр", а не "распыленная и аморфная периферия", он – часть мозга, без которого "гегемон" – ни-

что! И немаловажная часть! Он и на послеоктябрьских партийных съездах говорил о том же вполне однозначно, например, на XI-м (1922).

Зато беззастенчиво и самодовольно подчеркнута мысль, которая для Бухарина есть единственное живое зерно всей его теориевидной схоластики:

"...Советская Россия имеет лучших в мире вождей. Но в общем и целом, пролетариат отстаёт колоссально" ("Буржуазная революция и революция пролетарская". Там же, с. 167).

Могущество "гегемона" в его вождях, а не в нем самом.

Называться марксистом и при этом откровенно отбрасывать идею диктатуры пролетариата было в начале 20-х годов нашего века еще невозможно. Бухарин выходит из тупика посредством именно той большевистской эквилибристики, которую Ленин и называл "диалектикой". Он говорит:

*"Так как политическая борьба - в конечном счете борьба за власть - есть "высшая", наиболее принципиальная форма борьбы, то совершенно естественно, что политическая партия данного класса является объединением наиболее зрелых элементов класса, **через которые** класс может наиболее правильно выражать свои интересы. **Противопоставление** партии классу нелепо поэтому в высочайшей степени.*

*Из неоднородности членов организаций (и **партии** в том числе) вытекает объективная необходимость в группировках руководителей (вождей), **через которых** партия (или данная организация вообще) выражает свою волю" ("Буржуазная революция и революция пролетарская". Хейтмен, с. 169).*

Вот и произошла главная операция: диктатура **класса** подменена диктатурой **партии**, а диктатура **партии** сведена к диктатуре **вождей**.

Ленин тоже многократно проделывал сходные манипуляции. Есть у Николая Ивановича обмолочки и о том, что "при известных условиях" диктатура вождей может реализоваться и как "личный режим" (так дословно и сказано), то есть как единоличная диктатура...

Это умение вывернуться из любого противоречия с помощью беззастенчивой игры словесными фикциями, общее для Ленина и Бухарина, так и осталось неизменным родовым признаком большевизма. Но что прикажете делать, если в исходной доктрине, единственно легитимизирующей партократию, всё истолковано и предсказано "с точностью до наоборот", а власть отдавать не хочется? Приходится реабилитировать доктрину посредством лексических манипуляций, и зря Ленин отказывает Бухарину в этом искусстве.

Люди, однако, меняются - иногда, с годами, и не узнаваемо.

Что же Бухарин? Действительно ли зрелые его убеждения и поступки радикально отличаются от начальных и позволяют увидеть в нем одну из загубленных надежд России?

Многие свидетельства о нем и его поступках позволяют думать, что все эти его, сравнительно ранние, эскапады по поводу "концентрированного насилия", "принуждения вплоть до расстрела" и т. п. были для Бухарина скорее данью привычной первобольшевистской риторике, чем проявлением личного отношения к людям и к жизни. Все-

таки он не захотел – не смог – курировать ЧК по поручению Политбюро: нервы не выдержали. И чем становился старше, тем большему числу людей – при возможности – помогал (если это не сулило ему больших неприятностей). Все-таки, находясь в 1936 году в Париже, Бухарин рассказывал Борису Николаевскому о коллективизации и голоде 1930-х годов с неподдельным ужасом. Все-таки он пытался в 1927–1930 гг. сатанинскую сталинскую акцию раскрестьянивания пусть половинчато, но приостановить. Во времена Брестского мира сознание Бухарина еще пьянили головокружительные миражи завершенней революционной войны в Европе. Он даже готов был к аресту оппортуниста Ленина – на несколько дней, пока начнется поход. Он еще помнил: по Марксу, коммунистическая (“пролетарская”) революция должна быть мировой, и в этом смысле был более марксистом, чем Ленин. Последний сумел, однако, убедить своих “левых”, что сейчас главное – выжить, пусть даже на малом пятачке-трамплине, а там... Но ведь с Лениным изначально и оставались, и примыкали к нему позднее лишь те, кто разделял его центральную мысль, что главное – политически выжить, то есть остаться у власти: остальное – приложится. Есть основания предполагать, что во второй половине 1920-х гг. Бухарина уже отталкивали от себя повороты политики, должествующие возродить в стране свирепость военного коммунизма. Но чего же хотел он сам? Какова была цель, представлявшаяся ему желательной? Какими средствами полагал он возможным достичь этой цели?

Кем же он был в последнем и главном счете – человек, которого один из его убийц, суперпалач Вышинский (тоже – “интеллигентский перебежчик”, двойной перебежчик: еще и от меньшевиков к большевикам, потому особо выслуживался), назвал на спектакле последнего “большого процесса” “болтливым господинчиком”? Это определение ядовито; от него за версту разит злорадным личным стремлением как можно большей уязвить обреченного, притом своего поля ягоду, человека, еще недавно взнесенного недосыгаемо для Вышинского высоко. Но кличка эта потому и могла быть для сломленного Бухарина особенно оскорбительной, что в ней содержался, кроме низменной мстительности, некий момент истины. Да, болтливый, писавший и говоривший много, витиевато и безответственно, нередко – с нескрываемым самолюбованием. Да, несомненно всегда причислявший себя к элите, и не только партийной, но склонный высокомерно поучать и воспиты-вать и цекистов, не говоря уже о голодных сельских учителях на их съезде 1925 года, о несознательных ретроградах-ученых и о разных прочих не вполне перебежавших интеллигентах. Потому и выбрано это уязвляющее “господинчик”. Сталин тоже, помимо всего прочего, еще и мстил повергаемым в небытие партийным “аристократам” за всегда чудившееся ему в них высокомерие, сознание превосходства над ним – в манерах, в красноречии, в опыте светской жизни. Вышинский, напротив, полагая себя выше других (он и был в уцелевшем после “большого террора” окружении Сталина образованней всех), в 1938 году вполне мог считать, что ему недодано.

Пожалуй, тенденция к превращению Николая Бухарина из "левого коммуниста" 1918-1920 гг. в "правого уклониста" 1928-1938 гг. отчасти проступает уже в сравнительно ранней его работе "О ликвидаторстве наших идей" (1924 г.). Статья эта начинается так:

"Маркс писал, что пролетарские революции постоянно критикуют самих себя. Это понятно. Ибо ни одна буржуазная революция не имеет перед собою таких оригинальных проблем, ни одна из них не поставлена пред таким принципиально новыми задачами, перед которыми неизбежно становится всякая пролетарская революция и в ее первоначальной фазе, когда пролетариат борется за власть, и на дальнейших этапах ее развития, когда пролетариат побеждает, укрепляет свою диктатуру и борется за изменение способа производства, являясь уже фактически, - хотя и не хотят того отдельные группы, слои, прослойки и даже некоторые классы, - руководителем всего общественного целого" (Хейтмен, с. 177).

Очень хотелось бы знать, где наблюдал Маркс "пролетарские революции"? Если не считать пролетарской революцией восстание горожан Парижа весной 1871 года, которое Марксу из Лондона виделось совершенно иначе, чем вполне достойным доверия современникам-парижанам. Других пролетарских революций предсказанного им типа он не наблюдал. И Энгельс - тоже, хотя и прожил несколько дольше. Где видел "пролетарские революции" Николай Иванович - в столь длительном развитии и в таком количестве, чтобы можно было построить на их опыте надежную социально-экономическую теорию? Может ли честный историк, экономист, социолог, стоящий в эпицентре событий в СССР 1924 года, искренне утверждать, что в этой стране

"пролетариат побеждает, укрепляет свою диктатуру и борется за изменение способа производства, являясь уже фактически, - хотя и не хотят того отдельные группы, слои, прослойки и даже некоторые классы, - руководителем всего общественного целого" (там же).

Неужели одному из наиболее ловких обоснователей и развивателей марксистского мифа "диктатуры пролетариата" может быть в 1924 году хоть в малейшей мере присуща иллюзия, что пролетариат в СССР является "руководителем всего общественного целого"? Это не иллюзия, - это ложь, сознательная и беззастенчивая, с настоящим теоретизированием не совместимая. Такая же откровенная ложь, как нынешние (март 1991 года) заявления Горбачева в беседах с иностранными визитерами, что "некоторые административные меры" необходимы ему "для успешного проведения глубоко демократических реформ". Все-таки оба любимца либерального Запада (Бухарин и Горбачев) обучились ленинской "диалектике". Одного она привела в лубянский подвал. Куда заведет второго - увидим.

(Окончание статьи в следующем номере.)

"Я", "мы", солидарность и солидаризм

Анджей ЛАЗАРИ

"Мы идем - одномиллионное тело, и в каждом из нас - та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире - это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение - добродетель, а гордыня - порок, и что "МЫ" - от Бога, а "Я" - от дьявола."

Е. Замятин, "Мы"

В своей знаменитой книге "Этика солидарности" (Etyka solidarnosci, Krakow, 1981) польский ученый, ксендз Юзеф Тишнер говорит о **Солидарности** как об этическом движении. Солидарность не является для него ни понятием, ни готовой этической теорией. Это и д е я, и как таковая однозначного определения она никогда не получает.

Этика солидарности, - говорит Тишнер, - хочет быть этикой совести. Она предполагает, что человек обладает совестью как прирожденным "этическим чувством", во многом не зависимым от разных этических систем. Совесть в человеке - самостоятельная реальность, наподобие разума и воли. Человек может упражнять волю и разум, но может и забросить упражнения, может слушать свою совесть, но может и отречься от нее. Совесть - это голос, зовущий в человеке. К чему призывает он сегодня? Прежде всего к тому, чтобы человек х о т е л иметь совесть.

Не всякое "мы" является солидарностью. **Подлинная солидарность - это солидарность совестей.** С человеком без совести можно ехать в том же вагоне поезда, сидеть за одним столом, читать те же книги, но это еще не солидарность. **Суть солидарности в пробуждении чувства сострадания, братства со страдающим человеком.**

Итак, для Тишнера основой солидарности является совесть, возбуждаемая криком о помощи человеку. Солидарность - особая межчеловеческая связь: люди связываются друг с другом, чтобы опекать того, кто в опеке нуждается. **Я с тобой, ты со мной, мы вместе для него.**

★

Казалось бы, что русская традиция противопоставлять "западному" "Я" русское (или "славянское") "Мы" очень близка идее солидарности. А если еще вспомнить об идее сострадания, выраженной с такой силой, например, в творчестве Достоевского...

К сожалению, ни так называемое "русское", ни тем более советское "мы" с идеей солидарности (как ее видит Тишнер) имеет мало общего.

Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское **"мы"** еще не образовалось, но в умах многих русских успешно уже прижилось **"Мы"** русское. Горький в "Исповеди" (1908) говорит:

"Все несчастья начались от того, что первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа... и сжалась от страха, перед одиночеством и бессилием своим... Я - злейший враг человека".

И год спустя, в статье "Разрушение личности", Горький создаст своего рода эпиграф к замятинскому **"Мы"**:

"Коллектив не ищет бессмертия. Он его имеет. Личность же, утверждая свою позицию владыки людей, необходимо должна воспитать в себе жажду вечного бытия".

Раньше, как подметила Ханна Арендт в своей работе о тоталитаризме, Бакунин сознавался в том, что не хочет быть **"Я"**, а хочет быть **"Мы"**. Нечаев же в "Катехизисе революционера" провозглашал идеал обреченного человека, у которого

"нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени".

В русской истории "мы" традиционно противопоставлялось не только "я", но и "им" ("чужим", "не нашим"). В России "мы" это: "Мы - Третий Рим", "Мы - православие", "Мы - коллектив-община", "Мы - государство", "Мы - народ (нация)". Славянофилы считали, что христианство зовет к отречению от своей личности и безусловному подчинению ее общине. Хомяков, противопоставляя русский идеал западному мышлению, писал:

"В Европе... нравы - плод жизни, убившей всю старину с ее обычаями, - не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола" ("О сельской общине". Ответное письмо А. И. Кошелеву, 1849).

Вся борьба за так называемую "народность", начатая в русской мысли в эпоху романтизма, ведет от идеи народа-индивидуума в человеческой культуре к идее избранного народа-коллектива. Даже такие защитники прав человека, как Белинский ("Идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо его задача - возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства, и сам Спаситель сходил на землю и страдал на кресте за личного человека"; письмо В. П. Боткину, 1840), говорят о миссии русского народа.

Интересны в этом отношении рассуждения современного литературного критика и дostoевсковеда Юрия Селезнева. В книге, озаглавленной "Мысль чувствующая и живая" (Москва, 1982), он старается доказать, что русская литература XIX века создала "новый тип сознания", отличающий ее от всей европейской традиции. Для Селезнева "русский Ренессанс" начинается в XIX веке, и его основой является **народность как тип русского самосознания**, исполняющая роль не менее важную, чем гуманизм в западном Ренессансе. Советский критик по-своему продолжает славянофильскую и почвенническую традицию, противопоставляя западному индивидуализму русский кол-

лективизм. Начало этого самосознания "народа-коллектива" отмечает он даже в литературе древнерусской, ставя, таким образом, на голову все результаты науки о народе-нации как философско-общественной категории. Век XIX является для него победой **народности как типа русского самосознания, над буржуазным эгоцентрическим гуманизмом, победой гоголевской России-тройки над буржуазным сознанием Наполеона-Чичикова.**

В советской идеологии "мы" до сих пор также противопоставлялось не только "я", но и "им" ("не нашим") и выступало как: "Мы – класс", "Мы – коллектив", "Мы – народ-государство". Противопоставление "мы" – "они" должно всегда приводить к нетолерантности, и нечего удивляться, что даже слово "толерантность" исчезло из советских "Словарей русского языка".

В 1934 году XVII Съезд ВКП(б) решил, что борьба классов в советском государстве окончена. В сталинской конституции 1936 года место **Мы-пролетариат** (ведущего класса) занял бесклассовый **Мы-советский народ**. В политической и общественной жизни вместо "классового врага" появился "враг народа", а в эстетике место категории классовости все чаще начала занимать категория **народности**.

Не случайно проблема **народности** с новой силой появилась в то же время в идеологии фашистской Германии (völkisch) и в сталинской России. Тоталитаризм нуждался в "Мы", в монолитной массе, без какой-либо дифференциации. После войны западная эстетика оторвалась от этой полностью скомпрометированной категории, или воспринимает ее лишь как один из мало существенных элементов искусства – чаще всего как простонародность, фольклорность. Советская же официальная мысль все старается беречь **народность** как "альфу и омегу эстетики нашего времени".

К сожалению, в этой статье нет возможности рассмотреть историю понимания **народа и народности** в советском обществоведении. Стоит, однако, отметить, что начатый в 1930-е годы пересмотр отношений к этим категориям привел в 1980-е годы к созданию сочетания, непременного ни на один другой язык – **"многонациональное общенародное государство советского народа"** ("Коммунизм и нации", М., 1985).

*

Солидарное "Мы" – это "я" и "ты" в диалоге. Добросовестный диалог, – говорит Тишнер, – имеет своим источником предпосылку, что ни я, ни ты не в состоянии узнать правду друг о друге, если мы далеко друг от друга, если каждый из нас спрятан в подполье своего страха. Чтобы получился добросовестный диалог, "мы" ("я" и "ты") должны начать с признаний: *...наверно, ты в какой-то степени прав и ...наверно, я не во всем прав.* Таким образом мы приближаемся друг к другу, так как каждый из нас готов личную правду другого сделать частью своей правды. Диалог – это создание взаимности и основное средство достижения общественной правды.

Диалог, – говорит Тишнер, – означает, что люди вышли из подполья, приблизились друг к другу, начали обмен мнениями. Начало диалога – выход из подполья. Надо переступить порог, вытянуть руку, найти общее место для разговора. Это место не будет уже укрытием, в котором человек остается один со своим страхом, а будет местом встречи, началом какой-нибудь общины, дома.

Казалось бы, что здесь нового? Не о том ли говорил еще Достоевский? Ведь община – это основа "русского" мировоззрения? Однако отличие здесь очень существенное, и если бы мы хотели найти в русской мысли мировоззрение, заключающее в себе солидарный диалог, нам пришлось бы сослаться на мыслителей, защищающих свободное "Я", как это делали Герцен, Замятин или Юрий Домбровский, так как солидарное "Мы", в отличие от "русской" (и советской) общины, не поглощает свободного, пусть даже гордого "Я". Ведь "Я" – это "хранитель древностей" (совести, чести, гордости и проч.), без которых нет культуры и такого существенного элемента культуры, выработанного тысячелетиями, каким является право. И без "Я" нет диалога. Если нет "Я" – нет и "Ты". Остается лишь тоталитарное "Мы", которое в диалоге не нуждается; остаются исследователи, для которых все, о чем мы говорим, – "факультет ненужных вещей".

★

Среди русских мыслителей были, однако, и те, кто в какой-то степени предвосхитил суждения Тишнера о солидарности. Это – духовные отцы существующего с 1930 года в эмиграции Народно-Трудового Союза российских солидаристов: Семен Франк, Сергей Левицкий, Сергей и Евгений Трубецкие, Иван Ильин.

Как пишет Роман Редлих в своей книге "Солидарность и свобода" (Frankfurt a. M., 1984), в 1925 году, когда никаких российских солидаристов еще и в помине не было, изгнанный из России профессор философии Семен Франк выступил в Праге с анализом взаимоотношений понятий "я" и "мы". Этот анализ находим также в его работе "Духовные основы общества", вышедшей в 1930 году в Париже. В этом же году возник и русский солидаризм.

Для Франка:

... "Я" никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении к "ты" – как немислимо "левое" вне "правого", "верхнее" вне "нижнего" и т. п. /.../ "Мы" совсем не есть просто "множественное число" от "я" (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих "я". В своем основном и первичном смысле "я" /.../ не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо... Поэтому "мы" есть не множественное число, как единство первого и второго лица, как единство "я" и "ты" ("вы"). В этом замечательная особенность категории "мы". Вечная противопоставленность "я" и "ты", которые, каждое само по себе и в отдельности, никогда не могут поменяться местами или охватить одно другое... преодолеваются в единстве "мы", которое есть именно единство категориально разнородного личного бытия "я" и "ты".

В другом месте Франк говорит:

"Общественная жизнь есть необходимое и имманентное выражение глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в основе человеческого бытия... Познавание чужого "я", а тем более живая встреча с ним, возможна лишь в силу того, что наше "я", так сказать, искони ищет этой встречи, - более того, что оно идеально имеет отношение к "ты" до всякой внешней встречи с отдельным реальным "ты"; это первичное единство с ним конституирует самое существо "я"... "Мы" есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия".

Франк таким образом старается примирить идеи западного персонализма с русским коллективизмом. К тому же стремится программа Народно-Трудового Союза российских солидаристов:

"Личность не существует сама по себе: своими знаниями, своей культурой, своей рукотворной средой человек обязан другим людям. Индивидуализм про это обстоятельство умалчивает, коллективизм его навязывает, солидаризм же стремится его осознать, понимая солидарность не как вторичный механизм или инструмент, а как изначальную основу общества: человеческое "я" нельзя оторвать от "мы".

Здесь основная разница между русским солидаризмом и идеей солидарности в толковании Тишнера. Для польского священника и ученого солидарное "мы" не первично, а вторично, и даже не к "я" и "ты", а к "для него". Сперва - раненый и его крик, потом - отзывается совесть, сумевшая услышать и понять этот крик, и только тогда рождается община. Персонализм, человеческое достоинство здесь на первом плане, на втором - диалог, на третьем - солидарное "мы". Для коллективизма, все равно как названного, здесь вообще нет места.

★

Тишнер подошел к идее солидарности с точки зрения католического костела, но это не помешало воспринять его суждения также большинством не католиков и неверующих в польском общественном движении "Солидарность". И самым большим достижением "Солидарности" является тот факт, что создавали ее в братском диалоге и католик рабочий Валенса, и католик профессор Тишнер, и "еврей" Микник, и бывший коммунист Куронь и проч., и проч. Люди с самыми разными мировоззрениями нашли общий язык и объединяющую их идею! И никто из них не перестал быть самим собой!

И вот все рухнуло. Кончился добросовестный диалог, кончилась толерантность, и в "Солидарности" нет уже солидарности, - появились зато грубые ссоры, клеветнические обвинения, национализм, клерикализм и разные другие "измы". Формулируя этику солидарности, Тишнер предполагал, что ей не нужен враг. Теперь он осознал свою ошибку. В статье "В тени коммунистических ларьков. Этика солидарности сегодня", опубликованной в газете "Русская мысль" от 14 сентября 1990, Тишнер пишет:

"Надо ясно сказать: этика солидарности уже не в состоянии охватить и разъяснить все вырисовывающиеся конфликты. Ибо что говорила эта этика?"

Она говорила, что нам надо быть вместе, действовать без применения силы, что этика должна стоять выше политики. Все это было ясно, когда был враг, который действовал или покушался действовать противоположным образом. Когда враг исчез, наше "вместе" распалось.

Этика солидарности была этикой для людей, которые стояли в огромной толпе перед ларьком коммунизма. Сегодня ларек исчез. Надо подумать об иной этике. Надо сегодня пахать глубже".

Ссылаясь на учение Иоанна-Павла II, Тишнер подчеркивает, что идея **Солидарности** в доктрине римского Папы вытекает в первую очередь из принципа достоинства человеческой личности, и поэтому, чтобы спасти этику солидарности, надо еще сильнее выразить в ней уважение к личности и к ее неотторжимым правам, надо еще сильнее связать с солидарностью персонализм.

"Некогда Норвид, - говорит Тишнер, - размышляя над причинами упадка народов, писал, что не в силу неуважения к власти, а особенно королевской, одни народы существуют, а другие перестают существовать. Потому что, будь это так, вся Европа развалилась бы. Причины упадка и развития народов одни и те же: уважение или неуважение к Человеку.

Я возвращаюсь к этой мысли Норвида при особых обстоятельствах, в которых мы оказались. Ларек коммунизма - развалился. Но толпа перед ларьком - пока еще стоит. Что сделать, чтобы эта толпа стала обществом, чувствующим свое национальное достоинство? В этом направлении сделано уже немало. Но следует сделать еще кое-что. Следует вернуться к простейшему опыту - уважению Человека. Только на этом пути можно будет спасти для будущего этику "Солидарности" и вылечить народ от его болезней".

Пойдут ли поляки по этому пути и спасут ли этику солидарности? Пока, к сожалению, получается, что прав был Достоевский, когда говорил, что только война по-настоящему объединяет.

А русские? Сумеют ли они отречься от тоталитарного "мы", от страны победившего хама во имя уважения к Человеку? Русские солидаристы в своей программе пока все еще выше **"Я"** ставят единое **"Мы"** национального самосознания.

От редакции. Публикуя интересную статью Анджея Лазари о польском и русском солидаризме на русском языке в российском журнале, мы просим нашего толерантного читателя не раздражаться присутствием в этой статье еще с прошлого века ходкого в Европе (а видно, и в Польше) клише о "русской душе", якобы традиционно склонной растворяться в коллективе. Интересны в этой статье отнюдь не рассуждения об особенностях русской души и русской общественной мысли. Интересно прежде всего, с нашей точки зрения, взятое у польского солидариста Тишнера утверждение, что "солидарное "мы" - это "я" и "ты" в диалоге". Вот об этом стоило бы поподробней поговорить и поспорить!

Народ и режим в Отечественной войне

А. АРТЕМОВ

Что такое "отечественная война"? Такая война ведется не из-за отдельных территорий, не из-за династического наследства, не из-за рынков или выхода к морю, не из-за международного влияния, престижа и т. п. Дело идет в ней не о том, чтобы что-то приумножилось или сократилось; в отечественной войне решается вопрос — быть или не быть отчизне как культурно-историческому государственно-политическому явлению вообще, вне зависимости от существующих социальных отношений.

Национальный актив и народ раньше или позже осознают бытийственный, судьбоносный характер отечественной войны и начинают воспринимать ее как всеобщее кровное дело; регулярная армия дополняется народным ополчением и партизанскими отрядами; внутренние противоречия снимаются или временно отодвигаются на второй план; народ либо поддерживает, хотя бы условно и временно, существующее правительство, либо выдвигает новое национальное руководство, способное отстоять страну и построить новый правопорядок.

Три войны в нашей истории, думается, можно отнести к отечественным, как бы сложны и противоречивы ни были социально-политические отношения в нашем народе во время каждой из них.

Первой отечественной войной мы можем считать войну против Польши и Швеции в первой четверти XVII века. Династические неурядицы (Борис Годунов, Лжедмитрий, Василий Шуйский, Семибоярщина), экономические потрясения (голод 1601-1603 гг.), социальные конфликты (восстания Хлопка и Болотникова), ненадежность и неустойчивость войск (Заруцкий, Ляпунов), общий разброд поставили наше государство на край гибели, а страну — на грань превращения в польскую или шведскую окраинную провинцию. Но всенародное ополчение Минина и Пожарского освободило столицу от завоевателей, создало условия для избрания новой династии и последующего оздоровления государственно-политической и социально-экономической жизни нации. Отвлекаясь от второстепенных частных, можно считать, что в конечном итоге наша отчизна тогда вышла из испытаний обновленной, омоложенной, наше государство окрепло.

Перепечатывается из "Воли", идеологического и политического журнала ИТС (июньский номер за 1961 год), к пятидесятилетию начала войны 1941-45 гг.

Отечественной войной наши историки назвали войну против Наполеона и его континентальных сателлитов в 1812 году. Быстрое продвижение наполеоновских войск в глубь России, захват Москвы, прельстительные лозунги революции – колыбели французской армии – не поколебали решимости народа изгнать чужеземные силы. Регулярная армия, партизанские отряды, народные ополчения и масса простого люда участвовали в освобождении отчизны, которой угрожало превращение в сателлита, в провинцию или колонию наполеоновской империи.

Может быть, с объективной точки зрения именно эта война не так уж грозила бытию отчизны. Но в психологии народа она запечатлелась как война отечественная, и разгром противника, когда удалось "добить зверя в его логове", вызвал в народе и обществе широкий национальный подъем. Это, однако, никак не означало примирения с политическим режимом самодержавия и социальной системой крепостного права, и возвращение наших войск из победоносного похода в Европу обозначает одновременно скачок в развитии оппозиционных течений – их оформление в революционно-политические организации. Восстание же декабристов открывает вековую эпоху революционной борьбы.

Войне 1941–45 годов предшествовали различные военные кампании стабилизировавшегося коммунистического режима в России. Но ни конфликт на КВЖД в 1929 году, ни боевые действия у озера Хасан в 1938 году, или бои на Халхин-Голе в 1939 году, ни поход в Западную Белоруссию и на Западную Украину в начале Второй мировой войны (не говоря уже о нападении на Финляндию и об оккупации Прибалтийских стран) не вызывали патриотического подъема, способного хоть сколько-нибудь сблизить народ с режимом.

Вступление германских войск на нашу территорию и их продвижение по нашей стране ознаменовалось широким пассивным сопротивлением народа "своему собственному" правительству, нескрываемыми симпатиями к противнику, от которого бежали коммунистические власти, полной небоеспособностью огромной, вооруженной и оснащенной Красной армии, миллионами военнопленных.

В дни годовщины начала войны советская пресса пытается объяснить "крайне неблагоприятный вначале ход событий" – "внезапностью и силой удара огромной армады" противника, "серьезным просчетом И. В. Сталина в оценке военно-политической обстановки" и т. п. Все это само по себе нелестно характеризует коммунистическое руководство, в особенности, если вспомнить флирт Сталина с Гитлером и договоры Молотова с Риббентропом. Но главное заключается в умолчании решающего фактора: наш народ не хотел защищать ненавистный коммунистический режим, а во "враге врага" видел друга.

Если бы целью войны было устранение коммунистического режима, то она была бы кончена в том же 1941 году переформированной российской армией под национальным командованием и правительством и при поддержке всего российского населения.

Гитлер и вся национал-социалистическая система исходили из позиций не только империалистических (покорение нашей страны), но

и расистски-геноцидных (истребление или по меньшей мере порабощение нашего народа). Россия из культурно-исторического государственно-политического явления должна была превратиться в "географическое понятие", как говорил нацистский идеолог Розенберг.

События принимали характер отечественной войны – во спасение отчизны. Такая война (и только такая!) смогла побудить народ к компромиссу с властью. Власть это поняла: она отбросила интернационалистическую идеологию, обратилась к патриотическим ценностям, ослабила духовный гнет, стала намекать на решительные реформы после победы.

Народ спас отчизну – и был обманут властью. Осталось коммунистическое самодержавие, осталось колхозное крепостное право. Но тогда остается и гнев народа, его борьба.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Книга об эмиграции, которая примирилась с советской властью

Михаил НАЗАРОВ

Судя по авторскому уведомлению, эта книга* – первая, применяющая "новое мышление" к русскому зарубежью, с которым автор ее знаком по советской заграничной работе. Читатели в СССР, вероятно, узнают из книги немало нового. Однако для правильного восприятия произведения важно было правильно его назвать – чего В. Костиков, к сожалению, не сделал.

Название, предлагаемое в заглавии данной рецензии, кажется более точным. Ибо в политическом спектре русского зарубежья (охвачен период до конца 1940-х годов) Костикова интересует лишь та его часть, которая по разным причинам примирительно относилась к советской власти. Такая эмиграция действительно имелась, и оправдания такому влечению у нее были разные.

Так, в основе "возвращенчества" 1920-х (в результате нэпа) и 1940-х годов (после "победы русского оружия") лежала вера в происшедшую эволюцию коммунистической власти.

Призыв Е. Д. Кусковой "зарыть ров" между эмиграцией и советской Россией объяснялся уже сознательной стратегией леволиберального фланга (Керенского и Милюкова): не раздражать большевиков – тогда

* В. Костиков. "Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции". Москва: "Международные отношения". 1990.

они успокоятся и действительно эволюционируют. На эту позицию стала и часть зарубежного духовенства, давшая в 1927 году подписки о лояльности советской власти.

"Сменовеховство" было интереснее тем, что руководствовалось не только иллюзиями, но и целой философией (смесью народничества и фатализма). Это была попытка оправдания большевистской власти как неизбежной и выполняющей некую национальную миссию. Конечно, для христианина не бывает бессмысленных катастроф, и если усматривать в большевизме скрытый национальный смысл – то лишь в том, что этим было дано утверждение христианских ценностей "от обратного". Кроме того, ценою огромных жертв это сохранило Россию "белым пятном" в мире нарастающей духовной энтропии, давая теперь русским шанс еще раз задуматься о собственном пути в истории. Возможно, сменовеховцы интуитивно чувствовали этот метафизический смысл совершавшегося (подобно М. Волошину, писавшему в 1920 году о крымском терроре: "Божий Бич – приветствую тебя!"). Но на политическом уровне это вело к неразличению границ между добром и злом – и тоже к капитуляции.

Сходная философия отразилась и в деятельности евразийцев (правда, их основная и тоже спорная идея заключалась не в этом), "младороссов", "национал-максималистов", "утвержденцев" и других так называемых "пореволюционных" течений. Справедливо считая невозможной реставрацию дореволюционного строя, они исходили из существовавшей российской реальности – какой бы она ужасной ни была, – видя свой долг в борьбе за ее преобразование изнутри. Их идеалы противостояли как идеологии большевиков, так и бездуховности буржуазного мира. Иллюзии "пореволюционных" вождей заключались лишь в том, что компартия, как им казалось, рано или поздно должна будет их патристическую деятельность разрешить, "для блага родины" (в чем их уверяла и советская агентура). Но их следует все же отличать от "сменовеховства": "пореволюционность" в целом была наивно-оппозиционным стремлением к творческому преобразению России, а не оправданием "очистительной бури" чекистского террора. (Наиболее интересный журнал этих исканий, "Новый град", почти избежал описанных иллюзий.)

Не пытаясь входить в психологические, стратегические и философские рассмотрения проблемы (а понять ее, особенно "пореволюционные" течения, можно только с учетом духовного кризиса тогдашних европейских демократий), Костиков объединяет всех этих людей под знаменем совпатриотизма – вместе с Горьким (которому посвящена целая глава) и даже вместе с такими "патриотами", как ген. Скоблин и Н. В. Плевицкая (тоже отдельная глава). Эта супружеская пара, участвовавшая в похищении главы белой эмиграции ген. Миллера, оказывала услуги ГПУ, как теперь уточняет Костиков – с 1930 по 1937 гг. за 200 долларов в месяц ("сумма по тем временам немалая")... Единственное критическое замечание в этой связи автор направляет в адрес ГПУ – за то, что "В трагическую минуту жизни Надежда Васильевна оказалась брошенной на произвол судьбы" (с. 403).

То есть В. Костиков описывает ту часть эмиграции, которая в художественной форме изображена В. Аксеновым в романе "Остров Крым"

и которая понимала "идею общей судьбы" со своим народом как пассивное присоединение к его несвободе. Эта "общность судьбы" нередко доходила до самоубийственного конца: в СССР вернулись и погибли сменовеховцы Н. Устрялов, Ю. Ключников, С. Лукьянов; евразийцы Д. Святополк-Мирский, П. Арапов, С. Эфрон...

Конечно, если выдавать описанные круги за всю эмиграцию (это делает в своем романе и В. Аксенов), можно прийти к выводу, что

"Насаждаемые длительное время в нашей популярной литературе представления о врожденной контрреволюционности эмиграции не имеют достаточных оснований" (с. 415).

Но это заключение В. Костикова придется оспорить – на основании фактов.

"Идея общей судьбы" имела и иное воплощение: стремление активно послужить освобождению России. И можно доказать (например, по результатам выборов делегатов на Зарубежный съезд 1926 года и по их голосованию на съезде), что основная часть политической эмиграции была именно "контрреволюционной". Она тоже была патриотической, но ее понимание патриотизма было иным:

"Отношение к советской власти как к плохому, но русскому правительству, означает непонимание ее существа". Интересы России противоположны интересам Интернационала, поработившего ее. Советская власть (псевдоним диктатуры коммунистов) упразднила самое имя "Россия", заменив его не связанным с каким-либо территориальным признаком названием Союза Советских Социалистических республик..."

"Власть антинациональной секты по существу губительнее и отвратнее господства другой нации. Под татарским игом русская самобытность менее искажалась, нежели под игом коммунистическим. Оно внешне менее заметно, так как коммунист говорит на том же языке... и, потому, сопротивление коммунистическому разложению требует большей сознательности, нежели противодействие простому иноземному засилью"(1).

"Сколько бы других народов ни признало коммунистическую партию, властвующую над Россией, ее законным правительством, русский народ ее таковым не признает и не прекратит своей борьбы против нее". Мы обращаемся "с горячим призывом к другим народам – помочь России в постигшей ее беде и оказать поддержку ее борьбе с кровавым игом III-го Интернационала. ...не будет мира в мире, пока не займет в нем своего, по праву ей принадлежащего, места воскресшая и возрожденная Россия"(2).

Эти тезисы были приняты Зарубежным съездом единогласно. Он был своего рода зарубежным Земским Собором, в котором участвовало около 450 делегатов от 200 русских организаций из 26 стран (отказались лишь группы Милюкова и Керенского). Было это в 1926 году, в разгар нэпа, что опровергает мнение Костикова, будто

"Даже среди белого офицерства... далеко не все были единодушны в оценке событий, происходивших в советской России, – по крайней мере на начальном этапе, когда демократические идеалы революции еще не были извращены сталинизмом" (с. 361).

Таких офицеров могли быть единицы. В эмиграцию попало именно то офицерство, которое с оружием в руках боролось против этих "идеалов" еще до появления "сталинизма". Уже эти ленинские "идеа-

лы", а не, как пишет Костиков, "Ревизия политического наследия Ленина, демонтаж нэпа... сделали строительство мостов доверия между эмигрантской и советской Россией невозможным" (с. 115).

Доверия быть не могло, тем более что именно в 1920-е годы власть интернационалистов-большевиков носила явно антирусский характер (лишь накануне войны Сталин почувствовал необходимость опоры на патриотизм численно самого большого народа).

Для борьбы с этой властью возникли эмигрантские организации (с разными идеологиями), пытавшиеся проникать в СССР: "Народный Союз Защиты Родины и Свободы" (лидеры: Б. В. Савинков, Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, Д. В. Философов); "Борьба за Россию" (М. М. Федоров, С. П. Мельгунов, А. В. Карташев); "Трудовая крестьянская Партия" (А. А. Аргунов, А. Л. Бем и С. С. Малов); весьма активно было "Братство русской правды" (герцог Г. М. Лейхтенбергский, С. А. Соколов-Кречетов, ген. П. Краснов, А. Амфитеатров)...

О них Костиков не пишет. В его книге нет ни слова даже об НТСНП – Национально-Трудовом Союзе Нового Поклсения (М. А. Гергиевский, В. М. Байдалаков), объединившем союзы русской молодежи во многих странах и разработавшем русскую социально-христианскую идеологию правового государства (это единственная из довоенных организаций, сохранившаяся к настоящему времени: НТС). А в Русском Обще-Воинском Союзе (РОВС) – 30-тысячной дисциплинированной организации, в которую были преобразованы белые армии, – из книги можно лишь узнать, что белогвардейцы "культивировали ненависть" к советской России, "напиваясь под треньканье балалайки до полубеспамятства" и "время от времени" простреливая себе голову (с. 237).

Далеко не все действия этих организаций можно одобрить (например, террористические акты БРП и РОВСа). Но их можно понять: на фоне миллионных жертв террора, коллективизации, искусственного голода в России – военные по инерции стремились к продолжению гражданской войны против палачей своего народа, и чекисты с ними тоже не церемонились. НТСНП в 1930-е годы готовил и посылал в Россию десятки людей для отстройки подпольной организации – уже на советской границе из них погибал каждый второй... Все они, жертвовавшие своей жизнью, были героями для большей части эмиграции, давая ей ощущение продолжающейся борьбы.

Еще одно наглядное опровержение концепции Костикова – обращение русской эмиграции к "Гражданам свободной Америки" (Париж, 7 ноября 1930 г.) с призывом прекратить экономическую поддержку большевиков и "не препятствовать русскому народу бороться за свою свободу против своих тиранов"(3). Обращение подписали 215 человек – элита русской эмиграции, в том числе: М. Алданов, И. Бунаков-Фондаминский, И. Бунин, З. Гиппиус, Б. Зайцев, В. Зеньковский, А. Карташев, А. Куприн, И. Ильин, В. Ильин, Н. Лосский, И. Лукаш, С. Мельгунов, Д. Мережковский, В. Набоков, П. Струве, С. Франк, а также ведущие ученые, деятели искусств, духовенство, вожди Белого движения, бывшие политические деятели России. Важно отметить, что правый фланг среди подписавших представлен слабо: преобладают центристы, либералы, присоединились лидеры социалистов и даже

глава младороссов А. Казем-Бек. Всех их объединило отрицание террора большевиков.

При этом не забудем, что у либерального фланга идейные претензии к советской власти были скромнее, чем у основной части эмиграции. Это были остатки того самого "ордена русской интеллигенции", против которого выступили "Веи". Совершив с помощью западных друзей Февральскую революцию и ничему не научившись в провале своих утопий, этот орден и в эмиграции пользовался поддержкой влиятельных западных сил и распоряжался дореволюционными русскими средствами, оставшимися за границей. Именно поэтому, как отметил В. Варшавский,

"не многочисленные, но активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков... издавали главные эмигрантские газеты и журналы и их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но, по-настоящему, эти остатки демократической и социалистической интеллигенции не имели влияния и были окружены враждой огромного большинства эмигрантов"(4).

То есть правый фланг в целом значительно преобладал над левым в количестве своих сторонников, а левый фланг (которому Костиков уделяет основное внимание) преобладал над правым – в финансовых и информационных мощностях. Это необходимо учитывать при любом исследовании первой эмиграции, не полагаясь на искаженную картину в средствах информации.

*

Наиболее серьезные расхождения в эмиграции проявились во Второй мировой войне – и в этом отношении рецензируемая книга содержит огромный пробел.

Костиков, вслед за В. Варшавским, приветствует участие эмигрантов во французских войсках, разбросавшее русские могилы по всем театрам военных действий (но далеко не все пошли в армию добровольцами: русская молодежь во Франции подлежала призыву). Несколько сот русских героически участвовали в Сопротивлении: вдалеке от России они не особенно задумывались над другими возможностями; гитлеровские оккупанты были конкретным злом, которому было необходимо противостоять.

Однако более многочисленная часть русской эмиграции не горела желанием умирать за страны Антанты, которые предали Россию и ее белые армии, были готовы "торговать и с людоедами" (Ллойд-Джордж) и экономически поддерживали власть в СССР. (Эта горечь предательства Западом окрашивает мышление огромной части зарубежья – см., например, речь Бунина "Миссия русской эмиграции", 1924 г.)

Как писал в 1939 году В. В. Орехов, главный редактор "Часового" ("органа связи русского воинства за рубежом"):

"...политическая эмиграция не имеет никакого права вмешиваться в настоящий европейский конфликт до тех пор, пока одна из сторон не объявит о том, что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими русскую власть большевиками"(5).

А когда демократическая эмигрантская общественность требовала от начальника французского отдела РОВСа ген. В. К. Витковского

"чуть ли не массовой мобилизации русского офицерства во французскую армию, он с твердостью и достоинством отвечал, что русская кровь может быть пролита только за русское дело"(6).

Этой же позиции в тот период войны придерживался НТСНП:

"В европейской военной схватке ни одна из воюющих сторон не показала себя еще искренним другом и деятельным союзником русского народа и подлинных национальных российских интересов. Мы, зарубежники, честно и лояльно выполним свой долг перед странами, нас приютившими. Но душой и всеми помыслами своими мы пока будем придерживаться строгого и бескомпромиссного нейтралитета, ибо борьба идет еще не за Россию"(7), - писал председатель НТСНП В. Байдалаков.

Главное разделение в эмиграции пролегло после нападения Германии на СССР. Возник вопрос, кого следовало считать меньшим злом для России: коммунистического тирана Сталина, призвавшего к защите им же опустошенной русской земли, или национал-социалиста Гитлера, объявившего освободительный поход против коммунистов?

Ответ на этот сложный нравственный вопрос зависел от личных оценок целого ряда факторов: целей Гитлера, террора Сталина, возможности эволюции большевиков, антикоммунистического потенциала в народе. Играли важную роль местопребывание и возможности тех или иных конкретных действий. Именно поэтому столь причудливо пролегла граница между разными вариантами ответа, не всегда совпадая с принадлежностью к тому или иному флангу эмиграции, меняясь в ходе войны...

Поскольку леволиберальный фланг и раньше относился к большевикам мягче, а теперь демократии стали союзниками Сталина, - для либералов было естественным "оборончество". П. Милюков незадолго до смерти выразил это в статье "Правда о большевизме" (1942 г.), присоединившись к лозунгу: "Вы не за Сталина? - Значит вы за Гитлера"(8).

Оборончество у некоторых деятелей правых взглядов (таких, как лидер правого крыла евразийцев П. Н. Савицкий, философ Н. Бердяев, ген. Деникин, подобные нотки можно найти и у Бунина) - имело другие причины. Оно особенно распространилось, когда Гитлер показал свое антирусское лицо, а Сталин сделал ставку на русский патриотизм. Это вызвало всплеск надежд на то, что сталинский режим меняется в национальную сторону. Но когда после войны ошибка стала очевидна, многие из таких "оборонцев", те же Деникин и Бунин, вновь заняли непримиримые антикоммунистические позиции.

Подлинных "пораженцев" (сравнимых с антипатриотичной позицией интернационалиста Ленина в Первой мировой войне) в русской эмиграции периода советско-германской войны не было. Возникший вариант "пораженчества" питался патриотизмом - только более активным: использовать создавшуюся военную ситуацию для освобождения России от антинационального преступного режима. Гитлеризм к началу войны еще не проявил своего звериного лика, немцы прово-

дили интересные социальные реформы, раздавали антикоммунистические обещания – это питало надежду на тот самый "крестовый поход" Европы против коммунизма, к которому призывал И. Бунин в 1924 году. Эти надежды тоже встречались в разных кругах: вторжение Германии в СССР приветствовали о. Иоанн Шаховской (тогда священник либеральной Парижской юрисдикции, будущий архиепископ Сан-Францисский) и митр. Серафим Лукьянов (иерарх консервативной Зарубежной Церкви в Париже, ставший после войны епископом Московской патриархии).

Учтем и географический фактор: правая эмиграция была сконцентрирована в Германии и восточноевропейских странах, прилегавших к России. Там была другая раскладка сил, другие возможности. Многие русские эмигранты сочли меньшим злом немцев не столько потому, что поверили в объявленный "крестовый поход", сколько потому, что надеялись сами использовать начавшуюся войну для организации такого похода – при его поддержке населением России.

Позицию РОВСа в случае нападения Германии на СССР еще в 1939 году выразил редактор "Часового":

"Если эта борьба будет вестись под флагом освобождения России, участвовать в ней в составе вооруженных сил. Если будет борьба против большевиков, но не за русское единство, постараться вложиться в эту борьбу на русской территории и помочь тем русским силам, которые неизбежно пробудятся"(9).

Основания для этого были: в первые месяцы войны армия не желала защищать сталинский режим (почти 4 миллиона человек попали в плен), а народ, помня немцев по прежней войне, часто встречал "освободителей" хлебом-солью... После двух десятилетий террора настроения в СССР были такие, что если бы были созданы независимое Российское правительство и освободительная армия – им не потребовалось бы боев с советскими войсками: достаточно было бы одного морального воздействия. На это и надеялась эмиграция.

В Югославии "подавляющая масса русской эмиграции имела правое политическое лицо и питала надежду, что поражение большевизма вызовет национальный подъем в России", – писал очевидец. В Белграде для похода в Россию был создан добровольческий "Русский корпус". "При его формировании германское командование дало обязательство ни при каких обстоятельствах не употреблять Корпус против союзников России по 1-й мировой войне, а лишь исключительно против коммунистов. Это обязательство было выполнено"(10): корпус боролся в основном с партизанами Тито (но похода в Россию немцы не допустили).

В парижской эмиграции в германскую армию сразу же зарегистрировалось

"более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма... Сперва было направлено около двухсот эмигрантов. Эти офицеры получили придуманную для них форму. На фронте были довольны ими. Многие из них были награждены знаками отличия за храбрость. Были убиты и ранены. Я беседовал с эмигрантами-добровольцами, пережил их первоначальное воодушевление, а позже их разочарование и горечь..."; – писал участник событий с немецкой стороны (11).

Горечь – потому что Гитлер, вопреки своим пропагандным лозунгам, стремился не к освобождению России, а к превращению ее в колонию. Именно поэтому на оккупированные территории не был допущен "Русский корпус"; и вообще туда не пускали эмигрантов, даже священников, поскольку они "объединяются с населением".

Колонизаторская политика стала главной причиной поражения Германии. После первых ошеломительных успехов, объяснявшихся нежеланием народа защищать свое рабство, сам же Гитлер заставил россиян воевать – под национальными лозунгами, спешно введенными Сталиным. Именно Гитлер сделал войну Отечественной, и на стороне защитников Сталина оказалась своя важная правда: они защищали и родную землю...

Политика Гитлера не могла не вызывать протестов со стороны русских эмигрантов – вследствие чего большинство из них в 1942 году были удалены из немецкой армии. Протестовали и немецкие генералы (режим в Германии еще не успел стать совсем тоталитарным), видевшие в перемене "восточной политики" единственный шанс выиграть войну. Такие немцы вместе с ген. Власовым и эмигрантами добились создания русского правительства и Русской Освободительной Армии (РОА). Но Гитлер опасался, что РОА повернет оружие против него.

Он не ошибся: единственным крупным боевым действием 1-й власовской дивизии, сформированной лишь в 1945 г., было освобождение Праги – от немцев. Вся история РОА – это история борьбы за ее разрешение, связанная с множеством унижений, обманов, разочарований, арестов (подробно описана В. К. Штрик-Штрикфельдтом в книге "Против Сталина и Гитлера"). На стороне немцев, правда, воевали "восточные батальоны" общей численностью около миллиона советских граждан, но они были подчинены немцам, которые воспользовались идеей РОА лишь для пропагандного поощрения перебежчиков; к Власову эти части отношения не имели.

Лишь в конце 1944 года Гиммлер разрешил создать власовский Комитет Освобождения Народов России со статусом союзного правительства (в котором четверть состава были старыми эмигрантами). Но развернуться ему немцы не дали; впрочем, тогда это уже вряд ли могло что-либо изменить. По сравнению с началом войны ситуация была неблагоприятной: КОНР не имел русской территории, в то время как патриотизм в советской армии значительно возрос.

Помимо военного, было и нелегальное политическое участие эмиграции в военных событиях – под лозунгом "Против Сталина и Гитлера". Сотни членов НТСНП пытались отстроить независимую русскую силу, нелегально устремившись на оккупированные территории. "К 1943 году было охвачено 54 населенных пункта, в которых действовало до 120 групп" (12). Все исследователи признают и большое влияние членов НТСНП на власовское движение в Берлине.

Так, идя с разных концов к одной цели, эмигранты и недавние советские люди объединились в попытке создать "третью силу", с которой только и связывали надежды на освобождение (а вовсе уже не с

немцами). В совпадении этих усилий было зримое проявление "идеи общей судьбы" в ее активном варианте. В той или иной форме в этом движении в самом конце войны приняли участие миллионы людей (и это было больше, чем участников французского Сопротивления). Все они надеялись на поддержку западных демократий – но были выданы на расправу Сталину (в том числе многие тысячи старых эмигрантов и даже члены их семей).

Можно по-разному относиться к их замыслам и надеждам, к их неизбежным компромиссам в отношениях с немецкими властями, с чьей территории только и можно было что-то предпринимать. Особенно легко об этом судить ретроспективно, зная, чем кончилась война. Но в одном участникам тех событий отказать нельзя: в патриотизме и в праве действовать соответственно имевшимся возможностям. Даже если в конце войны выступление "третьей силы" могло обрести черты гражданской войны (в виде последнего отчаянного шага Власов хотел "проткнуть фронт" и увлечь за собой советские войска, что, пожалуй, уже было невозможно) – они не собирались воевать против своего народа, а хотели поднять его на совместную борьбу за Россию.

Их трагедия заключалась в том, что ни Сталину, ни Гитлеру, ни западным демократиям свободная Россия не была нужна. Гитлеровцами были убиты десятки членов НТС и более 100 брошено в лагеря (иногда по доносам агентов НКВД); а англо-американцы передали СМЕРШу в Австрии одних лишь эмигрантов-офицеров около 1500 человек. Русская "третья сила" оказалась песчинкой между двух, даже трех жерновов. Но для самой "песчинки" эта почти утопическая цель была единственно приемлемой с нравственной точки зрения.

Тысячи эмигрантов сознательно шли на это, покидая свои семьи и рискуя жизнью; в "Русском корпусе" тоже было убито и умерло 1.132, ранено 3.280, пропало без вести 2.297 бойцов⁽¹³⁾. Они не написали книг, не внесли своего вклада в культурное наследие эмиграции. Но, как отмечал в другой связи Г. Федотов: героизм и подвижничество отдельных представителей нации имеют для нее такое же онтологическое значение, как создание художественных памятников и научных систем. Думается, если бы этой попытки освобождения не было, будущей России пришлось бы больше стыдиться того, как вели себя русские люди в те трудные годы.

Только на фоне этой трагической попытки создания "третьей силы" следует оценивать поведение той части эмиграции, описываемой Костиковым, которая во время войны ловила рыбу во Франции, жаловалась на бытовые трудности жизни, а после войны основала "Союз Советских Патриотов", называла власовцев "гестаповцами", пила за здоровье Сталина в советском посольстве, вывешивала на церковной ограде в Париже красный флаг...

Костиков полагает, что вся эмиграция подпала тогда «под "очарование" личности Сталина» (с. 314) и что лишь послевоенный "погром" над журналами "Звезда" и "Ленинград" вселил "сомнение в обоснованности надежд на патриотическое и демократическое преобразование отечества" (с. 321). Думается, можно было прозреть и раньше: при виде насильственной "репатриации" советских граждан, которые нередко

кончали с собой – зная, что их ждет в СССР (попавшие в плен приравнивались к "изменникам Родины", а увоз на работы в Германию считался "сотрудничеством с врагом").

В странах Европы и в США тогда было выдано в СССР около 5 миллионов человек, которые в большинстве попали в лагеря (власовцев в основном расстреляли). Костиков уделяет им несколько строк, полагая, что эта трагедия еще "ждет своих исследователей" (с. 312) – словно не написаны "Жертвы Ялты" Н. Толстого, "Последняя тайна" Н. Бетелла, словно не старалась тогда основная часть русского зарубежья спасать своих соотечественников – будущую "вторую эмиграцию" (которая оказалась в десятки раз меньшей, чем могла бы быть)...

В заключение Костиков просит читателей простить его, "дерзнувшего на первый робкий шаг", за погрешности. Это можно сделать лишь при условии, что автор ознакомится с изданиями не замеченной им части эмиграции – хотя бы для обнаружения своих погрешностей.

Например, полезно почитать тот же "Часовой" – чтобы увидеть, что это не "газетенка", а журнал, поставивший рекорд долголетия в зарубежье (1928–1941, 1947–1988). Из него Костиков может узнать, что умер Врангель не в 1926 году (с. 364), а в 1928–м. Что "галлиполийское сидение" эвакуировавшейся армии ген. Врангеля привело не к "пагубному" (с. 360), а к духовно-очистительному влиянию на нее (это удивило даже французов, пытавшихся распылить русские войска и вернуть их в Крым). Что приказ № 82 запрещал членам РОВСа участие в политических организациях не потому, что Врангель "все больше отходил от политической деятельности" (с. 363), а чтобы поставить армейское братство выше политических разногласий (позже запрет был снят в отношении НТСНП). Именно поэтому ни РОВС, ни "Часовой" не были ни "крайне правыми", ни "монархистствующими" – а стояли на позиции непредреждения из эмиграции политического строя будущей России.

Если автор рискнет пойти направо еще дальше, ознакомившись с изданиями "монархистствующих", он увидит, что монархизм был разным (конституционным, парламентарным, самодержавным); что среди монархистов были непредрежденцы и легитимисты. Хотя белые армии нигде не выступали под монархическим знаменем, Зарубежный съезд свидетельствует, что в первой эмиграции монархические взгляды преобладали. Монархистами были П. Б. Струве, И. А. Ильин, а духовную оправданность монархии не отрицали В. В. Зеньковский, А. В. Карташев и другие представители "парижской школы". Поэтому лишено основания утверждение, что «при всем разнообразии путей и способов «спасения России» у русской эмиграции» имелся один идеал: "демократическая Россия" (с. 7).

Идеалы в тогдашней Европе были таковы, что если в 1918 году все 22 государства имели парламенты (с постоянной чехардой правительств), то к 1938 году их осталось 10: на место других, сопротивляясь хаосу и натиску коммунистов, пришли авторитарные режимы, искавшие "фашистских" путей выхода из кризиса (слово "фашизм"

тогда имело иное, совсем не гитлеровское, значение и привлекало внимание ученых во многих странах).

Этими течениями интересовалась и русская эмиграция (в частности НТСНП, "Возрождение", "Новый град"), относясь к фашизму достаточно критически из-за его недооценки свободы и нащупывая русский путь. В этом же русле виднейшие мыслители подвергали секулярную парламентскую демократию беспощадной критике: за "разрыв связи между свободой и истиной" (14) (Ф. Степун), за "отпадение от онтологических основ общества... Она хочет политически устроить человеческое общество так, как будто Истины не существовало бы" (15) (Н. Бердяев); за религию "прогресса", которая принесла "опустошение и ожесточение" душ "и в результате этого яркого и импонирующего развития культуры, просвещения, свободы и права человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства" (16) (С. Франк). В этом русле зрело и то новое, одухотворенное понимание демократии, сторонником которого сегодня выступает А. Солженицын.

Костиков позволяет себе и такие "антимонархические" замечания: "царская семья... в момент революции являлась символом разложения власти"; а "казнь Романовых... в ночь с 29 на 30 июля 1918 г. придала этим незадачливым правителям ореол мученичества" (с. 230). Эти штампы, граничащие с кошунством, можно автору простить, поскольку он не ведает того, что говорит: ни того, что признаки "разложения" не были обнаружены даже следственной комиссией Временного правительства; ни даже того, что царскую семью убили 4/17 июля...

Согласно "новому мышлению" слово Бог в книге пишется с большой буквы. Но автор, видимо, еще не знает, что не всякая наука, где встречается это слово, называется богословием, а слово "теософия" (с. 252) и вовсе имеет специфическое значение. Приведенный им перечень "богословских" работ (с. 343) включает в себя большей частью философские и исторические. Было бы полезно их и прочесть: тогда Костиков нашел бы и в фундаментальном труде о. В. Зеньковского (а не только у "крайне правых") резкую критику софиологии о. Сергея Булгакова и "примата свободы" Н. Бердяева – мыслителей блестящих, но не бесспорных.

Если главный метод Костикова – выдать "примиренцев" за подлинную эмиграцию, то в его отношении к религиозным философам обнаруживаем вспомогательный прием: представить их деятелями культуры, далекими от противостояний коммунистической идеологии.

Так, Костиков не преминут записать Бердяева в "красные". Поскольку многие сегодня пытаются подкрепить "перестройку" таким способом, заметим: Бердяев (как и Г. Федотов, о. Сергей Булгаков) признавал частичную "правду" социализма (протест против эгоистических крайностей капиталистической системы), но бескомпромиссно отрицал его метафизическую, духовную "ложь" (атеизм). Лишь к концу жизни философ начал смешивать в этом вопросе "физику" и "метафизику", дав новый вариант философии сменовеховства. Но это не лишает ценности многого из написанного им ранее (в том числе "Философии неравенства").

Если же говорить о богословии, то следовало назвать митр. Антония (Храповицкого), который был не только "реакционером", но и ученым, признанным во всем православном мире. Из изданий "реакционного" фланга Костиков мог бы узнать и то, что парижский Богословский институт – далеко не "единственная русская богословская школа за границей" (с. 343). До войны работали Высшая богословская школа в Харбине и семинария в Болгарии; в США с 1938 года существует Св.-Владимирский богословский институт, с 1948 года – семинария в Джорданвилле. Мнение, что у молодежи РСХД "призывы религиозных философов искать спасения в Боге большого успеха не имели" (с. 254) – следовало проверить по "Вестнику РСХД" (религиозно-культурному журналу высокого уровня). А об эмигрантском церковном расколе вряд ли стоит судить по книгам с названиями типа "Крах российской монархической контрреволюции" (с. 462).

Костиков, понятно, не стремился разобраться в каком-то там поповском расколе: глава-панегирик митр. Евлогию объясняется тем, что в 1927 году этот иерарх дал подписку о лояльности советской власти, а в 1945-м взял советский паспорт (лишь смерть помешала его планам возвращения с паствой в СССР). Автора не интересует, что юрисдикция митр. Евлогия охватывала лишь около 6% зарубежных приходов. Тогда как "контрреволюционная" Русская зарубежная Церковь в 1935–1946 годах объединяла все остальные (около 1000) и пользовалась официальным признанием других православных Церквей – но она удостоилась в книге лишь нескольких пренебрежительных упоминаний.

Разумеется, далеко не все представители правой эмиграции выполняли основной долг русского зарубежья: помочь возрождению Отечества. Даже правота порою может превращаться в гордыню и уязву. Но не по грехам, а по достоинствам следует судить о значении правого фланга. И уж совсем неуместны утверждения вроде того, что антисоветские решения Собора Зарубежной Церкви "спровоцировали церковный террор в России 1921–1922 годов" (с. 330). Причины этого террора Костиков может найти в секретном письме Ленина⁽¹⁷⁾ членам Политбюро от 19 марта 1922 г. То же самое большевики сделали бы независимо от высказываний и действий эмиграции, ибо только насильем можно было принуждать народ жить согласно "единственно верному учению"...

Если В. Костиков исправит эти погрешности в новом издании – у него, вероятно, получится другая книга, о совсем другой русской эмиграции. Но чтобы "первый робкий шаг" не пропал даром – его можно спасти, назвав примерно так: книга об эмиграции, "которая отвергала не революцию, а извращение революции и ее демократических идей" (с. 416).

Вот только была ли нужна России такая эмиграция? Тем более что сомнения в демократичности и нужности революционных идей сегодня множатся и в отечественной печати.

Высказанные выше критические замечания продиктованы политическим уклоном книги В. Костикова. Поскольку он пишет о примиренческой эмиграции – в рецензии получился акцент на непримире-

мую, хотя главная ценность русского зарубежья для Отечества не в политическом противостоянии. Основной недостаток книги, проистекающий из невнимания к мировоззренческому правому флангу, в том, что автор не увидел главную миссию русской эмиграции: осознание ею призвания России – на основании опыта разных общественных систем.

Напомню еще раз тот удачный образ, который нашел этому Г. Федотов:

"С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину "все царства мира и слава их" – вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона – в Европу и в Россию: действительность, как она есть, без румян и прикрас"(18).

Этого опыта сегодня, похоже, не хватает многим деятелям, стремящимся вершить судьбы нашей страны. Его-то и стоит в первую очередь искать в эмигрантском ковчеге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ольденбург С. Существо коммунистической власти. "Возрождение". Париж. 1926, 6 апр. С. 4.
2. "Возрождение". Париж. 1926. 12 апр. С. 1.
3. См.: "Фосев". Франкфурт-на-Майне. 1983. № 11. С. 62.
4. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк. 1959. С. 21.
5. Орехов В. Будем достойны русского имени! "Часовой". Брюссель. 1939. № 246. 5 дек. С. 2.
6. Орехов В. Париж сегодняшнего дня. "Часовой". Брюссель. 1941. № 255. 5 янв. С. 10.
7. Байдалаков В. "За Родину" № 90. 1 окт. - Цит. по: Варшавский В. Незамеченное поколение. С. 76.
8. Милюков П. Правда о большевизме. "Русский патриот". Париж. 1944. № 3 (16). 11 нояб. С. 2.
9. Из речи редактора "Часового" на юбилейных собраниях в Брюсселе, Париже и Белграде. "Часовой". Брюссель. 1939. № 232-233. 1 апр. С. 4-5.
10. А. П. Русский корпус в Сербии. "Часовой". Брюссель. 1971. № 543. Сент. С. 9-10.
11. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне. 1975. С. 58-59.
12. НТС. Мысль и дело. Франкфурт-на-Майне. 1990. С. 15.
13. А. П. Русский корпус в Сербии. "Часовой". Брюссель. 1971. № 543. Сент. с. 10.
14. Степун Ф. О свободе. "Новый град". Париж. 1983. № 13. С. 22-23.
15. Бердяев Н. Новое средневековье. Берлин. 1924. С. 108.
16. Франк С. Крушение кумиров. Берлин. 1924. С. 47-48.
17. Один из последних источников - "Наш современник". Москва. 1990. № 4. С. 167-169.
18. Федотов Г. Россия, Европа и мы. "Новый град". Париж. 1932. № 2.

Начало военного этапа

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

*То было в пору, о которой суд
Едва ли даже правнукам под силу.*

А. Неймирок

В 1941 году в Германию перебралось руководство НТС. А затем – в одиночку или группами – члены организации из Болгарии, Югославии, Франции, Бельгии. Попастъ в Германию и даже в Берлин было совсем не трудно: надо было просто пойти и завербоваться в одном из бюро по набору рабочей силы. В Германию можно было попасть даже против воли, – оказавшись в районе одной из немецких облав. И тогда оттуда – прямо в товарный вагон поезда, отправлявшегося в Германию.

В Германию двинулись не только члены Союза, но и немалое количество русских эмигрантов, надеявшихся попасть оттуда в Россию. Но, попав в Германию, "испариться", как тогда говорили, то есть не явиться в фирму, с которой подписан контракт, и совершить прыжок сперва в Польшу, а оттуда в Россию было уже не так просто, особенно без помощи организации, в одиночку. И многие эмигранты застревали в Берлине до конца войны или пытались, отработав какой-то срок, вернуться в страну, где жили до этого.

Другое дело – члены НТС. Для их переправки руководством была создана целая система. Первым делом надо было перескочить в Польшу, через Верхнюю Силезию, граница с которой мало охранялась немцами. Переход был организован А. Э. Вюрглером. И в его же "хозяйство" попадали члены НТС по прибытии в Польшу. Он решал, каким путем они двинутся дальше. Для некоторых удавалось доставать контракты с фирмами, работавшими на оккупированных территориях, и они отправлялись поездом с "настоящими" документами. Но большинству приходилось идти все по той же "зеленой дорожке".

А. Э. Вюрглеру удалось переправить ряд членов Польского отдела НТС в Россию уже в июле и начале августа 1941 года (один член НТС был в России уже в первый день войны: его устроили переводчиком при части известного немецкого летчика Мёльдерса). Кроме того, А. Э. Вюрглер до осени 1941 г. организовал несколько точек перехода польско-советской границы в районе Брест-Литовска, а также Катовиц.

Продолжение. Начало см. "Посев" №№ 1-6, 1990 г., №№ 1 и 2, 1991 г.

Эту границу – границу "Генерал-губернаторства", как немцы называли оккупированную Польшу, и "Восточных областей", как они называли оккупированные области Советского Союза, – охраняли очень тщательно. Здесь главным образом перехватывали бежавших из плена русских военнослужащих. Обычно их там же расстреливали. Поэтому пограничные части были в том районе соответствующего "профиля". Быть захваченным на этой границе не рекомендовалось и членам НТС. Но А. Э. Вюрглер создал там сеть из верных проводников – польских и белорусских крестьян, и провалов на этой границе почти не было. Было захвачено как-то несколько, как у нас говорили, "беспомощных интеллигентов", – но они знали немецкий язык, на бежавших военнопленных никак не были похожи, и их не расстреляли, а продержав некоторое время, отправили в Германию.

А. Э. Вюрглер организовал также явки уже на той стороне границы – в Лиде, Барановичах, Столбцах, Минске, Борисове и Смоленске. (Недавно к нам донесся голос из прошлого: после того, как Польша избавилась от коммунизма, было получено письмо от женщины, которая в 1941 году возле Катовиц переправляла через границу членов НТС.)

С начала войны до середины октября в Россию было переправлено около двухсот членов НТС, большинство – нелегально. Сюда следует включить и членов Союза из Чехословакии, которые сначала переходили через границу в Польшу и затем – в Россию.

Россия на улицах Берлина

Уже в 1941 году выяснилось, что и для тех, кому не удалось попасть в Россию, будет немало работы в самой Германии. Сюда устремились многие русские эмигранты. В надежде попасть в Россию, они теперь толпились в свободное время у русских церквей на Находштрассе, около русских ресторанов "Тройка", "Дон" и "Медведь", в редакции единственной в Германии русской газеты "Новое Слово". Сюда начали приезжать на работу и специалисты из оккупированных областей. Среди них был, например, бывший "эзк", инженер С. Е. Крушель – в будущем один из руководителей НТС и изобретатель воздушных шаров, сбрасывавших литературу НТС в Советском Союзе. Одни приезжали добровольно, чтобы увидеть Запад и в надежде, что в Германии будет легче, чем дома. Других завербовывали под давлением или просто забирали насильно. Среди этих людей было немало будущих членов и руководителей НТС. Это о них писал А. Н. Неймирок в своих "Октавах" (посвященных Е. Р. Романову):

*Мне ль вас забыть, веселые друзья,
Вас, спутники во вражеской столице?
Я помню вас, я вижу ваши лица,
Я слышу речи... Впрочем, что же я?*

*Все не о том! Вон тусклой вереницей
Бредут, о хлебе тихо говоря.
Их тоже помню. В валенках, босые...
По улицам Берлина шла Россия.*

Перед Союзом встала новая задача – помочь хотя бы небольшому числу из этих военнопленных, которых было несколько миллионов. В отличие от военнопленных других стран, с которыми лучше обращались и которые получали помощь через Международный Красный Крест и не голодали (некоторые английские и американские пленные вообще не брали немецкий паек, а сигаретами подкупали немецких охранников), наши военные были "вне закона". И первым виновником этого был Сталин, отказавшийся признать и подписать Женевское соглашение от 27 июля 1929 года, в котором определялись права военнопленных ("плен не месть и не наказание, а изоляция с целью не дать возможности попавшему в плен принимать дальнейшее участие в военных действиях"). Лавры за уничтожение русских пленных Гитлер должен поделить со Сталиным.

★

Сегодня трудно себе даже представить тот порыв, то воодушевление, с которым стремились молодые (старых тогда в НТС не было, было несколько человек среднего возраста) члены Союза во враждебную столицу – потому что на ее улицах они могли встретить Россию, потому что оттуда можно было перебраться дальше, на родину.

Действительно: ведь очень многие из них еще вчера готовили себя к переходу через границу, охраняемую советскими пограничниками, рискуя, что их застрелят или захватят и после пыток расстреляют. Сегодня граница охранялась немецкими пограничниками, охранялась не так тщательно, как советскими, и риск перехода был меньше. Кроме того, Россия двинулась нам навстречу: в Берлине повсюду можно услышать русскую речь. Так в чем же дело, какое еще может быть решение, кроме одного – использовать предоставившиеся возможности? Как бы ответили члены НТС, если бы руководители организации, обсудив все "за" и "против", решили, что от проезда через Германию и от пребывания в ней следует отказаться, поскольку когда-то кто-то будет нас обвинять, что мы "сотрудничали с немцами"? Вероятно, выбрали бы другое руководство. Или отправились бы в Германию по собственной инициативе, не обращая внимания на запрет.

А именно такие обвинения против НТС были после 1945 года выдвинуты не только советской пропагандой (что тоже не удивительно), западной коммунистической (что тоже не удивительно), но и некоторыми эмигрантами, проводшими войну за океаном ("перебиваясь с кока-колы на шоколад", как в пылу спора как-то воскликнул А. Артемов) и после войны приехавшими в Европу, – писать о войне исследования и научные труды. И высказывать вслух подозрения и критику в адрес НТС. ("Это не критика, а донос!", – сказал известному меньшевику А. Даллину один из руководителей НТС, не стеснявшийся в выражениях, когда дело касалось Союза.)

Обо всем этом можно было бы и не вспоминать. Обвинители-эмигранты отошли в мир иной, а "о мертвых или хорошо, или ничего". Советская же "перестроечная" печать обвиняет Союз в сотрудничестве с "фашистами" все реже, и воспринимаются читателем эти обвинения вовсе не в желаемом для хозяев этой печати направлении. Но неоднократно некоторыми из друзей задавался вопрос: "Мы знаем, что наша пропаганда лжет, но мы хотели бы знать, как это было на самом деле и в каких условиях вел НТС свою работу во время войны?"

И именно друзьям Союза на этот вопрос мне давно хотелось, хотя бы в общих чертах, ответить и, по-видимому, здесь для этого как раз подходящее место.

Высшее командование против Гитлера

Обвинять кого-то в том, что он "сотрудничал с немцами" означает, что обвиняющий записал всех поголовно немцев в национал-социалисты, соприкосновение с которыми марает человека. Впрочем, упорно называют "фашистами", чтобы не напоминать, что Гитлер как-никак был социалистом.

Лозунгом советской пропаганды было "Убей немца!". Не "нациста", не "фашиста" или "гитлеровца", а именно – немца. Любого. По сути, это был призыв к геноциду и сравнение с гитлеровскими намерениями напрашивается само собой. Однако, несмотря на этот призыв, Сталин пытался использовать немцев в своих целях и создал марионеточную антигитлеровскую организацию во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Англичане и американцы тоже всех немцев называли "наци", хотя имели возможность привлечь на свою сторону не марионеточных, а подлинных противников Гитлера. Это для них было бы выгодно в первую очередь по стратегическим соображениям. Ведь в то время, как Сталин готов был "напрасно, зазря", как поет А. Галич, положить любое количество людей, англичане и американцы старались во что бы то ни стало воевать малой кровью. И если бы им с помощью немецкого генералитета удалось ликвидировать фюрера в 1943 или 1944 году, англичане потеряли бы во второй мировой войне не 386 тысяч, и американцы не 259 тысяч человек, а намного меньше. (Впрочем, в сентябре 1938 года была возможность его убрать вообще, без войны.)

"Требую от Германии безусловной капитуляции, англичане и американцы показывали, что всех нас стригут под одну гребенку, вместо того, чтобы помочь нам, противникам Гитлера, его свергнуть!" – жаловался в 1952 году бургомистр Западного Берлина Эрнст Райтер во время торжественного открытия Общества русско-немецкой дружбы, немецким председателем которого он был (русским председателем был А. Р. Трушнович, глава Берлинского комитета помощи русским беженцам, похищенный агентами КГБ 13 апреля 1954 года).

Недавно попались мне строки американского автора, который пишет, что вот, как жаль: оказывается, в Германии были противники

Гитлера, которые даже организовали против него заговор и даже чуть его не убили. А мы и не знали...

Словам этим трудно поверить, они похожи скорее на попытку спрятаться от суда истории. Хотя суд этот мог бы оправдать фермера или домохозяйку, не ведавших истины, – но не политиков, отвечавших за судьбу страны и жизнь ее граждан.

Да и не знали ли они на самом деле, тогдашние политики? Или знали, но по какой-то причине не придавали значения? Об этом, надо думать, написано немало. Но мы возьмем лишь двух свидетелей: бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля* и бывшего военного переводчика немецкой армии Свена Стеенберга**.

Черчилль в своих воспоминаниях подтверждает, что уже в 1938 году, перед нападением на Чехословакию, был заговор против Гитлера, в котором участвовали "...генералы Хальдер, Бек, Штюльпнагель, Вицлебен (командующий берлинским гарнизоном), Томас (заведующий вооружением), Брокдорф (командующий потсдамским гарнизоном) и граф Гельддорф, стоявший во главе берлинской полиции. Главнокомандующий генерал фон Браухич был осведомлен и одобрил". (Хальдер был начальником Генерального штаба армии, Бек занимал это место до Хальдера, Штюльпнагель был оберквартирмейстером Генерального штаба армии.)

Гитлера собирались свергнуть 14 сентября 1938 года в 8 часов вечера. Танковая дивизия ген. Хёпнера должна была войти в Берлин и занять узловые пункты города. Операция была отложена после того, как днем стало известно, что Чемберлен вылетает на встречу с Гитлером. Мюнхенское соглашение, таким образом, не только отдало Гитлеру часть Чехословакии, но и спасло его самого.

Никто из генералов не проговорился, и Гитлер о заговоре не узнал. А участники заговора после этого вовсе не смирились с фюрером и от намерения свергнуть его не отказались. (Через какое-то время в личный самолет Гитлера, как мне рассказывал довольно осведомленный человек, была якобы положена бомба замедленного действия, механизм которой не сработал.) Генералы подготовили покушение на Гитлера и 20 июля 1944 года, когда тот чудом остался в живых (пять человек около него были убиты) после взрыва бомбы, положенной чуть ли не у самых его ног графом Штауфенбергом. За это Вицлебен, Хёпнер, Штюльпнагель и многие другие были расстреляны, – всего было приведено в исполнение свыше двухсот смертных приговоров. Другие участники заговора (например, генерал Бок) застрелились, чтобы не попасть в руки палачей. Но захвачены были далеко не все участники заговора.

* Уинстон Черчилль: *От войны до войны. Вторая мировая война, книга I. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954, стр. 329–332.*

** Свен Стеенберг: *Власов. Мельбурн, Австралия: изд. Русский Дом, 1974.*

Это верно, что все подробности заговора стали известны только после войны (в частности, от ген. Хальдера). Но нельзя верить, чтобы одна из лучших, а в то время, может быть, лучшая в мире разведка – британская, не знала, что высшие генералы немецкой армии решительно настроены против Гитлера. Если к тому же известно, что в 1938 году в руки французов попал документ, свидетельствовавший о крупных разногласиях между немецким военным и политическим руководством, то можно быть уверенным, что Черчилль знал, о чем говорил. Он подтверждал, что нельзя сомневаться ни в существовании заговора против Гитлера, ни в серьезных мерах, принятых заговорщиками для его осуществления, ни в том, что между фюрером и его помощниками-специалистами шла непрекращающаяся напряженная борьба.

Скажут, что попытка свергнуть Гитлера не удалась. Верно. Но ведь и разговор не об этом, а о том, что в высших военных кругах многие были решительными противниками гитлеровской политики, что генералы были только "верхом айсберга", что в немецких штабах было немало людей, готовых помогать тем русским, которые были и против Сталина, и против Гитлера. Об одном, незначительном в общем масштабе, но важном для НТС свидетельстве этого мы уже говорили, описывая, с каким пониманием отнеслись в немецком Генеральном штабе в 1938 году – то есть во время подготовки заговора – к заявлению секретаря Исполнительного бюро НТС М. А. Георгиевского, что пока политика Гитлера по отношению к России не изменится, никаких контактов со Штабом у нас быть не может. Говорили мы и о том, что офицеры штаба посоветовали двум руководителям Германского отдела НТС до начала войны уехать из Германии, так как иначе их может арестовать гестапо.

"Общество борьбы против жизнеопасного идиотизма"

Неверно было бы думать, что только часть высшего командного состава была против Гитлера, что только некоторые высокообразованные генералы понимали, что "ефрейтор" в безграмотном военном азарте доведет страну до гибели. Немалое количество штабных офицеров и среднего офицерства было против политики Гитлера; по их мнению, она была губительной и аморальной. Эти офицеры не имели возможности организовать заговор против фюрера, но они саботировали его политику где и как только могли.

Об этом есть немало свидетельств. Остановимся на одном из них, на упомянутой книге С. Стеенберга.

Об авторе я узнал задолго до появления книги от члена НТС Сергея Тарасова, проводившего в оккупированных немцами областях политическую работу. Мы возвращались на машине из Парижа во Франкфурт; он предложил сделать десяток лишних километров и заехать к его "крестнице", жившей в Лотарингии – и встретившей его как отца родного. "Крестнице" во время войны было около шестнадцати лет, и она была, как и множество других девушек-подростков, наскоро

обучена обращению с радиопередатчиком и заброшена в немецкий тыл. Большинство их немцы вскоре захватили. Извлекли из копны сена также бедную "крестницу" и заперли в подвал комендатуры, чтобы вскоре расстрелять. Но по просьбе С. Тарасова немец, военный переводчик, спас ей жизнь: вызвал якобы для опроса, а затем переправил на работу в Германию. Это и был Свен Стеенберг.

Книгу он написал о Власове, но в ней немало сказано именно о тех офицерах, которые понимали, что против Сталина нужно бороться в союзе с русским народом, и пытались провести не гитлеровскую, а свою собственную политику. Так, например, автор сообщает, что в Виннице был

"Особый лагерь Главного штаба. Этот лагерь, без ведома высшего командования, был создан начальником II Организационного отдела Генерального штаба графом Штауфенбергом и находился в ведении капитана Петерсона. Петерсон был балтийцем, быстро вступал в контакт с пленными и, как большинство в отделе, был противником официальной восточной политики.

Эти офицеры, - рассказывает далее Свен Стеенберг, - отвергали эти нереальные планы, порожденные манией величия, не только по военным, но и по моральным соображениям и боролись против них (...) эта группа все больше выдвигалась на первый план и пыталась различными путями добиться изменения официальной восточной политики. Полковник граф Штауфенберг, покушавшийся впоследствии на Гитлера, назвал ее Обществом борьбы против жизнеопасного идиотизма".

Автор рассказывает о Рейнгарде Гелене, которому уже упоминавшийся нами генерал Хальдер поручил руководство отделом "Восточных армий". Гелен был решительным противником насильственных методов Гитлера, считая, что немцы должны действовать только в честном сотрудничестве с русским народом. Он привлек в свой отдел ряд молодых офицеров Генерального штаба, настроенных так же, как и он.

(После войны Гелен был руководителем разведки ФРГ и его бешено травил советская пропаганда - не из опасения ли, что занимая эту немаловажную должность, он будет внушать стоящим выше него политическим деятелям все ту же идею о честном сотрудничестве с русским народом в борьбе против коммунизма.)

Сообщает автор и о том, что командующий Второй танковой армией генерал-полковник Шмидт уже в сентябре 1941 года написал доклад о возможности подавления большевиков самим русским народом, поскольку большинство населения в оккупированных областях настроено резко отрицательно к коммунистической власти. И о том, что начальник военной контрразведки адмирал Канарис подал генерал-фельдмаршалу Кейтелю (который, кстати говоря, пытался отговорить Гитлера от нападения на Советский Союз) письменный протест против незаконного и жестокого обращения с советскими военнопленными. (Адмирал Канарис за участие в заговоре против Гитлера был повешен в начале апреля 1945 года в концлагере Флоссенбург.)

Подробно говорит С. Стеенберг и о капитане Вильфриде Карловиче Штрик-Штрикфельдте, написавшем после войны книгу "Против Ста-

лина и Гитлера". Но о нем, бескомпромиссном борце против большевизма и национал-социализма, нам еще надо будет говорить. Сейчас скажем лишь, что в первую мировую войну он был русским офицером, а для того, чтобы не навлечь на себя подозрений гестапо и чтобы его допустили к работе, которая была ему по сердцу, он подделал свой паспорт, указав, что родился на о. Гельголанд. На самом деле он родился в Риге (тогда это была Россия), а учился в Петербурге.

Вместо церквей – бассейны для плавания!

Мы уделили так много места бывшим против Гитлера военным по той причине, что реальная возможность устранить диктатора была в руках военных. И потому, что время было военное и членам НТС чаще приходилось иметь дело с военными.

Но и среди невоенных немцев было немало людей, отрицательно отнесшихся к фюреру. Коснемся только верующих.

Произнося речь над гробом своего соратника-партийца, Гитлер нередко заканчивал фразой: "И вознесся он в Вальхаллу!". Это не было неуместной шуткой, а произносилось совершенно серьезно. Национал-социалисты вводили свою собственную, "древнегерманскую" религию; они были против христианства и в их планы входило его уничтожение – во всяком случае в Германии.

Вскоре после войны пожилая женщина, староста одной из красивейших церквей в Бад-Гомбурге (вблизи Франкфурта) с возмущением вспоминала, как где-то незадолго до войны комиссия из "гольдфазанов" (так, за золотисто-желтую форму, беспартийные немцы называли членов национал-социалистической партии) тщательно осмотрела ее церковь и заявила, что в будущем ("после победы") церковь будет превращена в бассейн для плавания.

Не трудно догадаться, каким стало отношение прихожан к Гитлеру после посещения "гольдфазанов". А ведь такие комиссии из партийцев прошли по всей стране, обещая отобрать у верующих храмы и превратить их в бассейны (или в клубы, или антихристианские музеи). Расправу с церковью Гитлер отложил: не мог всем заниматься одновременно. Но некоторых из отрицавших национал-социализм церковных руководителей успел арестовать и поместил в лагерь.

Одним из таких заключенных был известный пастор Нимёллер, находившийся в лагере с 1937 года в качестве "личного заключенного фюрера". В семье соратника Нимёллера, доктора Гроша, в Далеме, предместье Берлина, жил под конец войны мой отец. В это время большинство руководителей НТС было уже арестовано гестапо, и многие из них находились в берлинской тюрьме на Александерплац. Опасаясь, что при подходе к Берлину советских войск руководителей НТС расстреляет гестапо или что они попадут в руки СМЕРШа, находившиеся на свободе члены организации предпринимали шаги для их освобождения, используя для этого связи в высших немецких кругах. Но на тот случай, если в этих кругах ничего не выйдет, группа членов НТС под руководством А. А. Тенсона готовилась к штурму тюрьмы.

Ящики с ручными гранатами для этой операции хранились под кроватью у моего отца, так как друзья пастора Нимёллера (которые знали что в ящиках и для чего) считались одними из наиболее надежных людей.

★

Нет, сопротивление против Гитлера не было всенародным движением. Очень многие немцы были искренними его сторонниками, послушными исполнителями распоряжений начальства (любого). Но когда говорят, что "все немцы были за Гитлера" и аргументируют это массовыми демонстрациями в его пользу, парадами, толпами ликующих жителей и детьми с букетами цветов, то хочется напомнить, что еще более массовые демонстрации, парады и ликующие толпы славили Сталина. И если пользоваться такой же логикой, то что же – и у нас "весь народ был за Сталина"?..

На блошином рынке на берегу Майна мне посчастливилось приобрести номер газеты "Франкфуртер Анцайгер" (если не ошибаюсь, в ней одно время работал знаменитый Зорге) от 6 марта 1933 года. В этом номере сообщается о победе на выборах национал-социалистов (об этом голосовании приходилось читать и в книгах, но тут в руки попался документ тех дней, первоисточник). Партия Гитлера получила 43,9% голосов, социал-демократы 18,3%, коммунисты 12,1%, партия центра 10,9%, другие партии 3% и меньше. (В Зоссенхайме, где сегодня редакция "Посева", в 1933 году за Гитлера проголосовало 912 человек, за социал-демократов 638, за коммунистов 760, за партию центра 751.)

Кто-то из этих людей перекинулся к Гитлеру, кто-то, хотя и по-малкивал, но был не сторонником фюрера, а потенциальным помощником его противников.

Вот среди таких немцев – одних подлых, других честных, одних доносчиков, других помощников, одних врагов, других друзей – довелось работать перебравшимся в Германию членам Союза, а не среди поголовных оголтелых "фашистов" – в эти, как писал А. Н. Неймирок, "прекрасные и гибельные дни".

И сегодня можно с уверенностью сказать: если бы в 1941 году руководство НТС и большие группы членов Союза не двинулись в Германию с тем, чтобы оттуда перебираться в оккупированные области Советского Союза (а под оккупацией в конце 1941 года было около 60 миллионов человек, 40% населения страны, а весной 1942 года – 70 миллионов), если бы организация не начала тогда вести работу среди своих, попавших в Германию соотечественников, – то Народно-Трудовой Союз российских солидаристов где-то в середине или конце сороковых годов этого столетия перестал бы существовать как активная политическая организация, оставив по себе лишь память и какие-то печатные страницы для будущего историка.

Фонд Свободной России

Адрес для переписки:

T.Slavinsky
Flurscheideweg 15
D-6230 Frankfurt a.M.80

Банковский счет:

A/C 461 971, Rubr.Free Russia
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel

Фонд Свободной России был создан решением Совета НТС в 1966 году. Движение за установление правового строя в России нуждается, в частности, в материальной поддержке - как со стороны российской эмиграции, так и иностранных друзей России.

Пожертвования за июнь 1990 г. - февраль 1991 г.

Собрано на Юбилейном вечере в Мельбурне (Австралия)	ав. долл.	440,43
Собрано О. Перекрестовым на просмотре фильма (Австралия)	ав. долл.	24,20
О. Перекрестов за демонстрацию фильма (Австралия)	ав. долл.	299,00
И. Иванов (Австралия) 4 взноса	ав. долл.	2.250,00
Б. и Е. (Австралия)	ав. долл.	225,00
С. Зезин (Австралия)	ав. долл.	70,00
С.А.З. и В.Н.З. (Австралия)	ав. долл.	300,00
Н. Н. Фомина-Шуднат (Австралия)	ав. долл.	100,00
Л. Шербина (Австралия)	ав. долл.	5,00
Е. Кассон (Австралия)	ав. долл.	5,00

А. В. Криницкая (Австралия)	ав. долл.	100,00
Н. Мазин (Австралия)	ав. долл.	10,00
А. Коновец (Австралия)	ав. долл.	30,00
Г. Г. Вербицкий (США)	ам. долл.	50,00
С. М. Голубов (США) на компьютер в Россию	ам. долл.	200,00
С. М. Голубов (США)	ам. долл.	60,00
П. П. Козак (США)	ам. долл.	40,00
В. Е. Круглова (США)	ам. долл.	25,00
Г. К. Чепурков (США)	ам. долл.	15,00
А. И. Назаров (США)	ам. долл.	10,00
С. Н. Падюков (США)	ам. долл.	50,00
З. С. Мендюк (США) на Посев в Россию	ам. долл.	50,00
Г. Г. Вербицкий (США)	ам. долл.	50,00
С. Ф. Мацукевич (Канада)	ам. долл.	50,00
В. Зезюлин (США) в память Марии Мечиславовны Крестинской	ам. долл.	100,00
В. и Е. Руденко (США) в память Сергея Михайловича Голубова	ам. долл.	100,00
Таня (Москва) через В.П.	ам. долл.	20,00
Д-р Р. Райххельм (Германия)	н. м.	300,00
С.Ф.К. (Германия) 6 взносов	н. м.	120,00
Я. Ф. Кристенсен (Норвегия)	н. м.	91,00
В. П. (Бельгия)	н. м.	40,00
А. Б. (Бразилия)	н. м.	100,00
Французские друзья через В.П. 4 взноса	фр. фр.	800,00
С. А. Дикун (Франция)	фр. фр.	60,00
В. П. (Бельгия) выручка от русских сувениров	фр. фр.	200,00
В. П. (Бельгия)	бельг. фр	100,00
В. П. (Бельгия)	бельг. фр.	500,00
Финский друг	фин. марки	100,00
Гимнаст из Москвы	рубли	5,00
"Одесситы"	рубли	20,00

Всего за отчетный период в швейцарских франках 5,789,02

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь: Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Р. Б. Евдокимов, В. Г. Ламздорф,
Б. Г. Миллер, Е. Р. Миркович, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. 101000 г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54
Тел. 207 79 48

МАЗУРИН А. 603016 г. Нижний Новгород, ул. Пескова, дом 9-а, кв. 27
Тел. 59 40 86

ЕВДОКИМОВ Р. Б. 191028 г. Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, дом 5,
кв. 24. Тел. 273 43 03

ДЕРЕВЯНКИН А. Н. 413101 Саратовская обл., г. Энгельс-1, д. 28, кв. 15
Тел. 2 39 57

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1991 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 341265

Telefax: (069) 343841

Postscheckkonto: 33461-608 Ffm

Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек

Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, 04515 Sao Paulo

ВЕНГРИЯ. Bartók Béla, út 16. 1.em. H-1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Casela Postale 630, Roma-Centro

ПОЛЬША. Slawomir Nazaruk. 15-959 Białystok 2.
Skr. Poszt. 117

СССР. В. Батшев. Москва 129010 Абонентный ящик 72.
Тел. 465 05 05

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118
"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272

G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Möslweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertälje

Подписано в печать 20.06.91. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,0. Усл.кр.-отт. 8,375. Уч.-изд.л. 10,1. Тираж 50 000. Цена 3 руб. Заказ 316.
Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.
Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.